

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 8 (83)

август, 2023

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Я рад представить вашему вниманию августовский номер литературно-исторического журнала «Александръ», поднимающий близкую мне тему развития садоводческой науки и подчёркивающий важность уважения к труду Человека, работающего на земле.

Любовь к земле, преданность своей Родине, верность долгу – эти качества всегда являлись составляющими богатства России. Испокон веков на Руси ценился труд земледельцев. Они пользовались всеобщим уважением. Их недаром называли и называют по сей день кормильцами страны. Это очень высокое и почётное звание. Плодами их труда ежедневно пользуется каждый человек.

Прославлять Человека Труда является основной задачей журнала «Александръ», а августовский праздник Вознесения Господня, или в простонародье Яблочный Спас, – хороший повод для этого. От всей души поздравляю с замечательными праздниками православных людей, а особенно садоводов-учёных из ФНЦ Садоводства и ФНЦ им. И. В. Мичурина, и благодарю их за нелёгкий, но необходимый для жизни на Земле труд.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

К великому сожалению, в настоящее время в современной литературе очень мало уделяется внимания сельскому труду, работать на селе стало не модно и не престижно. Современная молодёжь, окончив обучение в родных сельских школах, стремится покинуть малую родину. Мы плохо информированы о трудовой деятельности советского времени, времени наших родителей, наших бабушек и дедушек, а без знания истории своих предков невозможно построить будущее. Именно освещение и прославление деяний человека Труда, работающего на земле, является наиважнейшей задачей.

Попытки сохранения численности сельского населения и стимулирования миграции населения в сельскую местность не работают, поскольку точечные меры проваливаются из-за фактического отсутствия условий для развития сельских территорий.

Для решения этой проблемы необходимы комплексные социально-экономические преобразования, переворот мышления современного поколения с опорой на силу русского языка, которую так боятся наши враги. В противном случае ничего не изменится и по результатам следующей переписи населения мы получим данные о ещё большем числе обезлюдивших деревень и продолжающемся снижении численности сельского населения.

***Яков Петрович ЛОБАЧЕВСКИЙ,
академик Российской академии наук,
академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук***

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (83), август 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.08.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

- 6 Владимир Кашин.
Ода русскому языку
- 9 Наталья Бакаева.
Русский богатырь
- 10 Александр Рыжков.
Мой пригород – парочка станций

РОДНОЕ

- 15 Татьяна Грибанова.
Спелым летом

КРИТИКА

- 22 Николай Переяслов.
«Империя, очнись!..»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 26 Галина Чернышова (Рубленко)
- 30 Владислав Бусов.
Русь моя
- 33 Александр Ведищев
- 34 Николай Чербаев
- 36 Александра Лоскутова

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- 37 Анатолий Труба.
«Мой папа живой!»

ПРОЗА

- 39 Анатолий Трофимов.
Больной человек
- 42 Про сострадание,
ответственность и пчёлку Жужу

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

- 45 Алексей Яшин.
Надомники

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

- 54 Сергей Белов.
Рождение флота

ЛИЦА НАУКИ

- 56 Татьяна Солодова (Матиканская).
Победа над сопротивлением

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГИД

- 65 Александр Балтин.
Литературные прогулки по Калуге

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 68 Юрий Мартишин.
Как понять мир людей?
- 70 Дмитрий Аникин.
Наша Энеида
- 73 Александр Шестунин.
Из книги «Город Ив.ru»

ЖИТЕЙСКОЕ

- 77 Александр Александров.
Стая
- 82 Раиса Гайдарова.
Сладость восторженных слёз
- 85 Вадим Кулинченко.
Журавль

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

- 89 Александр Сергеев.
Марка к юбилею народного поэта

90 ЛИТФИЛ-2023

ЮБИЛЕЙ КЛАССИКА

- 91 Елизавета Хапланова.
Генетический код России

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94 Валерия Морозова.
«Дней Александровых прекрасное начало»

Ода русскому языку

Владимир КАШИН

Русский язык могуч, велик –
Его ты не возмёшь на крик,
Не ограничишь песней дивной
Из глубины веков, старинной.

Не погубить его и матом,
Он наравне с ратным солдатом
Готов Россию защищать,
В бою полки воодушевлять.

В атаке клич в горле застрял,
И ты глазами лишь сверкал,
Вперёд друзья твои неслись
С криком «Ура!» и с шашкой ввысь.

Смех, печаль, ручьями слёзы,
Радость любви, врагов угрозы –

Язык веками собирался,
В полях, лесах, морях рождался.

Язык – набат и собиратель,
Кладовых страны искатель,
Венец, творец и победитель,
Народов всех, страны хранитель.

Он многолик, певуч и звонок.
Порой наивен как ребёнок,
В гневе гудит, словно металл,
В любви к нему и стар и мал.

Язык эмоций и души,
Его понять ты поспеши,
Да вспомни Пушкина творенья:
Язык – он времени веленье.

С этим спорить я не буду,
Но, поверьте, не забуду
Тех, кто русским языком
Ломал и время напролом.

Кто заглядывал вперёд,
Видя красный небосвод,
Кто любил страны народ,
В трудный вёл его поход.

Заре навстречу и победам,
Язык, доступный нашим дедам,
Его нынче засоряют,
Глумятся, даже запрещают.

Власть от «цифры» без ума,
Вселился в душу сатана,
Читать, писать уж разучились,
Как будто в цифре и родились.

Чужеродные платформы
Выдают в виде реформы,
Где русским духом и не пахнет,
Время пройдёт, и страна ахнет.

Ой, ребята, всё не так!
Надоел этот бардак!
Лезут в душу и геном
Англосакским сапогом.

России сбросить бы заразу,
Перекреститься бы три раза,
За ум бы взяться – ума палата –
И верного позвать солдата.

Пусть будет это не впервой,
Русский язык – воин, герой,
Ходил он с песней по Берлину,
Как надлежало властелину.

Был в Париже и Варшаве,
В Праге, Вене, Братиславе,
Страну солнца покорил,
Японцев начисто разбил.

Кормил полмира и учил,
Строил города, лечил,

Владимир КАШИН

Председатель комитета государственной Думы по аграрным вопросам, Академик РАН, Член Союза писателей России.

Родился в 1948 году в крестьянской семье на Рязанщине. В этом певучем крае прошли годы детства, учебы и начало работы. Сельский труд стал основой, на которой формировался характер будущего крепкого хозяйственника и учёного. К теме родного края, труда на земле, судьбы российской деревни неоднократно обращался в своём поэтическом и политическом творчестве.

Сам порой недоедал,
Но при этом не роптал.

Помогал арабским странам,
Китаю, Индии, Вьетнаму,
Связал Варшавский договор,
Был судья и прокурор.

Никого в мире не обидел,
Несправедливость часто видел,
С ней боролся в меру сил,
Убеждал, учил, просил...

Нам бы всем пора понять
И речь родную прославлять,
Как Пушкин, Лермонтов, Державин –
Скажите, кто им нынче равен?

Толстой, Есенин, Маяковский,
Некрасов, Гоголь и Твардовский,
Им под стать был Чернышевский,
Чехов, Блок и Достоевский.

Великих всех не перечесть,
Им слава русская и честь,
Ленин, Сталин, Ломоносов,
Жуков, Гагарин и Амосов,

Островский, Шолохов, Распутин,
Гремит в миру и имя Путин,
Кобзон, Задорнов, Лановой –
Все от земли, народ простой.

Язык родной – он наш глашатай,
Народа русского вожатый,
Мы за него стоим стеной:
Он – прародитель наш родной.

С тобой спасём нашу планету
И призовём врагов к ответу,
Добро и свет будем нести,
Чтоб счастье в мире обрести.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Дни сада, под Яблочный Спас,
Садоводы проводят с душою.
Достиженья науки и производства показ
Соответствуют праздничному настрою.

Фильмы, лекции, стенды и стеллажи
Раскрывают суть всех достижений.
А продукция не муляжи,
В достоверности нет сомнений.

От малины до спелых груш,
Винограда и налившихся яблок
Дегустируем мы, невзирая на сушь,
Алычи вкус не менее сладок.

У каждой зоны свой «сортимент»,
Осеверенье садовых культур нарастает.
В основе – селекционно-генетический
эксперимент,

И технология в зимостойкости помогает.
Мурманск и город Сочи –
Повсюду проходит открытый урок,
Чтоб знания по садоводчеству упрочить.

Параллельно с учёбой – ярмарки распродаж
Плодов, ягод и посадочного материала.
Цены «Преображение» взяло под патронаж,
Но продукции меньше не стало.

Хотя торговля бойко идёт
И народу вполне хватает,
Но заглянем немного вперёд –
Урожай каждый день нарастает.

На рынки продукцию трудно ввести,
В супермаркеты – практически невозможно.
Через импорт и коррупцию не пройти,
Реализовать урожай очень сложно.

О конкуренции речь не идёт,
На рынках коррупция заправляет.
Низвели РАСХН – крестьянства оплот,
Об этом правительство знает.

Садоводам в Европе поддержка растёт,
Триста евро на га выделяют.
В России – ровно наоборот,
До сорока долларов снижают.

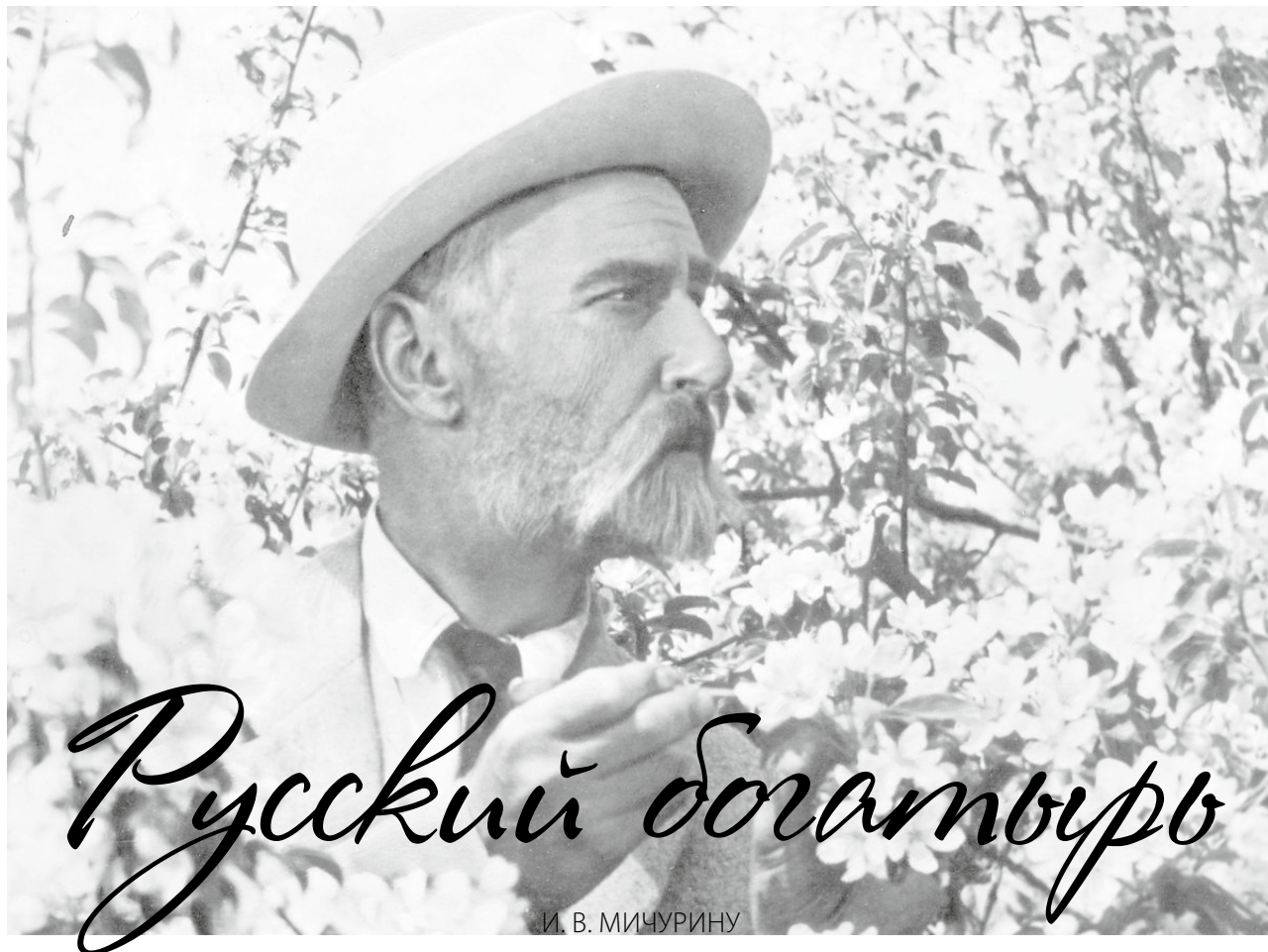
На Западе государство баланс ведёт,
Министерство реализацией занимается.
Наш Минсельхоз в отчётах приврёт,
И крестьянин один на один в поле мается.

Предложения садоводов и овощеводов просты –
Господдержку поднять на уровень европейский,
С торговлей помочь навести мосты
И правительство чтоб было родным, а не третейским.

И на санкции нам тогда наплевать.
Страну продовольствием обеспечим.
Кормильцу необходимо внимание уделять,
А мы ударным трудом ответим.

Залогом тому крестьянский дух
И корни народа державы.
У аграрной страны много заслуг,
И в деревне – источники славы.

А за праздник спасибо всем,
Всенародно Яблочный Спас отмечаем,
Чтобы не было у садоводов проблем,
Медовый квас и фрукты вкушаем.

Наталья БАКАЕВА

Растёт величие Мичурина с годами,
Гордится сыном Родина моя.
Мичуринскими дивными садами
Украшена Тамбовская земля.

Великолепен путь его и чуден,
Высокой целью разум озарён.
Судьбою призван был Иван Мичурин
Отважно брать науки бастион.

Есть мудрая пословица от века,
У нас народ не любит лишних слов.
И впрямь «не место красит человека» –
Мичуриным прославился Козлов.

Его ценил Вавилов не напрасно,
Мичурина заслуга велика.
И яблоня в цвету всегда прекрасна,
Её фатой покроют облака.

Он не летал, не ездил за границу,
Тот срок цена, что для свершений дан,
Но шли к нему и ездили учиться
Из сёл окрестных и далёких стран.

Чинил часы, мечтая о великом.
В быту и в обращении простой.
И провожает нас своей улыбкой
В грядущее знакомою тропой.

Под солнцем рос его родной питомник
И зеленью стремился в небеса.
Одни провозглашали: «Это подвиг!»
Другие восклицали: «Чудеса!»

Морозостойкий сеянец возрос,
Он венчается с яблонькою дикой.
И золотится спелый абрикос,
Малина подружилась с ежевикой.

От юга и до Дальнего Востока,
Среди лесов, и северных морей,
И водопада щедрого потока
Не отыскать таких «Богатырей».

И в отблесках грозы весенней бури
Цветёт дождём умытый дивный сад.
Тому порукой наш родной Мичуринск,
Тому порукой наш наукоград.

Александр РЫЖКОВ

Александр Рыжков – поэт, организатор, политический и общественный деятель. Руководитель Рыбинского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России с 2020 года. Лауреат Ярославского областного литературного конкурса им. Н. А. Некрасова. Финалист премии им. А. И. Казинцева в номинации «Открытие», один из организаторов Всероссийского фестиваля «Солнечный круг» им. Л. И. Ошанина.

Мой пригород – парочка станций

* * *

Мой пригород – парочка станций,
Забывая службами глушь
Под грифом казённых инстанций
В архивах сварливых чинуш.
Здесь шрамом железной дороги
Разрезан район пополам.
Прохожие смотрят под ноги,
Пиная пластмассовый хлам.
А небо глядит им на лица
Из грязных коричневых луж.
В ногах облаков вереница –
Что клин неприкаянных душ.

* * *

Вновь за домом
дворник жжёт
ворох листьев жёлтых.
С дымом в воздухе витает
пасмурная грусть.

В прошлогодних башмаках,
до смерти затёртых,
тротуарами иду,
силясь не уснуть.
В подворотнях мужики
что худые голуби.
В ноги им рассыпалась
опавшая листва.
Башмаками подниму
золотые всполохи.
Видно, дворник не дошёл
до этого двора.

И в такое утро мне
многое понятно.
Ощущаю я себя
опавшею листвой.
Жухнуть под ногами же,
право, неприятно.
Лучше ты сожги меня,
дворник дорогой.

* * *

Я ел лапшу в пластмассовом стакане,
Но руки о штаны не вытирал.
Мог разглядеть породу в хулигане,
А если драку видел, разнимал.

Бывал не прав. Судьба меня таскала.
Гуляли мы, пугая ресторан,
Где липкий пол прокуренного зала.
И был тогда я тоже хулиган.

Но с возрастом становится сильнее,
Всё крепнет мысль весомая о том,
Что редко получается вернее
Брать силой то, чего не взять умом.

Насмешка ли, в итоге стал поэтом.
О жизни той так часто я пишу.
Но стоит ли мне тосковать об этом
И для того заваривать лапшу?..

СТАРОМУ ЗНАКОМОМУ

Вдохни, как дым, прохладу улиц,
Вдохни, как можешь, глубоко.
От нежности продажных спутниц
Не остаётся ничего.

Пусть кепку дерзкую ты носишь,
Не скрыть предательских седин.
– А дальше что? – себя ты спросишь,
Когда останешься один.

Перевернув опять страницу
Своих банальных стратагем,
Перебираешься в столицу,
Чтоб возвратиться вновь ни с чем.

Ведь мы с тобой одной породы,
Но разве можно продолжать
Тонуть в иллюзии свободы
И всё бежать, бежать, бежать?..

* * *

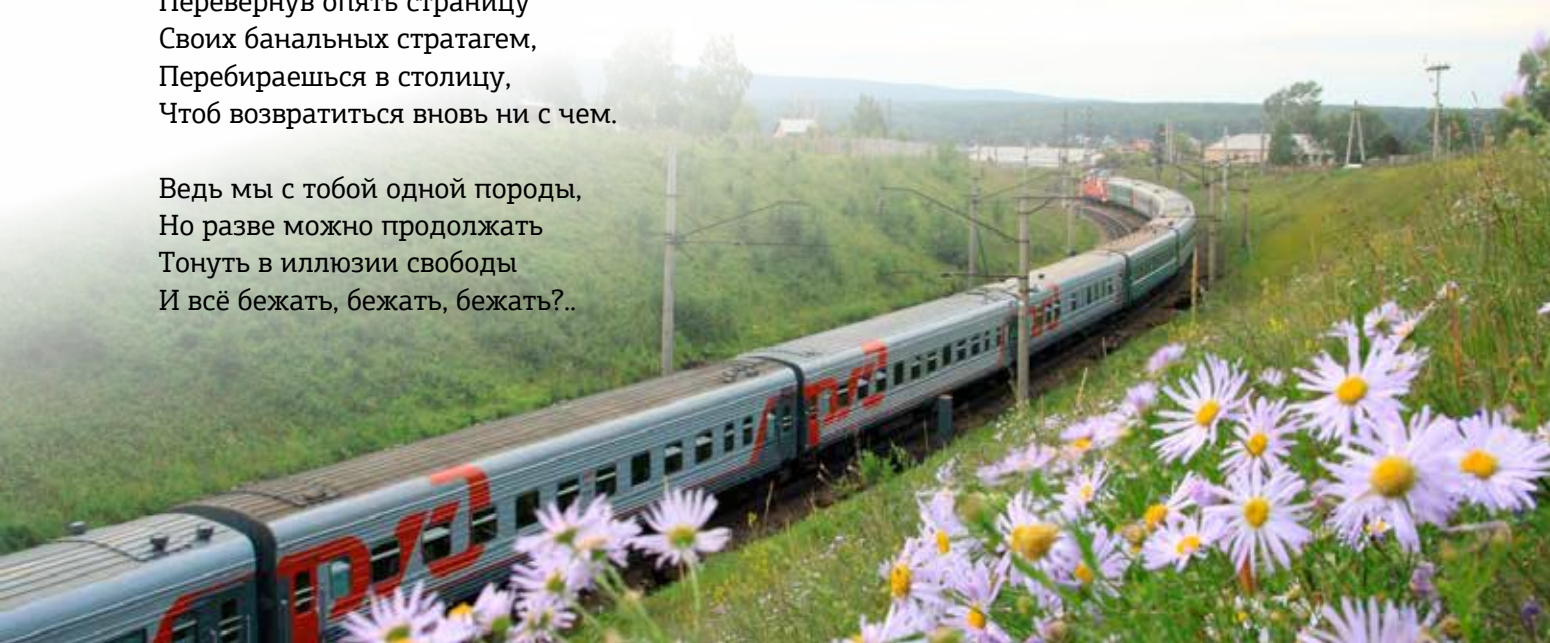
На дне колодца серого двора
У мусорки два пьяницы кричали,
Хабар делили, спорили с утра.
Толпой уже промчались заводчане.
Закинули бутылки и картон,
Жестянки и заношенные кеды.
А в банке недоеденный бульон
Заботливо оставили соседи.
Всё понимают, выродилась злость.
Хрущёвки – как панельные бараки.
Как бы самим под старость не пришлось
Осваивать те мусорные баки.

* * *

Не забыты квадратные метры,
Где на окнах в стаканах окурки,
Где с фасада осенние ветры
Обдирали слои штукатурки.

В каплях краски скрипучие ножки
Табуретки на лестничной клетке,
Где таскали подвальные кошки
Из фарфоровых блюдец объедки.

Там внутри, за обшарпанной дверью,
В малой комнате время застыло.
Может быть, я вернусь и поверю,
Счастье... кажется, здесь оно было.

* * *

МЫС РОЖНОВ

Работа – дом, работа – дом...
Привычная для многих схема.
Неутомимая система
Доход определит трудом.

Работа – дом, работа – дом...
Не жди особых предложений.
Лежит на полке достижений
Непригодившийся диплом.

Порядок пряника с кнутом
Местами можно переставить,
Вот только сути не исправить –
Работа – дом, работа – дом.

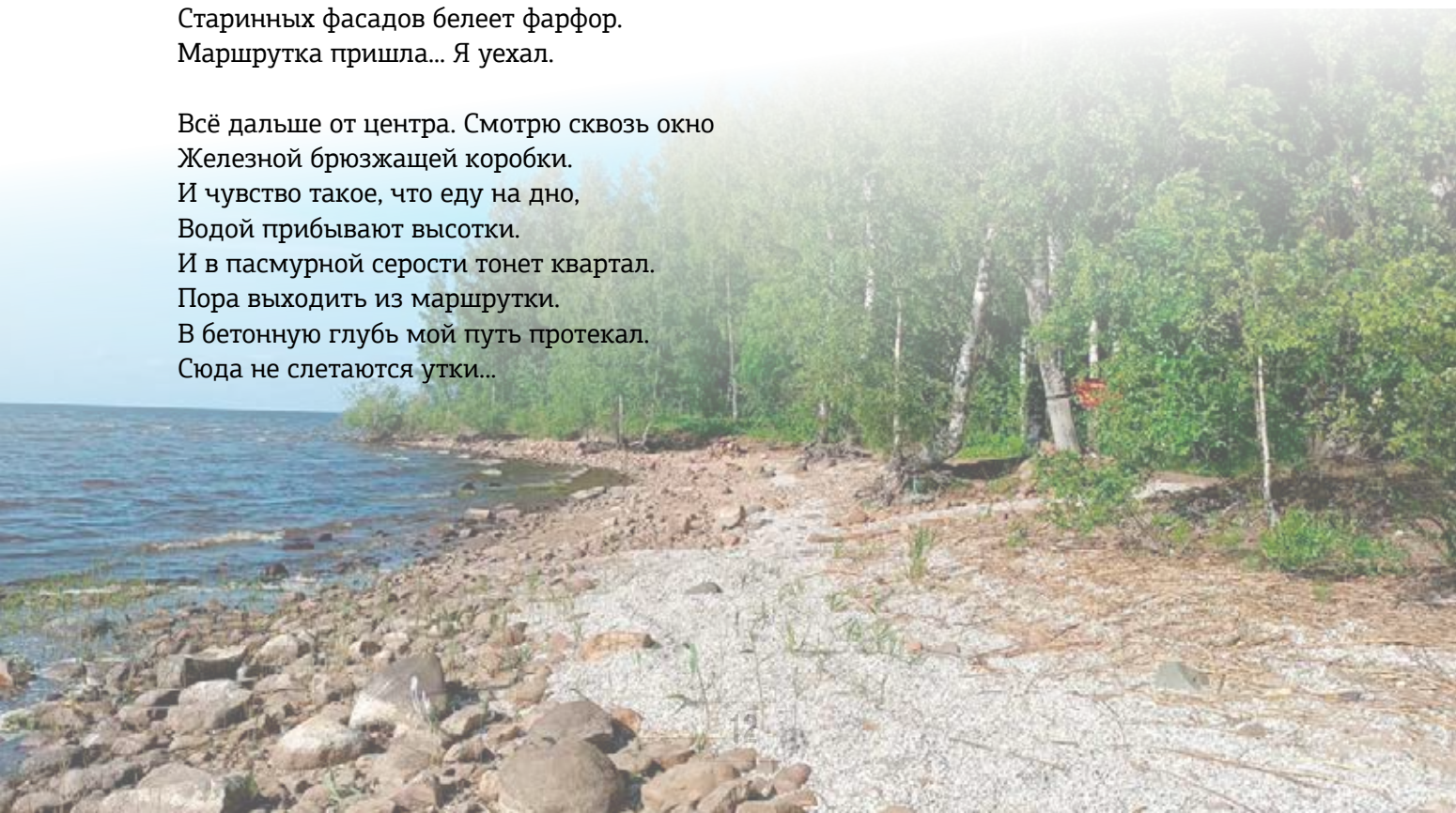
Толкают бесы под ребром
Во власть, в тюрьму или в бегу.
Но там тоска... Вернуть бы схему:
Работа – дом, работа – дом...

Небо и море
смыкались вдаль,
туда тихо шли
облаков корабли.
Зябко дрожит
бирюзовая вязь,
с берегом тонкая
держится связь.
Редкое место –
орлиный простор.
Рядом тот город,
где мост и собор.
Гулко шумит
пустота на ветру.
Развейте здесь
прах мой,
когда я умру.

* * *

На площади утки, я им раскидал
Остатки черствеющей булки.
Маршрутку из старого центра я ждал,
Мой дом здесь, мои переулки.
Касается куполом неба собор,
Гудит колокольное эхо.
Старинных фасадов белеет фарфор.
Маршрутка пришла... Я уехал.

Всё дальше от центра. Смотрю сквозь окно
Железной брюзжащей коробки.
И чувство такое, что еду на дно,
Водой прибывают высоты.
И в пасмурной серости тонет квартал.
Пора выходить из маршрутки.
В бетонную глубь мой путь протекал.
Сюда не слетаются утки...

Никас Сафронов. Этюд «Красоты русского лета». Х. м. 30 х 40, 2020

Никас Сафронов. Красота русского севера, х. м. 40 х 50, 2016

Никас Сафронов. Воспоминание о лете, или Именинный натюрморт

S. NIKAS

СПЕЛЫМ ЛЕТОМ

Татьяна ГРИБАНОВА

Поэт, прозаик, публицист. Председатель Совета по защите родной природы при Правлении СПР. Руководитель поэтической студии «Слово» и Клуба творческой интеллигенции «Светлица» в г. Орле. Член редколлегии журнала «Берега».

Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Александръ», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Московский вестник» и мн. др. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий.

Который год одно и то же – как приеду под Преображение, на исходе лета, в деревню попроведать на погосте родных, так перед этим все ноченьки напролёт слева в груди щемит и щемит, жмурься не жмурься – не уснуть до самого свету.

Нынче вот опять проворочалась с боку на бок – хоть бы хны, так и не сомкнула глаз. И лишь к заре, словно нарочно, когда наконец-таки стали путаться мысли, навалившиеся щедрыми хоботьями новолетнего сена, вдруг под «золотой осенью», что расселась на краю палисада, точь-в-точь как какая-нибудь деревенская баба со своею хлебосольной торбой, часам к шести по вытоптаным до глянца стёжкам, по тесовой крылечной крыше шибко-шибко затукало.

Ну и невразумиха ли я? Поди, уж и пора, спасовы дни на дворе! Только-только справили Медовый, не успели оглянуться, а уж и Яблочный тут как тут.

Всю прошлую неделю отец раздавал налево и направо наши хваленные на всю округу хуторские меды. С разнотравья тягучие и чуть зеленоватые, пропахшие окрестными луговинами, лесными да боровыми полянами. Одаривал родных и просто хороших знакомых духовитыми всклень наполненными махотками, кубанами, банками, а то, особо не задумываясь, – и целыми запечатанными под завяз ярым светом и солнцем рамками.

– А-а! Не жалко! – махал рукой, улыбаясь, старик, – вдруг до следующего лета не дотяну? Пусть люди помнят нашенские сласти... Да к тому ж сколько их одному нужно-то? В три горла не съешь!

В раскинутое окно сквозь продрогшие на густоросном ветерке, добро подсиненные тюли (без малого неделю по приезде наводила в избе порядок: мела, стирала, готовилась к празднику) расслышала, как всё ещё неугомонно, наперебой с осыпающимися переспелыми яровыми плодами отец стучит крышками своих

улюшек. Вспомнилось: нынче за березняком, на горбатом суглинистом поле гречишного цвету, плескалась несусветная кипень. Сквозь полуявь расчуяла, как старик пофыркивает дымарём, как шумно пытит, выкатывая из чулана потерявшую всяческую память медогонку, повидавшую на своём веку разливанное море каких только никаких медов: и с вербицы-одуванчика, и с донничка-сурепника, и с липы... Да один Господь ведает, с каких там ещё цветов.

А солнце меж тем уже всю расхлопоталось на подворье. Перво-наперво запалило золотые шары – чиркнуло по их лампадка своим прокравшимися сквозь частоколы палисадника вездесущими лучиками-спичками. Потом щедро просыпало дробной сусальной пылью меж чуть раздвинутых, кисейных от его света занавесок в избяную полудрему.

Выспалась не выпалась, а валяться в постели, когда так лупастит в окна белый свет, – стыдоба. Ступив на облитое августовским утром крыльцо, дзынькнула носиком рукомойника, сдёрнула с деревянного гвоздя разбисерённый частым крестиком рушник. Окунула в него лицо, словно уткнулась в мамины ладони. Пожалковалось: «Как висел на этом месте, так и висит... а матушки – даже не верится! – уже шесть годочков как нет».

Отец, накинув телогрейку, пропахшую горьковатым дымом ракитовых гнилушек и медовыми ароматами вошины, спозаранку плеснул пеструхам из «люминовой» кружки пшенички, поцвиркав в закутке в погнутый у рубчиков подойник, выпроводил Маньку с Глашкой под гору, привязал к колышкам, друг от дружки подале, «чтоб не бодались сётаны». Сетку – на голову, дымарь – в руки, и скорей-скорей в садок. Теперь его от любимого занятия не оторвёшь (да и не к чему – вся жизнь протекла подле пасеки).

Когда заглянула под клёны поздороваться, раскочегарившись, уже всю наладив ход, в полный голос пела престарелая медогонка. Золотисто-янтарная тонкая вязкая струйка выкручивала сладкие крендельки, нехотя расплывалась в стороны, заполнив по краешек эмалированное ведёрко. Как не подставить палец под аппетитный ручеёк, не слизнуть вкуснятину?

– Последняя качка, – переливая мёд в бочонок, доложил довольный старик.

День разрастался. Он пришёл хлопотной и спорый, с трескотнёй несчётных цикад, в нескончаемом вальсировании ослепительно-белых капустниц над разлапистыми, но в сердцевинах уже тугими озимыми кочанами.

Там же, на бахче, обрушиваясь и терзая всей своей прожорливой братией картузы спелого подсолнечника, чивикала-разорялась неумная воробыная банда. Из сада манило заблудившейся в чащобинах чёрноплодки росной тишью, тянуло забродившей, густо устлавшей земь сливой.

Изредка со стороны Виндовища доносилось то порывывание забуксовавшей на колдобине разбитого просёлка легковушки, то с почти обмолоченного ржаного поля прорывалось нагудное гундошенье арендаторского комбайна.

В избе же шафрановую тишину разбавляло нытьё пары нагло злющих, ёрзающих туда-сюда по оконному стеклу августовских мух да мерное посапывание уставшего от их мороки кота Василь Василича. Больше и шуметь-то некому.

На хуторе летние дни всегда проходят в радостном томлении. То не чаешь, когда боры да перелески окропятся малиной, когда наконец-таки набредёшь на выводок крепеньких подбобков; то ждёшь не дождёшься, когда на грядках из крохотных опупочков вытянутся – ну хотя бы с указательный палец – первые хрусткие, брызжущие свежестью огурчики; а то запустишь руку в пушистую огородную землю, нашукаешь под картофельным кустом молоденькой «синеглазки», оберёшь ту, что покрупнее, с куриное яичко, а остальные горошины, довольная новиной, прикопаешь поглубже, в тёплую унавоженную темень, оставив расти, вылёживаться до сентября.

Напитанные соками сладких парных дождей, разрумяненные жаровым, вездесущим солнышком, зреют, пузатеют летние денёчки, наливаются, будто крутобокие «анисовки» да «коричневки» в соловелом, заполонённом мальвами да снытьями отцовском саду.

А как перевалится за половину да покатит на убыль погрузневший, отяжелевший август,

под Преображение Господне наступает самая благодатная, сытная да щедрая порушка. Дождались: разродилось, вызрело наконец-таки лето! Теперь уже – что ж тут мудрёного? – млеют, томятся в яблочном аромате присевшие под необорным урожаем сады и палисадники. Чудится, даже от тугощёкого солнца – этого огромного переспелого яблочища, – особенно на вечерней заре, когда запахи становятся гуще и ощутимей, тянет знакомым с младенчества белым наливом.

Накануне праздника, куда ни помотришь, под яровыми яблонями сгуртованы пахнущие сладкой прелью, день-деньской зундящие осами, а ночи напролёт светящиеся, пропитанные неугасимым солнечным светом, несчётные вороха.

Вообще-то яблоки до Преображения, до освящения, у нас есть не принято: грех. Разве что огурчиком похрустишь. Считается, если родители умерших деток до второго (Яблочного) Спаса не едят яблок, то на том свете их кровинкам раздадут гостинцы, среди которых – райские яблоки.

Раньше-то как бывало? Радивые хозяйки, объявится ли первый огурчик, первая ли ягодка или грибок, а уж о мёде и толковать нечего, – прямиком в храм. А как же? И Божий дар освятить, и попросить у Господа благословения на его потребу.

«...Яко да вооружен силою небеснаго заступления хотящим его употребляти, помощен будет к телесному спасению и заступлению и помощи...»

Заодно надо бы и озимое зерно окропить. Ведь испокон на Руси после Яблочного Спаса открывалась посевная. Лето к этому дню шло на убыль. Крестьяне приглядывались, конечно, и к погоде, «повернувшейся к осени». Считалось: коли на Преображение стоит жара, то январь будет малоснежным. А коли «прослезится» Спас, так и снега привалит под самые застрехи.

Сколько себя помню, под Яблочный Спас – скрип-поскрип – ходит ходуном наша калитка: соседи несут домой на угощение родичам мешки и корзины всяческой садовой всячины. Тут тебе и янтарные, с пупочкой-шишечкой, прозрачные до сердцевины, до тёмно-коричне-

вых, пошуркивающих, коли встряхнуть, семечек пепины; и красные, с вишнёвыми прожилками, мармеладные медовки; и громадные, с детскую голову, наливывы. Сахарные – для ребятишек первостатейное лакомство! Разломишь: половинки – точь-в-точь присыпанные сладчайшей пудрой ломтики пастилы.

Сад наш старый, яблони вымахали – ни рукой достать, ни с лесенки дотянуться. Приходится взбираться как можно выше и ласково потряхивать – кому же «бой» нужен? Чтобы яблоки не шишко ударялись, под деревьями раскидывали сено. Падают, сыплются красивые, первосортные, налитые светом и соком, чудится, будто тысяча крохотных солнц слетела со своих орбит и зароилась по Всевышнему промыслу под Спасов день в нашем саду.

Не поддающиеся слабому отрясу яблоки приходилось или сбивать длиннющими палками, или трясти суки так, что белые наливывы и медовки градом сыпались наземь. Летели куда попало: не успеешь увернуться – и тебе шишек достанется.

Второсортица шла на соки, повидла, сушку, на пироговую начинку.

Редко встретишь человека, которому бы не пришёлся по вкусу этот удивительный, можно сказать, доисторический плод – яблоко! Учёные толкуют: мол, уже в Древнем Риме в ходу было двадцать три сорта!

И свежими-то их едят, и в печи-то их запекают, и пироги с ними стряпают, и блины с яблочной начинкой вымудровывают. И писано о плоде этом переписано, и сказано-пересказано! Ан нет, особенно в августе нашёптывается и нашёптывается исподволь и мне, хочется внести в «яблочную поэму» и свою дольку.

Недавно вот узнала, что и великие не чурались полакомиться блюдом или напитком из яблок. К примеру, Лев Толстой обожал варенье из ранета с лимоном и ванилью. Николай Гоголь был не прочь отведать яблочного сидра. А Сергей Есенин никогда не отказывался от чая, к которому подавали «венское» печенье с яблочным повидлом.

Вот и наше семейство всегда ждёт не дожждётся этого замечательного яблочного празд-

ника. Самыми красивыми да душистыми плодами пренебреженно наполняем под завяз две едва подъёмные плетушки, «для себя». Притаскиваем в избу – Спас на дворе, хочется, чтобы повсюду пахло яблоками.

И сегодня, поднырнув под грузные деревья, насобирала полфартука чистых, росных апортов. Самые приглянувшиеся, самые раскрасивые яблочки уложила на белый ситцевый платок, завязала его репушком – и на божничку, поближе к образам: пусть поспевшие на потребу дожидаются Спасова благословения в этом священном месте.

Завтра, как поплывёт вдоль нежно-бирюзового небесного подшала с Поповки благовест, наломаю в палисаде духовитых бархатцев да огненно-рыжих георгинов, прихвачу заготовленный узелочек, пойду в недавно отстроенный храм на праздничную службу, но сначала на слаженных на скорую руку, ещё пахнущих смолой тесовых столах, расставленных вдоль церковной ограды, вместе с другими прихожанами развяжем сумы-платочки, и батюшка Александр в белых одеждах, радостный и важный, поздравляя православных с Преображением Господним, окропит святой водицей и нас, и горы вошедшей в силу всяческой садовой снеди. Освящённых фруктов-овощей вдосталь – хватит и домашним разговесть, и батюшку с причтом угостить.

Помнится, в конце апреля, в самую распутицу, так же светло и торжественно, всей силой своего широкого голоса отец Александр благословлял прихожан, размахисто кропил букетики вербицы, а в Христово Воскресение – куличи да пасхи.

Яблоки помягче да поспелее отобрала на пироги. Обычно к Спасу становленное тесто, видать, сам Господь помогает, не удержать – так и пышйт, выпирает из квашни, так и лезет из-под полотенца! Вот и нынче – выходилось на славу, да и печь «душевным» вишнёвым хмызником протопили – жару-то, жару! Пора стряпаться!

Бывало, бабушка Нюша, от которой в такие дни пахло укропом и вишнёвым листом, яблочным и сливовым повидлом, как только не называла праздник Преображения: и средний

Спас, и Спас-на-горе, и Первые осенины, а то и Горохов день (к этому дню созрел горюх).

На вечерней заре, сидя у крыльца на лавочке, нанизывая для сушки на суровую нитку янтарные лоскуточки титовки, вздохнёт она вдруг, окинув хозяйским взглядом зачин, знамение осени – прорву яблочных ворохов, отметит с грустинкой: «И в численник заглядывать не нужно: пришёл Яблочный Спас – ушло лето от нас». И озарится светлой грустью её строгое, будто переснятое со св. Анны Кашинской лицо. И zalюбуется она, как расшитой яркими мулине занавеской, тронувшимся рыжиной, далеко-онько просматривающимся с нашего крыльца, на днях загоревшимся жарким опалющим светом деревенским поводем.

Твоя (всегда постное!) тесто для спасовых пирогов, она подбирала юбки, поднималась на табуретку, доставала с божнички коричневого стекла бутылочку и вливала из неё в замес ложку-две святой водицы. И сама, вкушая пишу в Успенский пост по правилам святых отцов, лишь единожды, подступалась к выпечке с молитвой, по-особому долго крестилась перед иконами, молвила: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, во Свете живый неприступнем, Сияние сый Славы Отчия и Образ Ипостаси Его!.. Даруй же и нам всем пречистыя Плоти Твоя Преображение празднующим».

Устанет старушка от хлопот, присядет на деревянный, слаженный её рукастым братом Василием резной кухонный диванец и поведёт нам, внучатам, свой неспешный сказ. Начнёт толковать-растолковывать несмышлёнышам евангельскую быль – чудесное преобразование Иисуса Христа на глазах ближайших учеников во время молитвы на горе, где открыл Он сподвижникам Свой всесветлый лик и сияние белых одежд, чтобы они осознали Его божественное происхождение, поняли смысл миссии и значимость новой веры, которую Он несёт.

...По примеру бабы Нюши заготовку для печева помыла, почистила, ссыпала в макитру – гора горой! Накромсала ранета да медовки, наварнакала с ними прорву пирогов – прям-таки на Маланьину свадьбу. Прикинула: вдвоём с отцом ни за какие коврижки с этим

вкуснящим ворохом не справиться. Вынув последний противень из ласковой, сомлевшей печи, накидала золотисто-горяченьких в матушкино решето, прикрыла их свежим вафельным полотенцем. Ничего! Глядишь, гости нагрывают. Опять же: как не угостить соседей?

Остальными спасовскими боровинками, грушовками да малиновками убрала полки и лавки в сенцах, подоконники да этажерки в избе, даже по углам раскатила, даже под сараем отцовский верстак ими засыпала.

Отборные же, «наблюдные», уложила в большую деревянную чашу посереде столешницы, застеленной праздничной тканой и расшитой ещё бабушкой сермяжной скатёркой. Оглянувшись, прошлась по кухне, по горнице: засветилась душенька от восхищения – красотища-а! Хорошо-то как, Господи! Хоть и в разгаре Успенский пост, а на сердце светло и радостно.

Правда, у нас всегда так: обряжать жильё к большим праздникам повелось со времён пращуров. Загляни в любую хату, к примеру, на Троицын день – от крыльца до самого дальнего чулана стены в берёзовых косицах, во всех кубанках-склянках букеты полевых цветов. Круглый год в красном углу сберегаются освящённые на Пасху крашенки, на Пятидесятницу – веточки берёзы, в Вербное воскресенье – вербонька.

Когда-то наше Кирово Городище слыло большим ярмарочным селом. Жаль, что очень многие обычаи канули в Лету. А раньше-то, рассказывают, мол, не обходилось ни одного двенадцатого праздника без широкого торжища, которое по обыкновению велось накануне вдоль луговины, раскинувшейся пятиверстовым плащом по правому берегу Кромы.

И на каждый ярмарочный день, как и по всей Руси, был прописан испокон особый торг. К примеру, к Пасхе – спрос на муку, яйца, на изюмы-сласти. К Покрову, когда хлопотной хозяин забивал птицу, – всякий-разный скот, торговые ряды ломались от мяса, сала. А под Преображение на базаре, знамо дело, вся огородная, садовая снедь. И конечно же, особая статья – яблоки.

Торговали ими прямо с телег, сгуртованных многочисленными таборами «по дерев-

ням». Со всей округи: из Гончаровки, из Гнездилова, из Выдумки, из Гавриловки, из Жихарева, даже из Столбища тянулись под праздник на кировскую ярмарку по пыльным, прожаренным солнцем просёлкам вереницы подвод, заваленных мешками, заставленных корзинами, ящиками с огненно-заревыми, румяно-розовыми, пестроцветными, наливными, винно-красными, с сусальными набрызгами, осенне-рябистыми, медово-янтарными, сливово-багровыми, зелено-белёсыми, медвяными, с просвечивающимися до самой сердцевинки, до самых что ни на есть капелек-зёрнышек крупнющими, будто покровские кочаны, дробненькими с жёлто-алой мякотью ранетками, из которых – прямо с палочками! – варят у нас восхитительные варенья, а ещё – в вишнёвую крапку, в золотистую мушку, в коричневую ольшанку.

Хозяева для сохранности на тряских дорогах заботно укладывали нежный товар на сено, солому, на рогожки-ветошки. Хоть яблок были «горы Иерусалимские», да и в обратку не повезёшь, а только торг шёл шумливо-радостный, долгий за каждую копейку, за каждое яблочко. Так на то и базар!

Рассвет поколыхивался от залиvistого перезвона.

Уж коли собралась в церкву – решила я для себя однажды и на веки вечные – возьми за правило: не опаздывай. А в праздник – тем паче. Да и вообще веи себя уставно во храме.

По недозрелой, чуть желтоватой раннице, по насквозь пропахшим яблочными предосенними ароматами воздухам заторопилась «к часам» в сторону проклюнувшегося бледно-розового восходья. Шла и, затаив дыхание, прислушивалась, как кто-то взволнованный и радостный внутри меня, покуда спускалась вдоль хутора, краем реки, потом селом, даже когда преодолевала крутой угор Поповки, нашёптывал: «...Господи, настави мя правдою Твоею, враг моих ради исправи пред Тобою путь мой...»

В этот ласковый час по углам храма ещё сумеречно и сине-дымчато, словно первой зарёю в закутанном густым августовским сном отцовском саду. И так же, как под нашими де-

ревами, светились в забрезжившем восходе тоже повсюду, играли в свечных отблесках спелые плоды: и россыпью на подоконниках, и в огромных корзинах у Царских врат, и в маленьких кошёлках под иконами на ступеньках амвона.

Отец Александр, круглый и румяный, как спелая тыква, обличем – да простит меня Господь за напрашивающееся сравнение – чем-то схожий с библейским Саваофом, спустившимся с небесной выси или сошедшим с гравюр Доре. Вдумчивое лицо обрамлено белой ухоженной бородой, отливающей в блеске множества свечей старинной медью, позвякивал кадилом сначала у престола и жертвенника и только потом принялся обходить посолонь в полумраке храм.

Сквозь облака кадильного дыма на самой середке церкви несокрушимым столпом виднелся убранный ризой аналой, вершило его большущее Евангелие. Алтарь и амвон обряжены ветвями, осыпанными крошечной лесковкой – малиново-алым диким ранетом. Как только взгляд мой устремился на образа, губы задрожали от молитвы, на глаза навернулись слёзы. Пальцы сложились в троеперстие, и рука сама собой потянулась ко лбу.

Собрались (знаю своих наперечёт) почти все жители нашего когда-то большого, а теперь похерившегося села. Дома в такой великий день остались лишь хворые.

Отворились Царские врата. Ни шепотка... Лишь потрескивали свечи, да время от времени едва видимой тенью объявлялась на мгновение снимавшая огарки с подсвечников старая Федотовна.

Беззвучно стояли селяне, прислушивались, как в этой самой тишайшей тиши старались, ладно выводили на клиросе хрустальными голосами старик Петрович и внук его Николка; внимали батюшкиным проповедям, их непостижимой для простых мирян глубине; взирая на мудрые, строгие лики Спаса и святых угодников, вели с ними несуетную безмолвную беседу о своих чаяниях, о распростецком крестьянском житье-бытье.

На клиросе певчие возрадовались: «Преобразился еси!» И следом на амвон бережно и

торжественно водрузили громадную корзину, наполненную самыми отборными яблоками из прихрамового сада. Свершив молитву, отец Александр благоговейно окропил их святой водой.

От могучего, редкостной силы голосища священника за витиеватыми решётками совсем осветлившихся окошек, окончательно смахнув с себя прозрачную тонкую дрёму, в церковном саду, роняя в ласковую солнечную пыль пропасть медовок и апортов, показалось, ещё чаще затукало преображенское утро. А с макушек приоградных берёз взмыла кипенная стая голубей.

В конце службы священник, которому невозможно было не отвечать на исповеди до малой крохи по совести – при одной мысли от этого бросало в жар, – размашисто перекрестился на иконы, ещё раз осенил всех крестом и, благословляя, поздравил свой невеликий приход с Преображением Господним. Подойдя ко Кресту, с трепетом взяла я из рук батюшки освящённый дар – пурпурно-алое наливное яблочко.

Вот и отошла, отпела в Божьем доме литургия. Говорят: пост да молитва отворяют небо. На не шибко высокой, но заливистой колоколенке затрезвонили «во все тяжкие». Частый праздничный перезвон окропил солнечной сусалью переспелые августовские небеса, и они, будто бы от колокольных ударов, не стерпели, потекли, заплывались, заоплывали на сады и пожни тугим чистопробным золотом.

С каждым новым мгновением земля становилась всё явственней и просторней. Солнце, слизав последние росы, уже вовсю играло, пошуркивало первой вызолоченной, уже не нечаянно обронённой, а будто нарочно к празднику просыпанной листвою.

Зачавшийся, всё краше расцветающий день распахнулся после светлой обедни на все стороны до самых дальних горизонтов. Кругом праздник – «Преобразился еси на горе Христе Боже!»

По старинному деревенскому обычаю, не откладывая в долгий ящик, после освящения,

прямо на церковном дворе прихожане, перекрестившись широким взмахом, принялись разговляться. И так же, как на Пасху крашенками, угощали друг дружку освящёнными яблочками, оделяя в первую очередь ненасытных ребятишек, одиноких стариков и тех, кто по какой-то вдруг причине оказался в этом году «безъяблочным».

После преображенской службы, после ектеньи, такого ещё не бывало, стало бы в диковинку, чтобы кто-то из прихожан, растроганный горькой черноризной скорбью – рыдающим пением Петровича и Николки:

*Во Царствии Твоем помяни нас,
Господи,*

Егда приидеши во Царствии Твоем... – не отправился бы по горяче-белому просёлку, взбитому тракторами да телегами в первосортную «вальцовку», вместе со всеми селянами попроведать усопших сродников на наш старый-престарый, приютившийся в полуверсте от церкви, поросший задичалыми жасминами и шершавыми вязами погост.

От храмовых ворот до него – хрумкающая нарядная вереница. И у всех в руках, точь-в-точь как на Пасху с куличами и крашенками, ладные тугие белые узелочки с выпирающими округлыми боками или крохотные, плетённые дедом Кузьмой из заречной лозы корзиночки, а в них – яблоки, яблоки, яблоки...

После тризны – хоть и наставляет отец Александр: мол, ни к чему она православным, а только, видать, мужику русскому без неё уже вовек не обойтись, – ближе к полудню, когда золотое яблоко солнца перекатилось через Акулинин ложок, селяне разошлись по домам, слегка подвыпившие, довольные, с просветлёнными душами. А как же? И в храм сходили, и своим поклонились, попроведали рёдных в честь праздничка.

Загляни на другой день на погост – нет ни одной сиротливо забытой могилочки, которую бы не убрали деревенские самыми лучшими яблоками.

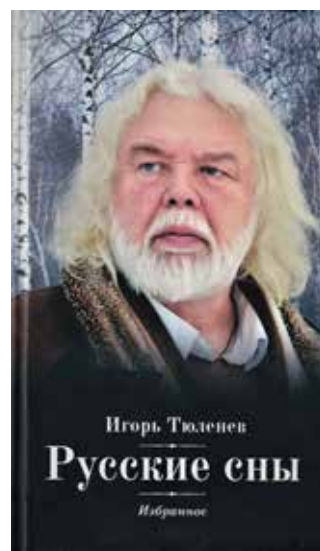

«ИМПЕРИЯ, ОЧНИСЬ!..»

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Стихи настоящего поэта остаются в душе и памяти читателя навсегда, не стираясь, как строчки неумолкающей молитвы. Так было во времена Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Твардовского, Рождественского, Рубцова... Залы поэтических вечеров были практически всегда переполнены поклонниками стихов, а сборники известных поэтов раскупались в магазинах за считанные часы после их появления на прилавках. Поэзия в те годы была товаром повышенного спроса, за однотомник Андрея Вознесенского, к примеру, спекулянты на книжном рынке просили двадцатикратную стоимость, а то и больше – и ведь давали покупатели, причём без колебаний и пререканий!

Игорь Тюленев. Русские сны: Избранное. – Москва: Издательство «Наша молодёжь», 2022. – 512 с.

Но потом вдруг грянула как гром с небес перестройка, и на долгие три десятилетия всякая русская литература, особенно поэзия, была отодвинута на самый дальний край державы и жизни, тоскливо перепевая одни и те же малосодержательные темы и панически боясь прикасаться к острым политическим мотивам. Да и как было не бояться, если после прокатившейся по России перестройки самым опасным в нашем государстве стало слово «русский»?..

И вот открываю книгу избранных стихотворений уральского поэта Игоря Тюленева «Русские сны» и почти на каждой странице с восторгом встречаю греющее мне душу слово – «русский». Один из немногих современных стихотворцев, Игорь Тюленев с отчаянной прямоотой заявляет на весь мир в своём стихотворении: «Я – русский!» – что перекликается с таким же названием песни Ярослава Дронова, известного всем под именем Shaman. А это значит, что для нас наконец-то наступило время зазвучать слову «русский» во весь голос:

*Ну, хватит скрываться: я – русский!
Не турок, не грек, не еврей.
И воин французский и прусский
Страшатся атаки моей.*

*Я просто окликну: «Брусилов!
Враги залатали Прорыв!»
Таится в нас страшная сила,
На сжатие и на разрыв...*

Невероятно прямолинейные и смелые стихи Игоря Тюленева воспринимаются не столько как художественные произведения, сколько как выступления на некоем серьёзном судебном процессе, на котором поэт произносит свою обвинительную речь в адрес противников нашей Родины. И одновременно с этим нельзя не видеть и не слышать яркого победительного слова в честь нашего гордого Отечества:

*Союз Советский не приснился,
Хотя порой тревожит сон.
Мы знаем тех, кто устыдился
И кто всерьёз был потрясён!*

*Пусть серп-клинок полям достался.
Вернулся молот – кузнецам.
Запомните! Никто не сдался!
Никто не сдался подлецам!..*

Всё поэтическое творчество Игоря Тюленева – это его священный гимн нашей великой Родине, звенящая и мощная песнь о ней, призыв к русскому народу на защиту Отечества. Тогда как в произведениях большинства сегодняшних поэтов витают в основном только лирика, ирония да подражания Иосифу Бродскому, в стихотворениях Игоря Тюленева ураганом ревёт набат, поднимающий русский народ на сражение:

*Мчится в поле несметная сила.
Рвёт зубами Пегас удила.
Под Москвою спасает Россия
Золотые свои купола!*

*Не мешайте Европы зеваки,
Мы встаём, как леса, из снегов.
Наше мужество вплавлено в танки.
Твёрдость духа – в простых мужиков...*

«Русские сны» – книга невероятной поэтической мощности, да и не только поэтической, но и гражданской, и даже воинской. «Русские сны» ни в коем случае не убаюкивают и не усыпляют Россию, а, наоборот, раскручивают перед читателями бесконечную киноленту героической истории нашего государства, череду великих российских мужей, героев и государей. Может ли русский человек считать себя полноценным гражданином нашей великой Родины, не ведая дел князя Владимира Красное Солнышко, святого благоверного Александра Невского или Генералиссимуса Советского Союза Иосифа Сталина? Тюленев посвящает нашему вождю-победителю, разгромившему фашистские орды и поставившему нашу страну на ноги, одно из своих лучших стихотворений, которое так и называется «Иосиф Сталин». Он завершает его двумя великолепными строками, которые не могут пройти мимо сознания каждого чита-

ющего человека, осознающего его значение и величие:

*...Он – смертью смерть поправший Сталин,
А не Хрущёв или Помпей.
Он из гранита, не из стали,
Осколок Родины моей.*

*Он Кремль подпёр хребтом Кавказа,
Сжал бури и шторма в горсти!
Он был Москвой миропомазан,
Чтоб Царство Русское спасти.*

Оглядываясь на оставшуюся за спиной великую нашу страну и роль Сталина в нашей великой истории, нельзя не сравнивать всё это с трагическими событиями дней сегодняшней поры, а также с развалом СССР и утратой нашей силы и нашей державности. «Империя, очнись!» – выкрикивает Тюленев в сердцах, пытаясь пробудить нашу утратившую бодрость Родину:

*Империя, очнись!
Душе покоя нет.
Там Азия грядёт.
А здесь смердит Европа...
Империя, очнись!
Тебя зовёт поэт.
И гимн остался твой.
И войск потешных рота.*

*Империя, очнись!
Я чую холодок,
Что тянет по ногам
Из караван-сарая.
Империя, очнись!
Я – верный твой ходок.
Толмач царям зверей
И ангел твой вне рая...*

Лирический от головы до ног поэт Игорь Тюленев в то же время ни на крупиночку не отходит от линии защиты своей Родины и стремления защищать её каждым своим словом и каждой буковкой, грудью вставая перед Европой и Америкой, которые смеют посягать

на нашу Отчизну. Истинный поэт – он в первую очередь воин, защитник своей Родины, солдат, восстающий на пути противников: «Там Америка беснуется! – / Бесы местные не спят...» – возможно предупреждает нас поэт об опасности.

Стихи Игоря стучатся в души читателей, будто бьющиеся в крымский берег волны, вздымая пенные волны прибоя. «Крым наш? – уточняет поэт, и сам же себе отвечает: – А чей ещё? Другим / Ему не быть на свете этом. / Его Господь создал поэтом! / Ну разве мы не защитим?...»

Конечно, защитим. А тем, кто до сих пор не может этого понять, Игорь Тюленев поясняет это ещё понятнее. Он говорит им:

*Не лезьте в душу, дураки,
И со спины не заходите.
Я больно бью с любой руки!
Тех, что упали, – оттащите.*

*Не лезьте в душу, дураки,
Она, как отчина, безмерна.
Там в роце детства родники
И первый поцелуй неверный...*

Настоящий поэт – он всегда шире обозначенной перед ним будь то самим собой или намеченной жизнью цели, и на какие бы важные темы ни писал, он всё равно не может обойти молчанием окружающую его красоту осенней, весенней и любой другой природы. Природа – это вообще любовь каждого подлинного поэта, хотя она и занимает иногда только незаметное место и в судьбе, и в творчестве. Но всё-таки она рядом с ним, и не реагировать на неё невозможно:

*Швыряет осень золото в лицо.
Лениво закрывается руками.
Ах, как поёт отцовское крыльцо,
Когда из дома выбегаем к Каме!..*

*На огороде нет уже ботвы.
Купчихой подбоченилась капуста.
Норд-ост по-русски нам: «Иду на вы!»
Какой нахал! Чтоб было ему пусто!..*

Таких стихов у Игоря Тюленева в книге несколько меньше, чем тех, в которых пульсирует реальная жизнь, но они тоже есть, они несут в себе чудесные мотивы, в которых живут и любовь, и природа, и детство, и воспоминания о проходящей жизни – да и мало ли ещё о чём! И мне захотелось их здесь упомянуть. Это такие стихи, как «Там, где бабочки и сны» («Поезд встал на полустанке, / Как стоп-кадр в немом кино. / И ко мне, словно из банки, / Бабочки летят в окно. // Словно бабы однодневки / Тычутся в моё плечо... / В белом, как на свадьбе девки, / Чертят по стеклу пылью...»), а также «Даль обозначат ниткой длинной» («Даль обозначат ниткой длинной / До горизонта журавли. / Словно связисты связь с чужбиной / По лику неба провели. // А волки, как гонцы Батыя, / В тени летящих птиц бегут. / Леса, словно глаза – пустые, / Над Русью веки не взметнут...»), стихотворение «Всё забудешь, вспомнишь только детство» («Всё забудешь, вспомнишь только детство, / Лишь по детству станешь горевать. / Обожая милое соседство – / С жеребёнком по лугам бежать. // Облака висят, как парашюты, / Что поверишь в ангельский десант. / Вот в такие сладкие минуты / Детям раздаёт Господь талант...»), «Полночная звезда» («Горит полночная звезда / Над милой Родиной стократно. / Не возвращаются года, / Как Божий бумеранг обратно...»), стихотворение «Сибирский тракт» («За Урал завалилась Россия, / Как сапог за гранитный сундук. / Вот где русская воля и сила, / И до моря Держава вокруг!...»). Ну и, конечно,

стихи о любви, как же можно жить без неё? Любовь (а именно так и называется стихотворение) – это сопутствующая музыка поэзии:

*Любовь – опасное занятие,
Когда змей сползает платье,
Являя пару стройных ног.
И тёмн, в то же время светел,
С седьмых небес слетевший ветер,
И яко уголь – любовный слог...*

Но какой бы сладкой ни была любовь, а самое важное для человека – чувство Родины; для неё мы живём, ради неё работаем и воюем. Да и она существует для нас, наполняя наши сердца и души своими теплом и любовью, не случайно ведь Игорь Тюленев говорит:

*Пока живёт Россия – я бессмертен,
Пока щепоть родного языка
Растворена, как соль в крови растений,
Как в небе голубые облака...*

Книги стихов такого качества, как «Русские сны» Игоря Тюленева, должны быть в доме каждого русского патриота, находясь рядом с «Молитвословом» и Библией. Потому что стихи Игоря Тюленева (и такие же полноценные книги, как у него, стихи других поэтов) обладают ничуть не меньшей силой, чем автомат Калашникова или наш танк Т-72Б3, а это значит, наша победа будет обязательно за нами.

Галина ЧЕРНЫШОВА (РУБЛЕНКО)

Музыкальный руководитель МАОУ СШ № 59 г. Липецка. Стихи пишет около десяти лет. Неоднократный дипломант и лауреат местных песенно-поэтических фестивалей и бард-марафонов («Северная бухта», «Серебряный родник», «Радуга струн»).

Абсолютный победитель Международного конкурса творческих работ «И чувства добрые я лирой пробуждал». Финалист фестиваля «Лоза и Муза», полуфиналист фестиваля «Покровский собор».

Автор книг стихов «Я до сих пор играю в куклы», «Перебои, переливы», «Метафорическое. Сезонное». Печаталась в сетевых совместных сборниках «Поэмбук», «И чувства добрые я лирой пробуждал». Представляет экспериментальное творческое объединение «Знак» при Союзе литераторов России г. Липецка. Член Российского союза писателей.

ПОЙДУ ПРОЙДУСЬ

Пойду пройду сь сквозь снег и разговоры,
Затерянные в шумной суете,
Под фонарей сутулые укоры
Безвременно упавшей темноте,

Февральского сурового озноба –
Ни встать, ни сесть, а лишь вперёд идти,
Смотря за далью вытянутой в оба
Отмеренного рифмами пути,

Как ни крути – прогулка как прогулка.
Несёшь себя... куда-нибудь несёшь,
Заканчивая будни переулка
Под маемой подветренных берёз.

В пустом и одиноком безграничье
Лишь только речь – послушницей вовне –
Скрывает теплоту о чём-то личном
В обузданной и чувственной войне.

Полки построчны, колки, заунывны,
Предвестий неуверенная рать.
А звёзды рефлексивно и наивно
Стараются о будущем смолчать.

Поклон скамье, исписанной любовно,
Кукует время февралю вослед.
И вьются бесы – вьюжно, белокровно,
Рисуя непредвиденный сюжет.

УЙТИ В ДОЖДИ, ГДЕ ОБРЕТАЕТ ЦВЕТ

1

Уйти в дожди штриховки оголтелой,
И раствориться, и попасть туда,
Где свет не обелённый, просто белый,
Завис над гладью вечного пруда.

Почувствовать блаженство, лёгкость, зыбкость,
Где Родины сквозит небытие,
Где ностальгия облачная – сыплю –
По тем, земным, мечтаниям плывёт.

Кольшется потерянное слово
На блике неприкаянного дня.

И всё и все за здóрово-здорово
Несметно ускользают от меня.

В ничейности смешаюсь оробелой
И птичьим языком проговорю
Новорождённой ранью заалелой
Своё неприземлённое «люблю».

2

Где обретает цвет ожившая листва,
Выстреливая из упругой почки,
Давай дарить инаково слова,
Уложенные романтично в строчки.

Шарманку одного того же – брось,
Оставив за могучими плечами
Земную круговерть, земную ось,
Которой не предвиделось вначале,

На трёх китах, слонах и панцирях, –
Язык неандертальцев междометен.
Рождённый в неосознанных речах,
До глубины беспамятен и светел,

До тишины предчувствия горяч,
Для мимоходных – неприкосновенен.
Но портит всё залётный первый грач,
Клюющий тёртой вечности калач,
Выклёвывая будущности темя.

ТИШИНА. РЕВИЗИЯ МИНУТ

Тишина. Ревизия минут,
Смена или нет ориентиров.
Беспокойно выжившее «тут»
Пишет из бессонницы квартирной,
Вместо точек – сонмы запятых,
Жгут посылы, дороги посулы.
Бьётся снег стекольчато под дых,
А герань изображает сутры,
Аскетично вскинув череду
Веток, сквозняком потерблённых.

Ни к чему я, видно, не приду,
Погибая в образности оной.
Философий тайные шестки,
Детства подзатёртые моменты.

Снова междувременье шерстить
Без отрыва будней киноленты.

Что сюжет? Всего лишь антураж,
Жду венчаний титрами и светом.
Лёгкостью до вечности намажь
На зиму – весну и страсти лета.
Бутерброд кусая, умыкнуть
Толику промасленного слова,
Запивая проторённый путь
Чаем или кофе безусловным...

Длиться. И безвизово бродить
В безграничье выдумок желанных.
Я тебе и ты мне – будем жить
В том моменте выбеленной манны,
Что лежит, радея январю,
Ублажая земляные латки.
Здесь бы окончательное «лю»
И заесть горчащей шоколадкой.

ТЫ Я И АМЕН

затопишь сердце ли камин
на всё горазды
колючий ветер томный стплин
и праздник в праздник

перетекающие вскользь
новорождённо
на раны сыпанная соль
так обыдённа

туда сюда дороги плешь
и многолюдно
стоишь и взглядом небо ешь
но не убудет

ни звёзд ни мглы и ни молитв
отца и духа
метель о чём-то январит
а жизнь непруха

так мелочёвкой мельтешит
скрывая души
где снег затоптан и отжит
обезоружен

медляк луны и свет погас
за грань упущен
а ты нужнее в этот раз
чем в предыдущий

не отвертеться канул год
в провал и память
благословенно Рождество
ты я и амен

ИСКАТЬ ТЕПЛО, А НАХОДИТЬ ЯНВАРЬ

Искать тепло, а находить январь
С красотью морозной и постылой.
Сбоит в сердцах обшарпанный трамвай,
Краснея уходящим «бы-ло, бы-ло...»
Перебирать слова – слова легки –
Дай бог сложить возвышенное с мудрым,
Кружатся фраз златые мотыльки
И, навеяв сон, рисуют утро...

На повороте жжёт неонный блюз,
Дороги метроном – туда-обратно.
Твоих небес мне, терпеливых чувств,
Но не настолько стройных, аккуратных,
Чтоб заглянуть смиренно в маету,
Как бесы вьются, вьются вьюгой шалой.
К любви сорваться взглядом за версту
Столбом за занавеской обветшалой.

И... выхожу – бегу до пустырей
Всего святого, скраденного бездной.
Под беглый взор досужих фонарей –
Потерянной, не зимней, безызвестной.

ВОРЧАТ ВЕТРА

Ворчат ветра и гонят со двора –
На, Боже, нам негоже потепленье,
Захвачанное лужами вчера
Зимой переживает воскресенье,
И оторопь природная всего –
Залётный ноль. Бесснежье. Распишитесь.
Нежданное примите естество,
Подёрнутое морозящей нитью.

Парит и парит – снится или нет –
Детали, швы по прошлому на выступ.
Перебирает тучи дальний свет,
А ближний – чернозёмен и неистов,

И сеет рябь. И близорукость дум.
Найтием прощупываешь выси.
Идёт стишок – размашист, смел и юн...
Седея до невыписанных писем.

ЗИМА ЗВУЧИТ

Зима звучит – с расстроенных верхов
Падение густого снегопада,
Говорено так много беглых слов –
Вытаивают оттепельным адом.
Где грустно – там сбывается смешно.
Пиликает тоска на белой скрипке,
А ты доводишь мутное окно
До отраженья горестной улыбки.

Зима молчит. Бесптичием пустым.
На проводах красуются облатки.
И к чёрту затевать какой-то Рим
По паузе невыдержанно-краткой,
На вдох – зависнет с краю забытьё,
На выдох – дух зелёной старой рощи,
И сердца колоколит колотье,
И... снег, как бело-ангельского ощип,
Где шепоток обобранных с куста
Воспоминаний лиственных дрожаний
Так тих, как речь – по прошлому пуста,
За наименьем имени и званий.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

Человек человеку – даль, маета и потёмки,
А поди ж ты – собираешься в путь под ночным
фонарём.
И пытаешься высмотреть край, до безумия
тонкий,
На котором возможно какое-то время
держаться вдвоём.

И лепечешь о святости чувства
и близости локтя,
Не укусишь, так рядом пройдёшь,
где коснёшься едва
Невесомой строкой – с лёгким привкусом
мёда и дёгтя –
Пустоты с тишиной ожиданий
в канун Рождества.

Всё уходит моментом, мгновением, таяньем
снежного счастья,
Или, может, транзитное чудо растает
в беззвёздной дали...
Где рябиново брезжит надежда в январскую
темень безвластья –
Не молчи – сквозь года, города – говори,
и люби, и молись.

РАССТАЁМСЯ ПРОСТО, БЫТУЕМ СКУЧНО

Расстаёмся просто, бытуем скучно.
«Всё равно» в агонии рефлексии.
Достаётся правде в мороз трескучий,
На бесснежье – изморозь ностальгии.

На безрыбье вымолчишь про пустыню,
Тишину и льды зимований тёмных.
Если друг проверенный вдруг покинет,
Достучишься рифмой небес котомных,

Что несутся ветром куда подальше,
Украшая серое безлазурье.
До чего же, Господи, много фальши,
Нелюбви и боли в литературе.

Попытаться скрасить, обнять, заплакать,
Обезболить строчкой про безучастье.
Старый год и стынь, как немая плаха,
Здесь бы счастья – простого счастья в части

Эпилога, сдобренного гирляндой.
Выживать. Прикинуться малахольной.
Ждать, когда же добьют куранты
Пустоту. Безверие. Безглаголье.

Русь моя

Владислав БУСОВ

ОБРАЩЕНИЕ

К тебе обращались напевно,
Всевышним хранимая Русь!
И время пришло, непременно
Я тоже к тебе обращаюсь.
К твоим зеленеющим рощам,
И в утренних росах лугам,
И в белой искристой пороше
К озимым безмолвным полям.
И к светлому небу в лазури,
К летящим вдали облакам...
С тобою я в штиль или в бурю
Пристану к родным берегам!

* * *

Золотисто-салатные выси –
У весенних берёз свой окрас.
Русь моя! О тебе мои мысли
В судьбоносного времени час.

В непростом этом мире и сложном
Ищешь ты независимый путь,
И навет на тебя с подлой ложью
Не изменит исконную суть.

И тебе не блуждать в перепутье,
В направлении праведном быть.
Проникаюсь твоей этой сутью,
Неизбежностью славной судьбы.

* * *

Над просторами синей реки
Древний город простёр свои длани,
Там берёзы прозрачно-легки
И луга заливные в тумане.

Там в далёкую пору прошёл
Со своею дружиной князь Дмитрий,
Чтобы дать басурманам отпор
В Куликовской решительной битве.

И в былые века, и теперь
Так неспешно несёт свои воды
В подмосковных лугах река-дщерь,
Что с Россией на вечные годы.

СТАРАЯ РОЩА

Я в старую рощу иду, а когда-то
Белела она берестой,
Но жизнь, как мгновенье, летит безвозвратно,
И ей не прикажешь: «Постой!»

Стволы у берёз почернели с годами,
Во мраке дождливого дня
Печально глядят на меня со слезами,
В них будто увидел себя.

Не счесть мне колец годовых у берёзы,
Минуло с тех пор столько лет...
Но поросль весной пробивается всё же,
Как утренний солнечный свет.

Расти ей вольготно под небом России
В миру многоликом земном,
Крепить возрождённую Родины силу
В единстве духовном своём.

* * *

Золотые купола Каширы,
Край туманных берегов Оки.
Испокон веков в подлунном мире
Звонко быют святые родники.

Край страны «берёзового ситца» –
Называл так родину поэт.
Созревает золотом пшеница,
Излучая благодатный свет.

В небе ясно, небе светло-синем
Серебром струятся облака.
С Божьей помощью тебе в России
Жить благословенно на века.

* * *

Прощайте, белые берёзы,
Красоты русской стороны.
В душе остались только грёзы,
Тоской щемящую полны.

Из окон дальнего состава
Пожар в лесу осенних дней.
Вокруг шумит листвою дубрава,
Мне звуки осени милей.

Вот к югу потянулись птицы,
На небе росчерк клиньев их.
Мне к ним бы присоединиться
И стать Икаром хоть на миг.

Стать на крыло, как эти стаи,
В полёте волю ощутить.
Тогда душа моложе станет
И юных лет явится прыть.

О том, что было, не жалею,
И молодость не вернуть.
Остались прошлого мгновенья,
Чтоб в памяти своей хранить.

Прощайте, белые берёзы,
Мне с журавлями по пути.
Весной прольются ваши слёзы –
Вся зелень красок впереди.

СЕВЕРНАЯ АКАЦИЯ

Её сестра на юге распустилась,
Она в июне пробует цвести.
Но в стойкости её такая сила,
Чтоб весть о лете северу нести.

Когда, морозом скованная глухо,
В оцепенении стоит она,
Ей снится жаркое светило юга
И родины, Италии, края.

Но у акации иная доля –
Россия стала домом для неё.
Так вот и я покой по Божьей воле
Здесь для души мятущейся обрёл.

* * *

Над равниною небо синее,
Средь полей течёт широка
Наречённая светлым именем,
Как невеста, эта река.

Берега её – зелень дивная,
Даль туманная так легка,
И бурлящие плёсы длинные,
Имя звонкое ей – Ока!

Собирая потоки водные,
Наполняет свои берега.
На земле Руси чувства добрые
Пробуждает в сердце река.

* * *

Выйду в поле, гляну в небо –
Синева пленяет взор.
Мне ромашки жёлто-белый
Стелют под ноги ковёр.

Васильки лазурью светят
И, качаясь на ветру,
Поднимают волны – это...
Плещет море на лугу.

Уплывает берег дальний,
Я смотрю из-под руки:
Выступают детства грани
В памяти моей легки.

То ли море, то ли поле,
Однозначно не пойму.
Только синее раздолье
Любо сердцу моему.

* * *

Хоть рождён я в краю Приазовья,
Там, где ветер гуляет на взморье,
Там, где волны бегут мне навстречу
И в затоках икру рыба мечет,

Зов далёких лесов ясно слышу
На полтона всё выше и выше.
И зовёт меня родина предков,
Где жива ещё отчая метка,

Там, где речка в деревне Чертково,
По рассказам она мне знакома.
Лес, изба и... коза у забора
Ест в лукошке грибы без разбора.

ДЕЖАВЮ

Опалённый осенним дыханием,
Сбросил листья багряные клён.
Был вчера в кружевном одеянии,
Он сегодня стоит оголён.

Поредели кусты возле речки,
И прощальные крики гусей
Не слышны у родного крылечка
Под сияньем холодных лучей.

Одинокий стоит и заброшенный
Пятистенный бревенчатый дом
И калиткой своей перекошенной
Мне напомнит, как холодно в нём.

Кинокадром под звуки маэстро
Он уходит в тумане густом.
Дежавю, я знакомое место
Видел в детстве далёком своём.

* * *

Русь моя, сторона ненаглядная,
По просёлочным тропам иду.
Я с тобою, страна необъятная,
Так завещано мне на роду.

Твои реки, леса изумрудные
И луга с серебристой росой...
Я в дороге, порою и трудную,
Покорён, Русь, твоею красой.

Жизнью с верою, жизнью длинною –
Нет, не жалуюсь, не обделён –
Чтоб с тобою, Россия былинная,
Мне пройти ещё сколько-то дён.

И когда повстречаюсь с берёзами
На закате в назначенный час,
Помолюсь о тебе, смахнув слёзы, я,
И закружит прощания вальс...

СОСНОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

Александр ВЕДИЩЕВ

МНЕ СОН ИЗ ДЕТСТВА ЧАСТО СНИТСЯ

Мне сон из детства часто снится,
Я вижу старенький наш дом.
Дымок над крышею клубится,
Мороз трескучий за окном.

На потолке дрожит полоской
Свет тусклый тающей свечи.
И приютился с папироской
Отец у тёпленькой печи.

Я вижу маму молодую,
Гремят ухваты и горшки.
Я запах теста сердцем чую
И вот уж вижу пирожки.

В углу за печкою кровать,
В ней, тихо носиком сопя,
Малютка спит, зевая сладко.
Вдруг он проснулся! Это – я!

* * *

Почему я пишу так грустно?..
Что за боль мне нельзя превозмочь?
Почему на душе моей пусто
И Есенин мне снится всю ночь?!

Может, просто я есть тот избранник,
Несмотря на мои все грехи?
Между адом и раем странник,
Может быть, шлёт мои вам стихи?

Может, просто он делится с вами
Своей болью и дикой тоской?
Может, хочет простыми словами
Возродиться он в жизни людской?!

Потому мне не спится ночами?!
Мне так хочется в рифмы связать
Глубину деревенской печали,
О которой он мог бы сказать.

* * *

По дороге снег искрится,
В окнах ёлочки зажглись!
Новый год на тройке мчится!
Вновь слова в стихи сплелись!

Пустеют улицы под вечер,
Скоро гости постучат.
Тосты громкие «За встречу!»
Из наших окон зазвучат.

Петарды грохотом заглушат
Наш беззаботный громкий смех,
Президента будем слушать,
Ждёт ночь застолий и утех!

А в это время кто-то слышит
Совсем не праздничный салют.
Кому-то смерть в затылок дышит
И песни «хаймарсы» поют.

Им там, в заснеженных окопах,
Никто не спляшет, не нальёт,
Летят «подарки» от «укропов»,
Всю ночь стрекочет пулемёт!

И пусть их вспомнит вся Россия,
Пусть вспомнит каждый русский дом!
Благодаря кому сидишь ты
За этим праздничным столом!

* * *

Давно уж выпал первый снег,
По «Прачке» ходят рыбаки,
То тут, то там летят наверх
С жирным блеском окушки.

Серебристый иней с ветки
Сбивает лёгкий ветерок,
А почему же наши детки
Не ходят нынче на прудок?

Почему сидят скучают,
Зимой катки не расчищают?
А ведь раньше, как из пушек,
Здесь треск стоял от наших клюшек!

Какие были здесь бои,
Каким задором мы искрились!
Когда болели за своих
И класс на класс в хоккей сходились!

На берегу горел костёр,
Сушились валенки, ботинки,
И шёл предметный разговор,
Рисуя вновь игры картинки.

А что ж сегодня тишина?
Ах, как достал инет проклятый!
Куда мы катимся, страна?!
Куда мы катимся, ребята?!

Николай ЧЕРБАЕВ

МЫ НЕ ОТСТУПИМ НИ НА ШАГ

Вновь на восток враг повернул стволы орудий,
Мы защитим Россию-мать, сражаться будем.
Мы честь российского солдата не уроним,
Туда, где солнце на закат, врага погоним.

Сомкнём ряды плечо к плечу ещё теснее,
Мы в помощь Бога призовём – и в бой смелее.
Пусть роем пули от врага жужжат над нами,
Но наши МиГи уж летят над облаками.

Мы не отступим ни на шаг.
Вперёд, ребята!
И вновь повержен будет враг,
Как в сорок пятом.

С врагом, рискнувшим нас сломить,
сведём мы счёты.
Идут сквозь вражьи рубежи за ротой роты.
Фашистов вновь мы разобьём, как наши деды,
И над Европой водрузим наш флаг Победы!

НЕТ, НЕ ВРЕМЯ, ГОСПОДА...

Нет, не время, господа, не время
Праздники гуляньем отмечать.
На плечах России войны бремя!
Тяжело ей груз такой держать!

Вновь для нас настал час испытаний!
Над страной – судьбы тяжёлый рок!
Вновь слышны угрозы из Германии.
Пушки НАТО смотрят на восток.

Если силы есть для развлечений,
Лучше их направить на врага.
Мы же русские! И в этом нет сомнений,
Что для нас Россия дорога!

Так давайте ж быть единым целым –
Наши силы армии нужны.
Лозунг наш быть должен неизменным:
Всё для фронта!

Для победы! Для страны!

ЦАРЬ ПЁТР ОТКРЫЛ ОКНО В ЕВРОПУ

Царь Пётр открыл окно в Европу,
Чтоб мы культуры набрались.
А там Европа с голой п...й
Нам показала свой стриптиз.

И вот сквозь занавес кордона
«Дерьмо» полезло к нам в окно.
Смотрели мы заворожённо
Их голливудское кино.

Через экран к нам в души лезли
ЛГБТ и пошлый секс,
А наши ценности исчезли,
Мы к ним утратили рефлекс.

В культуре проросла богема,
Повсюду звёздный балаган.
Для нас, друзья, большая тема –
Над нами западный дурман!

Но мы очнулись! Слава Богу!
Ведь даже Бог устал терпеть.
Он вновь нас вывел на дорогу
В который раз, чтоб «в корень зреть!»

* * *

Ушла зима спокойно, тихо:
И не кружила вьюга лихо,
И не мели в ночи метели,
Ветра над полем не шумели.

С собою забрала пожитки:
В морозный день скрип у калитки,
Хрусталь снегов с ветвей берёзы,
Из-под окна сосулёк слёзы.

Лыжню в лесу в клубок смотала,
С полей свернула покрывало,
В мешок сложила звёзд сиянье,
Морозцем хрустнув на прощанье.
И лишь стемнели небеса –
Ушла за горы, за леса.

А на дворе уже весна!

В СЕЛЕ РОДНОМ Я СНОВА

В селе родном я снова,
Там отчий дом стоит.
А месяц, как подкова,
Над крышею висит.
И в сумраке вечернем
Над серою трубой
Мне месяц показался
Подковой золотой.
Свет золотой струится
И освещает путь,
Как будто приглашает
Войти и отдохнуть
В стенах родного дома,
Где не был много лет,
Но сердцу боль знакома –
Туда мне входа нет!
Дом окнами-глазами
С грустинкой посмотрел,
А я как будто в детстве
В него войти хотел.
Но не судьба мне, видно,
Взойти вновь на порог:
Другой ему хозяин,
Скупой душой и строг.
И, поклонившись дому,
Я шёл в обратный путь.
Ну как же так случилось?..
Хотя я знал ответ...
А месяц златорогий
Смотрел мне грустно вслед.

Александра ЛОСКУТОВА

ИСТИНА

Мы истину ищем во всём каждый день,
Внутри нас две правды всегда – это тень.
Тень истины той, что познать нам дано,
Когда само время желает того.
Терпения времени нам подождать
Порой не хватает, чтоб истину внять.
Ошибки ломают чужую судьбу.
«Прислушайся к сердцу!» – тебя я прошу.
Покою до тех пор тебе не видать,
Пока ты не сможешь ту истину внять.
Прислушайся же ты к себе всей душой,
Поймёшь всё – тогда твой вернётся покой.

РОССИЯ

Россия, мать моя родная,
Не забывай, когда уйду в последний путь.
Когда в рубашке нараспашку, замерзая,
В чужой земле придётся мне уснуть.

Бегу по полю, страхи отменяя,
Отвага в сердце, крест в руке сожму.
Лишь об одном прошу тебя, родная,
Не забывай, когда в последний путь уйду.

Нет слова «я» на здешнем лексиконе,
Здесь только «мы» – с тобой и за тебя!
И мы уйдём, а сердце, замирая,
Прошепчет тихо: «Родина моя...»

ПИАНИСТ

Сидит за роялем, подняв ввысь свой взор
И руки поклав на зебристый ковёр.
Простой человек, кажется, а изнутри
Целованный Богом – ведь ты посмотри!
Да нет же, послушай, как трели рекой
Текут из-под пальцев его, ты постой...
Застынь и попробуй понять – наш герой
Пытается трели играть всей душой!
Чем искренней будут попытки его,
Тем музыка слаще окутает ухо твоё.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Я взором окину родные просторы,
Полей да степей необъятную даль.
Цветы расписные вплету в свои косы,
На плечи накину пуховую шаль.

И мне так отрадно, легко и спокойно,
Я дома в заветном свободном краю.
Здесь детство ушедшее, словно мгновенье,
Хрустальным лучом в сердце я сохраняю.

Спасибо, моя дорогая отчизна,
Спасибо за радость прошедших минут.
Всё временно в этом отчаянном мире,
Но знаю, что здесь меня помнят и ждут.

Я взором окину родные просторы,
Люблю всё до дрожи, до слёз, до звезды...
Здесь жизни моей золотые опоры,
Здесь жизни моей незабвенные сны.

СВЯТАЯ РУСЬ

Ах ты, Русь моя святая!
Ах, златые купола!
Распахну свои я очи –
Вкруг сплошная лепота.

Сила, мощь твоя лихая
У двуглавого орла.
И отныне, и вовеки
Ты за пазухой Христа.

Береги себя, родная,
Сохрани святой свой лик.
Пусть планета воспевает
Землю нашу каждый миг!

Ты для мира воин света,
Ты для мира Млечный путь.
Так ступай же по планете,
Освещая ей всю суть!

Ах, ты Русь моя святая!
Ах, златые купола!
Возвеличиваю смело:
Мать, ты Родина моя!

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛОГУНОВ

Рядовой
(06.05.1993–16.01.2023)

«МОЙ ПАПА ЖИВОЙ!»

Сергей Логунов родился 6 мая 1993 года в простой рабочей семье в с. Турмасово Мичуринского района. Мама, Ирина Ивановна, работала в Росгосстрахе, а отец, Владимир Николаевич, – на Мичуринском водоканале. Так как родители трудились в городе, то мальчик больше времени проводил с бабушкой.

Живя как все мальчишки его возраста, Сергей звёзд с неба не хватал, но и за себя мог постоять. Увлекался спортом, но без фанатизма, дружил с ребятами из села, помогал родителям. И вообще по жизни руководствовался принципом «всех люби – от всех беги». Готов был прийти на помощь любому совсем незнакомому человеку, но душу свою не открывал даже близким – не из-за недоверия, а по причине ранимости и собственных внутренних переживаний.

По окончании девяти классов Сергей поступил в ПТУ № 37 г. Мичуринска обучаться на автослесаря, но в 18 лет пришла повестка из военкомата, и парень, не доучившись, пошёл в армию, так как появилась возможность пройти

службу в спецназе, чего и хотел, не признавая вспомогательные армейские части, – отслужить «по-настоящему» в Главном разведывательном управлении.

Краснодар, Моздок. О срочной службе в армии у Сергея Логунова остались тёплые воспоминания. Парень достойно отслужил и вернулся в родное село. Сразу же устроился на работу, где и встретил свою будущую судьбу, девушку с говорящим именем Любовь. Сначала общались по телефону, а после взаимная симпатия переросла в любовь, и молодые стали жить вместе у родителей жены в с. Круглом.

Однажды вечером Сергей и Любовь сидели перед телевизором. Неожиданно молодой человек достал кольцо и сделал предложение, растрогав девушку до слёз. Через три месяца сыграли свадьбу, а ещё через полгода родился сын Артём. Радости молодых родителей не было предела. Чувства переполняли молодого отца, который не мог скрыть своего счастья.

Спустя время семья Логуновых переехала в просторный дом родителей мужа. Сергей

начал работать в магазине. Здесь особенно проявилась его черта характера – стремление помочь людям сделать выбор. Клиенты за покупками шли только к «Серёжке», который старался решить проблему профессионально, охотно помогая в выборе и покупке техники. Он очень хорошо разбирался в электроприборах. Мог сам починить даже сложное оборудование.

В семье Логуновых долго мечтали о втором ребёнке. Сергей и Любовь ждали именно девочку, и трудно описать радость от рождения Ксении в марте 2021 года.

В момент родов Сергей лежал в городской больнице с ковидом и шутил, что это очень удобно, так как за новорождённой не придётся далеко идти – стоит только дорогу перебежать.

Когда началась специальная военная операция, Сергей очень переживал, не желая отсиживаться дома. Но особым потрясением для него стала гибель приятеля, односельчанина, сверстника, друга по детским играм Дмитрия Корякина, погибшего в июне 2022 года. Сергей был на работе, узнав о гибели товарища, разволновался. На похоронах не сдержал эмоций, заплакал. Когда после пришёл домой, то заявил, что пойдёт добровольцем на фронт. Но родные и близкие остановили его. Аргументы действительно были веские – маленькие дети.

Но от судьбы не уйдёшь. 21 сентября была объявлена частичная мобилизация, узнав о которой Сергей понял, что его заберут первым. Так и случилось. Уже на следующий день он получил повестку, а 23 сентября в 7 часов утра был направлен для обучения в Тамбов. Сергей Логунов подтвердил свою военную специальность разведчика и получил дополнительную – медбрата. Через две недели, 6 октября, был переброшен «за ленточку». Но и там он не забывал о близких, заказав с доставкой на дом 7 октября на девятилетие сынишки подарок – большого плюшевого медведя.

Для родных началось время ожидания и сбора посылок для отца. Несмотря на сложности, Сергей регулярно звонил. Эти короткие – одна-две минуты – разговоры стали отдушиной для Любви. Были и две короткие встречи в Белгородской области, на одну из которых Лю-

бовь взяла детей. Сергей же не мог нарадоваться общению с семьёй. Просил Любу при любом исходе обеспечить детей собственным жильём.

Любовь Логунова особенно чётко запомнила три январских дня 2023 года.

13 января позвонил Сергей и поздравил всех со Старым Новым годом, обещал перезвонить. Но долгожданного звонка долго не было. Любовь беспокоилась. И не зря. Группе, в которую входил Сергей, дали 20 минут на сборы и направили на выполнение задания. Сергей пролежал в снегу долгое время и обморозил ноги.

14 января снова звонок. Голос мужа звучал чётко: «Всё хорошо. Не мог перезвонить». Сергей поступил в полевой госпиталь, где должно было проходить лечение последствий обморожения.

15 января разговор длился целых четыре минуты: «Мы выезжаем на задание. Всё нормально. Всё будет хорошо». Любовь понимала, что всё далеко не так. А в это время нацисты окружили русское подразделение, и разведчиков подняли на вырубку боевым товарищам. Сергей не стал отлёживаться в госпитале и, несмотря на обморожение, присоединился к группе. Ребята справились с поставленной задачей. Пробили кольцо фашистов и стали выводить из окружения русских бойцов. Сергей был в самой гуще боя, а после выводил раненых. Поняв, что сломить русских в прямом бою даже при численном превосходстве не удастся, укронацисты применили ракеты.

Рядовой Сергей Владимирович Логунов погиб 16 января 2023 года. Похоронен на сельском кладбище с. Турмасово Мичуринского района.

Награждён орденом Мужества посмертно.

Его сын Артёмка каждое утро пишет мелом на доске в детской: «МОЙ ПАПА ЖИВОЙ».

Анатолий ТРУБА

БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК

Мысли Кирилла Моисеевича Отплеухина путались и переплетались, что-то внутреннее, глубокое и нравственное рвалось из недр его текущего восприятия вещей и сознания. Кирилл Моисеевич размышлял о разных проблемах: думал о дореволюционном русском крестьянстве, почему-то вспомнил биографию Линдона Джонсона, потом долго ломал голову о 23 проблемах Гильберта, гражданской войне в США, апартеиде, геноциде армян XX века, но то и дело между этими светлыми и порядочными во всех отношениях мыслями в голову лез образ голы и непотребной тётки. Картины были вызывающими, если не сказать скандальными.

И в самый момент духовного трепета, когда культурный стяг возвысился над образом подлой, но манящей всеми своими членами тётки, Кирилл Моисеевич почувствовал тяжёлую боль в своей правой бочине... Боль была колоссальная, пронизывающая и невероятно сильная.

«Что могло послужить этому, что могло быть причиной? – думал про себя Кирилл Моисеевич. – Может быть, дело в зубровке, намешанной с портвейном, я ведь почти ничего не ел вчера, только пил, или это вскрылось что-то хроническое, насколько серьёзно моё положение? Эх... не умереть бы...»

Такие скверные и пасквильные мысли разрушали психику, и так разбитую похме-

Анатолий ТРОФИМОВ

Родился в 1988 году в городе Кемерово, в 1994 году семья переехала на постоянное место жительства в г. Лыткарино Московской области. В 2007 году окончил МОГКЭП по специальности «Банковское дело». В 2012 году окончил СГА, получив степень бакалавра экономики. Много лет работал в банковской отрасли и организациях, связанных с финансовой деятельностью, в настоящее время работает главным специалистом в ГКУ «Финансово-аналитический центр Правительства Московской области». Литературой занимается с 2020 года. Много читает, участвует в литературных конкурсах, проходит курсы литературного мастерства при Литературном институте им. А. М. Горького.

льем нашего героя... Кирилл Моисеевич решил непременно и определённо идти в больницу, да и мало ли что... боли дикие, не дай бог, того... и в землицу...

Кирилл Моисеевич был вынужден отпроситься с работы, пришлось унижительно долго рассказывать начальнику, в чём дело, какие и где боли, в каком точно месте болит, что он до этого ел и пил, употреблял ли алкоголь и даже как ходит в туалет... По мнению опытного в этих случаях начальника, особой проблемы не было с этими симптомами и вполне можно было выйти на работу, он решил, что, если Оплеухин не возьмёт больничный лист, засчитано это будет как прогул. Но больному было не до скандалов с начальством, бок болел так, что вот-вот взорвётся... Кирилл Моисеевич смотрел на себя в зеркало и проверял своё тело: ничего страшного внешний вид его не вызывал, в зеркале отражался невысокий человек с продолговатым лбом, который переходил в гладкую и блестящую лысину, ноги и грудь опутала густая чернота жидких волос, глаза кровоточащими капиллярами ещё пульсировали вчерашним портвейном.

На следующий день рано утром Кирилл Моисеевич натошак и с болью в боку тихо поплёлся на приём к терапевту. Зная всю номенклатуру больничной этики, Оплеухин зашёл за шоколадкой, так сказать, для беспрепятственности и светской обходительности в случаях особой надобности... Дорога была неблизкая, дело было зимой, и каждая неровность, на которой имел неудовольствие поскользнуться наш герой, причиняла сокрушительную боль Кириллу Моисеевичу.

Но вот и поликлиника, замызганное и обшарпанное здание, разместившееся, вероятно, в доходном доме дореволюционной эпохи. Но сейчас это не имело никакого значения, Кирилл Моисеевич радовался тому, что хотя бы дошёл до известного учреждения. Лестницы были скользкие, и наш герой так поскользнулся на них, что выходящие из здания люди сочли необходимым помочь ему встать... Зайдя вовнутрь поликлиники, Кирилл Моисеевич отправился сразу в регистратуру. Отстояв длинную очередь, видя, с каким отношением дают консультации

работники, Оплеухин сразу просунул в окно шоколадку, купленную ранее. Сотрудница 55–60 лет быстро забрала шоколадку и спрятала, потом посмотрела в глаза Кириллу Моисеевичу.

– Вам что? Говорите быстрее, не создавайте очередь! – отчеканила она.

Оплеухин оглянулся, но очереди не было, был только он...

– Мне бы к терапевту, не записался, да и очередей нет, помогите Бога ради, Христа ради... – проговорил как заведённый Кирилл Моисеевич.

– Не знаю, не знаю... Идите к дежурному тогда... Давайте ваш полис и паспорт. Какой у вас адрес? Сейчас найду вашу карточку.

Получив свою медицинскую карточку, Кирилл Моисеевич отправился на приём к терапевту.

Очередь к дежурному врачу была огромная, кто-то был по записи с конкретным временем приёма, а кто-то, как господин Оплеухин, шёл по живой очереди. Живая очередь в России – это особое явление, явление гражданской солидарности, интернациональной сплочённости и уважения к тем, кто нуждается в помощи больше, чем тот, кто записался на приём заранее. Как и положено, Кирилл Моисеевич спросил, кто последний по живой, ему ответила пожилая дама, что он за ней. Началась долгая процедура ожидания. Когда ты идёшь в местную поликлинику, лучше взять книгу или организовать себя так, чтобы было не скучно, слушать музыку в наушниках не рекомендуется по причине того, что можно пропустить назревающую интригу, подкоп под свою персону.

Вот без очереди в кабинет прошла дамочка, сопровождаемая представителем администрации учреждения, возражать никто не посмел. Потом другой молодой человек просил только зайти, чтобы поставить подпись на бланке, в итоге эта подпись стоила 30 минут ожидания всей очереди... Тут надо быть начеку и вовремя поднимать оглушительный крик возмущения. Когда происходит громкая перепалка, выбегает заведующий поликлиникой и регулирует вопрос очереди на принципах справедливого равенства и библейских канонов.

В минуты, когда Кирилл Моисеевич начал понимать, что может не успеть на приём, он вспоминал прошлого терапевта, уже очень пожилого Трофима Игнатьевича, мужчина был стар и сед, запястья врача немного тряслись, поэтому он ничего уже не записывал, определив заниматься всей бумажной работой медицинской сестре. Тёплые руки Трофима Игнатьевича уже сами по себе лечили человека – тогда наш больной страдал от приступов артрита. Как легко к нему было попасть, как добр он был и внимателен, не только с Оплеухиным, а абсолютно с каждым пациентом.

Но тут Кирилла Моисеевича толкают, потому что наступила его очередь, и попал он к Магомеду Ахматовичу Ломалиеву, совсем молодому доктору, у которого даже по меркам Кавказа борода ещё росла слабо.

Магомед Ахматович был добр и учтив, надо отметить... Послушал сердце, померил давление, дал направление на анализы крови и мочи, но диагноза не смог поставить, порекомендовав просто пить обезболивающие. Анализы принимались на другом конце города и только в определённое время, и исследоваться они будут несколько дней, их результаты нужно было потом принести терапевту. После этой информации бок Кирилла Моисеевича схватил ещё сильнее...

Но делать было нечего, нужно было сдавать анализы. «Поставят диагноз и вылечусь, вылечусь, вылечусь», – успокаивал себя Оплеухин. Придя в назначенное время в назначенное место, наш герой опять столкнулся с очередью, но надо сказать, что прошёл он её быстро и без проволок. Уточнив, как забрать результаты, бедный Кирилл Моисеевич, сгорбившись и еле делая шаг, поковылял в сторону своего дома.

Когда он пришёл в нужное время и нужное место для получения результатов анализов, выяснилось, что данной информации у них нет и есть только заключение врача по ним, а за анализами нужно идти в другой корпус, где сидит врач, написавший данное заключение. Когда наш герой не без усилий пришёл в другой корпус, этот врач заявил, что анализы приходят электронно, но конкретно его анализы не

поступали, поэтому нужно идти туда, откуда пришёл. Там, куда вернулся Кирилл Моисеевич, сказали, что нужен официальный запрос от терапевта с подписью и печатью руководства поликлиники.

Бедному Кириллу Моисеевичу пришлось идти через весь город, объяснять недоверчивой очереди, стремящейся попасть к терапевту, что ему нужно только получить запрос, но очередь не верила Оплеухину... пришлось ждать, и ждать долго... Наконец наш герой всеми правдами и неправдами попал к Магомеду Ахматовичу, где всё объяснил.

Терапевт Ломалиев был добр и учтив... Оплеухин получил наконец-то официальный запрос, и теперь осталось его подписать у главного врача и поставить печать. Главного врача на месте не было, был только заместитель, но он по распоряжению не имел права ставить печать и подпись, оказалось, что имел право печати и подписи по доверенности другой сотрудник. После неразберихи эту печать и подпись всё же поставили.

Бок Кирилла Моисеевича разрывался на части, он чувствовал, что умирает, теряя сознание. В поликлинике равнодушные люди заботливо помогли ему выйти на улицу подышать свежим воздухом, где и оставили. Было уже 18:49, и корпус по приёму анализов закрылся 19 минут назад...

Кирилл Моисеевич, сидя на заснеженной лавочке, взял себя в руки и тихо задумался: думал о дореволюционном русском крестьянстве, почему-то вспомнил биографию Линдона Джонсона, потом долго ломал голову о 23 проблемах Гильберта, гражданской войне в США, апартеиде, геноциде армян XX века. Все эти мысли периодически перебивал образ голой тётки, которая выдавала ему документы с анализами, рядом с ней стоял и Трофим Игнатьевич, весь заплаканный. Молча опустившись на колени, он что-то долго говорил Кириллу Моисеевичу.

События 90-х годов в России были богаты примерами стойкости и героизма, жестокости и лицемерия, надежд и разочарований. Историки систематизируют факты, дают им оценку, превращая время в каменный монолит научного повествования. Бытовое мышление действует иначе: мы хорошо помним те события, которые касались именно нас, память работает вспышками отдельных явлений, вычленяя из целого частности, и на своё усмотрение сохраняет предмет.

Какими событиями запомнилось нам 21 августа 1997 года? Сколько было таких августов и двадцать первых чисел в нашей жизни, что мы помним о них?

21 августа 1997 года история не остановилась, как и любой день, эта дата имела хорошие новости и плохие: тут и опровержение Лужкова в пику Шанцеву о том, что Юрий Михайлович президентом быть не хочет, Ельцин встаёт на защиту чеченского руководства, критикуя Малашенко, оскорбившего на пресс-конференции чеченское руководство, мошенничество на валютном рынке, шестилетие путча, новый альбом группы Oasis Be Here Now...

Новости на любой вкус и интерес, но для меня, девятилетнего мальчика, запомнилась новость другая. Это смерть Юрия Владимировича Никулина. Признаюсь, что я заплакал в этот день, я никому и никогда об этом не рассказывал. Я часто смотрел передачу «Белый попугай», где Юрий Владимирович уже был стар и сед, помню его белую капитанку с потешным козырьком, живые и внимательные глаза. Выбритый и опрятный, всегда одет в рубашку спокойных тонов, без перстней и другой вызывающей атрибутики.

Юрий Владимирович прошёл две войны, был контужен, встретил Победу в Курляндии, имел боевые медали и ордена, видел кровь, смерть, человеческий ужас не на экранах телевизора, а в окопах блиндажей, в грязи, под обстрелами фашистской гадины.

Никулин никогда не давил авторитетом своего опыта, не навязывал свою мудрость, не старался казаться глыбой в глазах общественности, он рассказывал анекдоты и смешные истории: отлично помню шутку о том, как можно выпить тридцать граммов шампанского, не открывая бутылку; или байку про Карузо, Пикассо и работница культуры; каламбур, от чего умер неизвестный:

от парткома, от жены и любящих детей... Все эти анекдотические находки имели отклик в сердце, они были отражением людей и явлений, истории и времени, через них мы заново узнавали себя и продолжаем это делать.

Уже повзрослев, я не переставал любить фильмы с участием Юрия Владимировича, вспоминать шутки и анекдоты, восхищало и то, что в нужное время Никулин не молотил столы с лозунгами о славе и мощи КПСС, не забирался на танк, не подбрасывал шапку, размахивая флагом в поддержку или в пику новых ценностей. Никулин всё понимал, имел свои взгляды, но оставался собой – народным артистом, достойным гражданином и порядочным человеком.

Достоевский в романе «Бесы» писал, что Бог – это души всех людей. Я только хочу отметить, что смех и радость нескольких поколений взрослых и старших ребят были неразрывно связаны с творчеством Юрия Никулина, его образы и шутки продолжают жить в наших душах. Уверен, подвиг его жизни и жизни похожих героев может стать объединяющей скрепой для людей и народов во времена сложных событий современности.

История одного дня Юрия Владимировича, о которой я хотел написать, – это свидетельство почтения простому человеку, каким был и остался в памяти людей Никулин.

...Ещё вечером всё было готово для важной встречи с японской делегацией. Наш завтрашний день формирует то, как мы к нему подготовимся. Белая рубашка была поглажена, галстук с огромной жёлтой пчелой висел прямо на ней, классическая двойка, совсем новая, из хлопковолокна, находилась рядом на вешалке.

Утренние сборы, завтрак, поцелуй супруги, Татьяны Николаевны, – вот всё, что необходимо для хорошего дня. Это летнее утро выдалось дождливым и скользким. Советский человек спешил или город его подгонял, сложно сказать: бегом-бегом, с вывернутыми зонтиками Азовского завода кузнечнопрессовых автоматов либо более стойкими японскими «Три слона». Промокший гражданин встречал этот летний, но противный день на автобусной остановке шумного города. Под козырьком главного здания НИИ мужчина

завязывал шнурки, одновременно дымя папиросой. Чуть дальше котельная, где трое закадычных коллег всегда в одно и то же время выходили курить и обсуждали принципы распада нейтральных К-мезонов, значительно тише говорили о творчестве Пастернака, посмеивались, читая стихи Евтушенко. Юрий Владимирович привычно поздоровался, закадычные товарищи ответили приветствием. Поодаль, рядом с магазином одежды, прямо под дождём стояли двое и целовались. Это были взрослые люди, они были гораздо ближе, чем любовники, наверное, они друг другу что-то сказали и решили закрепить это поцелуем. Ленин и Маркс не запрещали целоваться под дождём рядом с магазином одежды, и они это знали.

Подходя к перекрёстку с магистральным движением, очень опасным, Юрий Владимирович, как всегда, остановился.

На светофоре не успевал затормозить ВАЗ-2101 («копейка»). Водитель, по всей видимости, решил успеть в последний момент мигающего жёлтого света светофора проскочить на центральный проспект. Уже понимая, что летит на людей, тормозя, одновременно пытаясь уйти влево, потерял управление и сбил на пешеходном переходе женщину. Её рядом стоявший ребёнок остался цел. Женщину отбросило метра на три, чудовищный удар головой, шансов выжить после которого нет... Водитель – трезвый, ушастый, с разбитой харей – спокойно включает «аварийку», внимательно осматривает повреждения машины, деловито устанавливает знак аварийной остановки.

Мальчишка лет восьми в ужасе оцепенения... Он не плачет, но боится подойти к матери. Он не видел её такой, он не знает, чего ждать и что делать, и от бессилия, страха, непонимания происходящего вдруг наполняет перекрёсток своим разрывающим сердце воплем. Нет, это был не крик, это была истерика, кричало само сердце ребёнка, его душа и плоть, не отделявшие себя от погибшей матери. Только сейчас мальчик почувствовал весь кошмар этого разъединения, он кричал и за себя, и за неё...

Юрий Владимирович уже бежал к жертве аварии, нужно было накрыть тело, чтобы ребёнок не видел её такой... Дети не должны видеть подоб-

ное! Накрыв тело, Никулин отправился к мальчику. Что сказать этому ребёнку, как оправдать эту жизнь перед ним, какие должны быть слова?

– Тебя как зовут? Меня – Юра! – Никулин обнял мальчика. – Пойдём, я покажу тебе фокус... И знаешь, что у меня для тебя есть?

– Что ты хочешь мне дать? – мальчик начал приходить в себя.

– Вот и узнаешь! – ответил Юрий Владимирович. – Ты знаешь пчёлку Жужу?

– Нет!

– Твоя мама сказала мне, что немного отдохнёт и отправится в путешествие!

– Это правда? – переспросил мальчик.

Юрий Владимирович промолчал...

– Она попросила меня, чтобы пчела Жужа была с тобой. – Никулин снял свой галстук с пчелой и отдал мальчику.

Подъехавший молодой и крепкий отец немедленно начал выяснять отношения с водителем:

– Ну что, герой кверху дырой!

– Я... Да – я! То по задам, то по задворкам! Убери руки! – кричал ушастый водитель.

– Халтуру сшибаешь, сука!

– Не слушай, мальчик, – говорил в этот момент Юрий Владимирович. – Не смотри туда, смотри на пчелу!

Голоштаный водитель был отброшен, получив несколько тяжёлых оплеух, но делу это помочь не могло: случилось то, что случилось...

– Беги к отцу, мальчик, беги, поддержи его! – сказал Никулин и отправился по своему привычному пути.

Иногда очень тяжело примириться с чужими трагедиями, мы воспринимаем их так же, как и свои собственные. Видеть смерть, а затем ужас ребёнка – невыносимое испытание, как и ярость отца, который прибил бы халтурщика-водителя, если бы их не разняли прохожие и приехавшая милиция. Человеческая жизнь хрупка, человек слаб и беззащитен. Пример поступка Юрия Никулина действительно интернационален, он применим для любого строя, нации, культуры, ибо эти принципы всеобъемлющие, чувства не имеют национальности или языка, они не нуждаются в переводе: сострадание, любовь, ответственность объединяют каждого из нас.

...На время смотреть не хотелось, потому что опаздывал Юрий Владимирович уже больше чем на час, был в растрёпанном виде, заплаканный, рассеянный, лицо мальчика не выходило из головы...

Японская делегация ждала... Такого неуважения имперский народ – дети Аматаэрасу и Цукуёми – не предполагал... Поведение Никулина казалось личным вызовом, неуважением, брошенной в лицо перчаткой. Но японцы, как мудрый народ и интеллигентные люди, старались воспринимать ситуацию смиренно и с пониманием...

Юрий Владимирович быстро шагал и, ворвавшись в конференц-зал с неопрятной причёской, без пиджака и галстука, в рубашке с закатанными рукавами, попросил прощения за опоздание.

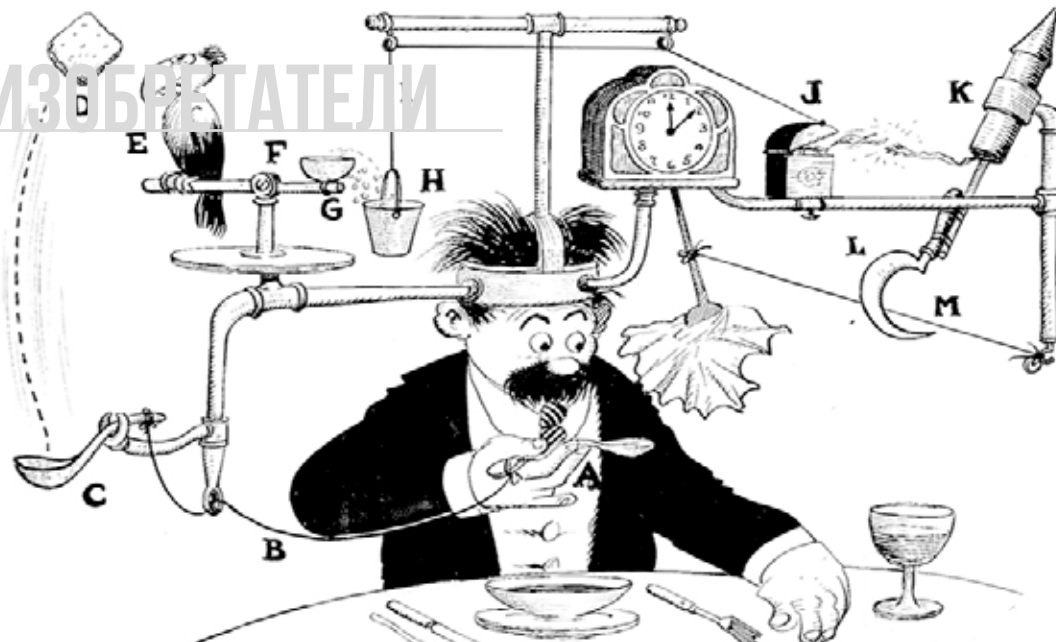
Нет врага опаснее дурака, говорит японская пословица: мало того что опоздал, так ещё и пришёл на встречу, как неряха! Издевательство, пренебрежение, дерзость! О чём можно говорить с таким несобраным человеком? Японцы уехали даже не с обидой, а с чувством личного оскорбления.

Прошло много лет, и когда по общим каналам знакомых им стали известны причины подобного появления Юрия Владимировича, был сделан запрос на повторную встречу.

Наш завтрашний день формирует то, как мы к нему готовимся. Утренние сборы, завтрак, поцелуй супруги, Татьяны Николаевны, – вот всё, что необходимо для хорошего дня.

Придя вовремя и одетым в костюм из мягкого шерстяного драпа, белую рубашку с галстуком, отложенным для высоких встреч, Никулин увидел делегацию японцев: без галстуков и пиджаков, в рубашках с завёрнутыми рукавами... Это была высшая форма человеческого извинения, не высокомерного дипломатического, а личного, когда каждый из них хотел подчеркнуть, что поступил бы так же, как Никулин, так же накрыл бы пиджаком тело женщины, отдал бы свой галстук мальчику и завернул рукава. Все хотели быть таким, как он тогда, как Юрий Никулин.

По мотивам истории богослова Андрея Кураева, написанной уже после смерти мэтра.

НАДОМНИКИ

– Насчёт леденцов трудно сообразить, – начал он, усаживаясь подле меня на диване. – Я их купил третьего дня, в пьяном виде, в овощной лавочке – не знаю для чего. Впрочем, может быть, для того чтоб поддержать отечественную торговлю и промышленность.

Ф. М. Достоевский.

Униженные и оскорблённые

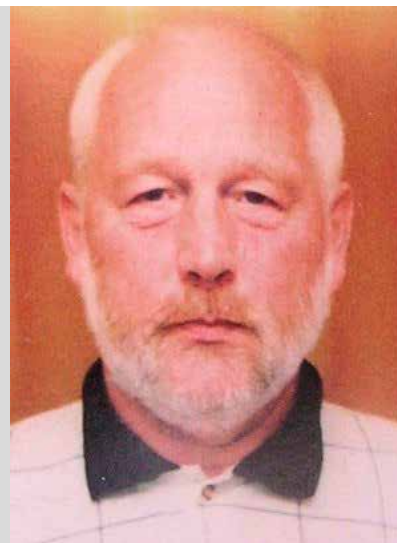
Приезжает в столицу иностранец-собственник и привозит с собой крокодила, которого и начинает показывать в Пассаже публике. Мы тотчас же поспешили приветствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостаёт нашему сильному и разнообразному отечеству.

Ф. М. Достоевский.

Крокодил. Необыкновенное со-
бытие, или Пассаж в Пассаже

Занимательное своё путешествие во времени с посещением явно или виртуально богоугодных вытрезвительных заведений Николай Андреянович в тот же майский день поведал другу своему профессору Скородумову, приняв его телефонное приглашение зайти после лекций к нему: «Посумерничаем, разок-другой по промилле¹ выпьем за очередное дежавю по части

¹ На инженерном арго-жаргоне означает пятьдесят граммов, естественно, разлитых по стопкам...

Алексей ЯШИН

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья (Северный флот СССР, г. Полярный). Выпускник Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских и белорусских литературных премий. Член союзов писателей СССР и России, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два учёных звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.

вытрезвления, о котором и я по местному радио слышал». Николай Андреянович добро улыбнулся: рыбак рыбака видит издалека – в смысле люди с общими интересами и сходным образом жизни и новости-то из нынешнего информационного шума извлекают одни и те же, злободневные для них, хотя бы по памяти о прошлом.

В отличие от безлошадного доцента, довольствующегося на службе лишь своим столом в общей преподавательской, профессор Скородумов располагал в корпусе биофака небольшим, но уютно, по-домашнему обставленным собственным кабинетиком, где друзья и встречались по поводу и без оногo... Здесь же повод грандиозный представлялся. Первую стопку потому и подняли под девизом, что-де новое – всегда обязательно хорошо забытое старое. Николай Андреянович предварил рассказ сообщением, что виртуальная личная машина времени, идею которой подсказал и научно обосновал Игорь Васильевич, работает отменно и безотказно. «Главное, – перебил его залихватый смехом визави, – что такая машинерия даром даётся, горючки и смазки, расхода электроэнергии не требует. И амортизация не должна беспокоить: пока мозг работает, крути себе верньерчик, как ты говоришь, и лишних мыслей в голову не бери». Слушая же дальше подробный пересказ исторического турне по богоугодным заведениям, Скородумов, живо реагируя на новые для него словечки, заинтересовался надомниками, дескать, а это что за класс трудящихся? Николай Андреянович выслушал разъяснение, а после окончания рассказа приятеля что-то задумался, даже забыл о времени второй стопки, но – спохватился, разлил. Выпили-закусили, а Игорь Васильевич опять думу на лице изобразил.

– Что закручинился, друг мой ситный? Или воспоминания малоприятные связаны с вытрезвителями?

– Да нет, воспоминания как у всех. Чаша сия в нашем поколении миновала лишь сырых, убогих, непьющих, больших начальников и самих – ха-ха-ха! – «красных шапок»... да и то с исключениями. Задумался же о другом: надомники твои, в смысле сами по себе бывшие, а

кое-где и сейчас сохранившиеся, подтолкнули к завершению мысли, давно неявно выпестываемой. А вот надомники – предельно удачный образ человека с идефикс творчества. Неважно совсем, имеет ли он способности к нему или же начисто лишён таковых. Это как кустарь-одиночка с мотором Виктор Михайлович Полесов из Ильфа – Петрова.

– То есть хочешь сказать, что, допустим, Архимед, Леонардо да Винчи, Жюль Верн, Эдисон и... Виктор Михайлович есть одного поля ягоды?

– Получается, что так. Но, разумеется, не в смысле результатов, ведь цыплят принято по осени считать, а по образу жизни, которую организует мышление человека всегда неуспокоенного, всегда ищущего приложение себя, хотя бы и в мечтаниях, к жизни в её расширенном понимании. Такой человек одновременно изгой своего социума, и чужак, и счастливейший из смертных, и неудачник в этой жизни, и мечтатель не хуже социальных утопистов, и обуза для близких, и... много чего «и». Впрочем, остановимся пока на таком расширенном толковании надомника. Как-нибудь вернёмся к этой теме. Раз-з-зливай!

Полагая анализ обобщением опыта прошлого и известного настоящего, Игорь Васильевич высшей формой творческого мышления полагал синтез, ибо он давал возможность предвидеть будущее. Так он представлял себе устройство личной машины времени, уже проверенной в работе его другом Николаем Андреяновичем. О чём они намерены и беседовали, из какового разговора и запало в его недюжинную по части размышлений голову занятное слово «надомники». Дав в том разговоре общее толкование понятию надомничества, присовокупив к нему различие между анализом и синтезом как базовыми методологиями любой исследовательской деятельности, профессор Скородумов чётко для себя определил: в поисках надомников по жизни и содержанию, причём при езде на личной машине времени («Езда на остров любви», – усмехнулся Скородумов, вспомнив старинного стихотворца Василия Кирилловича

Тредиаковского), следует при путешествии в прошлое поворачивать верньер – тож слямзил у приятеля словечко – настройки на время против часовой стрелки, то есть в сферу мышления – анализа, а в будущее – по этой самой стрелке, в область синтеза.

...Досадливо отогнав эту квазинаучную дурь – мол, долгое профессорство, как и профессиональный спорт, делает человека инвалидом: мышления и физического здоровья соответственно, – Игорь Васильевич, выбрав досужее время, обратился в собственное прошлое, в наиболее богатые на встречи с надомниками «лихие девяностые». Профессор закрыл глаза и мысленно сконструировал нечто похожее на пульт машины времени с чёрной ручкой верньера посередине. Обхватив его большим и указательным пальцами, он осторожно начал поворачивать ручку против часовой стрелки. Почему-то Игорь Васильевич решил, что ручка верньера проворачивается не плавно, а по образу старинного электромеханического шагового искателя, что использовались на телефонных станциях: щёлк, щёлк... каждый щелчок, явно звучащий в ушах, – один год назад... и дощёлкался до самого начала этих «лихих». В тот год он защитил диссертацию доктора технических наук и уволился из знаменитого в отечественном – в мировом тоже! – военпроме НПО «Меткость», руководимого академиком Гусаковым, поскольку жизни ему, «молодому выскочке», всё одно не дали бы, и устроился по протекции добрых знакомых в только что созданный медико-биологический научно-исследовательский институт аж первым заместителем директора, то есть замом по науке.

Здание, в котором институту отвели три верхних этажа из пяти, располагалось через неширокий проезд от крупного городского рынка. Как ни странно, но именно соседство с этим общенародным торжищем способствовало дальнейшему тесному знакомству Скородумова с беспокойной семьёй – в смысле родственности занятий последних – надомников. Известно, что сумбурное то время, отчаянное и весёлое одновременно, лихорадило людей и сподвигало их к тесному междусобойному общению – по

части безудержной разговорчивости. Как с утра до полуночи радио и телевидение стрекотало: дескать, измученный семидесятилетним большевистским утеснением народ радостно приветствует наступивший демократизм, открытость и иной консенсус (при этом слово народ обычно ухмылялся: что-то в нём было созвучно непристойности...), отсюда и его жажда взаимного общения и одобрения проводимой... и так далее, под дуду кого следует.

А где наибольшее скопление народа досужего, охочего к выслушиванию всяких небылиц? Конечно, рынок, то бишь базар, толкучка. Главное, за карманами своими приглядывай: ворья молодого, на приучке, вмиг несчётно объявилось. Для них рынок – школа профессии.

Где же ещё, как не на базаре, надомникам, бесплатным труженикам самоорганизованного мыслительного творчества, благодарных слушателей найти? Да ещё приятное с полезным совместить: ведь не бродяги они, семейные, дома жёны с малыми либо великовозрастными детками ждут не дождутся, когда папаня вернётся с рынка и едова принесет.

Заблагодумствовал наш профессор, перенесясь в те времена, увы, несбывшихся народных надежд, даже и не заметил, как перешёл в размышления своих на псевдонародный, даже чуток сюсюкающий язык...

Поначалу, когда коллектив обжился на новоселье, на входе висела вывеска прежних хозяев – строительного конструкторско-исследовательского института, который на исходе «консенсусной переустройства» за ненадобностью распустили. Но вот заменили её на новую, научную медико-биологическую. Эта-то вывеска с ещё не высохшими лаковыми буквицами надписи мигом заворожила спешащих поутру на рынок надомников мысли неуёмной. Наскоро закупившись харчами по спискам их жёнушек – известно, творческие люди забывчивы на презренные бытовые мелочи, – ринулись они, радея о научном и промышленном процветании новодемократической страны, в институтские двери со своими гениальными идеями, открытиями, замыслами и изобретениями, которым бы позавидовал американ-

ский Эдисон. Особо мощной оказалась когорта экстрасенсов, парапсихологов и «рамочных» отыскателей природных и иных ресурсов.

Уже попривыкнув выслушивать словоохотливых надомников, Игорь Васильевич, убаюкиваемый их рассудительными, мягкобархатными баритонами, порой терялся: наяву он всё это слышит или во сне? Именно тогда он понял великий смысл выражения жизнь как сон. И в который раз досадливо вспомнил, что так до сих пор и не дошли его руки, в смысле глаза, напрямую соединённые с мозгом, до пьесы Кальдерона с таинственным названием...

Поначалу, то есть в первые недели-месяцы, как на здании обновили вывеску – со строительной на медико-биологическую, – надомники с утра заполняли приёмную директора, рассевшись, аки шумливые воробушки, на диване и стульях, несколько нервируя секретаршу, которая по записной очереди впускала их к шефу. И тот, человек обходительно-воспитанный, интересующийся не только официальной, академической биологией и медициной, но и околonaучными веяниями, подолгу беседовал с энтузиастами умственной целеустремлённости. Но скоро ему, как архизанятному устройением новопоставленного исследовательского института, поднаскучили несколько однообразные рассказы доморощенных гигантов мысли. Тем более что длительные их монологи всегда заканчивались удивительно однообразно, до монотонности: принять их на службу на должности старших научных сотрудников по нетрадиционным методам диагностики и лечения. Все они, за малым исключением, имели пенсионный возраст. И ещё одна удивительная особенность: многие экстрасенсы, парапсихологи и «рамочные» искатели природных ископаемых и вредных для массового здоровья геопатогенных зон в черте города имели степени кандидатов технических наук. Значительна в среде набежавших на институтскую вывеску надомников была и прослойка отставных майоров и подполковников – почему-то служивших по артиллерии и интендантству...

Будучи, так сказать, обходительным и вос-

питанным, директор не решился прибегнуть к грубости в отношении соискателей научных должностей, то есть приказать секретарше «не пущать и отваживать», но принял соломоново решение: при появлении изобретателей велосипедов и вечного движения, экстрасенсов и парапсихологов Вера Леонидовна с самой искренней приветливостью, сочетаемой с огорчительной извинительностью, сообщала: директор очень занят с прибывшим из Москвы академиком Н., поэтому, к сожалению, принять столь уважаемого посетителя не может, а рекомендует обратиться к своему первому заместителю, отвечающему в институте за науку, профессору Скородумову, с которым у директора имеется договорённость на сей счёт. К тому же, задумав распевавшая секретарша, Игорь Васильевич – большой знаток и инициатор внедрения в жизнь, медицинскую и биологическую науку и промышленность новейших достижений в части нетрадиционных подходов к диагностике, лечению и профилактике самых различных заболеваний.

Обрадованный вниманием надомник, слегка погромыхивающий в хозяйственной сумке банками с тушёнкой и плитой замороженного до температуры жидкого азота минтая, только что купленными по поручению супруги на ближнем рынке, выходил из приёмной в коридор, сворачивал направо и шёл к указанной млейшей Верой Леонидовной двери с табличкой зама по науке. Конечно, размышлял по пути посетитель, зам, даже и первый, всё же супротив целикового директора вроде как менее серьёзно... зато и говорить с ним можно попроще, не выискивая официальных слов; главное, про вакансию старшего научного сотрудника можно будет без обиняков и намёков спросить – и вообще конкретно поузнать про размер зарплаты и регулярность её выплаты (на дворе начало девяностых, обычные задержки с выплатой кровно заработанных).

Вот именно такой посетитель первым явился к Игорю Васильевичу: плотный, коренастый, в ватинном пальто «гроб с каракулем» (дело случилось зимой), лет шестидесяти. Бесцветное,

грубоватое, слегка оплывшее лицо выдавало мастерового-работягу, а налёт отстранённой задумчивости – явно надомника. И матерчатую сумку-нищенку держал в пудовом кулачище, но только не с тушёнкой и замороженным минтаем, а с чем-то цилиндрическим, по форме напоминающим многолитровую кастрюлю. При движении посетителя, раскачиваясь, она постоянно погромыхивала.

– Я... того, тут кое-что изобрёл, – от необычности обстановки забыв поздороваться и представиться, начал тот, сделав пару-тройку шагов от двери и остановившись посередине просторного кабинета: штат института только подбирался, поэтому все отведённые ему три этажа пустовали, каждый из замов и «столо-начальников» заселялся в чем-то приглянувшуюся ему комнату.

– Так вам, очевидно, к директору следует обратиться, – вяло попробовал отбояриться Игорь Васильевич, но не тот, девяностых годов, а примчавшийся на машине времени из начала пятой пятилетки воспоследующего века и тысячелетия, миллениума по-американски. Но гость вкратце, путаясь и запинаясь, но в общем-то толково, передал свой разговор с Верой Леонидовной. Игорь Васильевич погасил на губах неуместную при постороннем ухмылку, весело подумав, что-де шефу просители малоодоходных должностей явно наскучили (он уже пару раз за праздничными табльдотами прилюдно жаловался на докучливых изобретателей и экстрасенсов с «рамочниками»...), теперь чаша сия ему перепоручена. Что ж, я начальник – ты дурак, и наоборот.

Порекомендовав посетителю снять пальто, указав на угловой одёжный шкафчик, и присесть, хозяин на миг задумался, рассеянно окинул затвердевшее от напряжённости лицо изобретателя и, вспомнив не забытые всё в новом веке и тысячелетии, откуда он прибыл, нравы лихих девяностых, взял быка за рога, предложив для знакомства выпить. Изобретатель заметно оживился, расслабился, убрал каменную насторожённость с пролетарского лица. А Игорь Васильевич, ещё не успевший опохмелиться (вот они, девяностые!) после вчерашнего празднования дружным коллективом дня рождения

главбуха, уже вынимал из кабинетного холодильника бутылочку запотевшей и нехитрую закуску, из хозяйственного шкафчика – стопки и вилки. Выпили-закусили, познакомились по именам-отчества. Изобретатель перешёл к делу, высвободив из мешковатой сумки действительно угаданную Игорем Васильевичем большую алюминиевую кастрюлю, в каких хозяйки больших семей в три поколения варят недельные щи. Но в любопытной кастрюле матрёшечно были установлены ещё три кастрюльки последовательно уменьшающихся диаметров, закреплённые в «материнской» посудине на обечайках с распорками до диаметра последней. Игорь Васильевич оценил добротность и слесарную аккуратность конструкции, не преминув догадаться о назначении, всё же доктор наук!

– Перегонная установка трёхфракционная, если не ошибаюсь? И-и, позвольте поинтересоваться: как ваше, так сказать, изобретение может быть использовано по нашему медико-биологическому профилю? Вы же целенаправленно именно к нам пришли, а не, скажем, на химическое или какое-нибудь пищевое производство?

– Так ведь вот племяшка моя, что после медучилища лаборанткой, значит, в эпидемной санитарной станции в Орле, тама сестры моей семейство проживает, работает, так что говорит, мол, дистилляторы эти всюю применяют, – разговорился, хотя пока и коряво от уличного мороза и ста грамм «разгонной», изобретатель, – вот и вывеску вашу углядел давеча, когда на рынок, что через проезд, шёл кой-что по хозяйству прикупить из инструмента и крепежа...

– И решили предложить своё изобретение нам? – сократил хозяин кабинета несколько запутавшуюся речь посетителя.

Получив утвердительный ответ, Игорь Васильевич сразу не нашёл, как отвадить изобретателя, поэтому подошёл со стороны:

– На чём испытывали устройство?

И тут же, не дожидаясь ответа замешкавшегося Василия Фомича, как ранее представился посетитель, но зорко отметив невольню

брошенный тем мимолётный взгляд на стоявшую обок на столе бутылку, продолжил:

– Так полагаю, что опытное опробование на домашней кухне проводили, к празднику домашнюю тройной очистки готовили?

Здесь Василий Фомич и вовсе оживился, тем более что Игорь Васильевич гостеприимно разлил по второй. Поговорили о том о сём, о наступившей демократизации, о разгуле торговли-спекуляции. Одобрив творческую протекцию конструкции, её эффективность, Игорь Васильевич в мягких выражениях, чтобы особо не огорчить творца мысли, всё же сообщил: такой принцип конструкции с конца девятнадцатого века используется на нефтеперегонных заводах. А в медицинских, фармакологических и других производствах используются давно промышленно освоенные автоклавные и иные дистилляторы. В лабораториях же есть очень компактные и простые в конструкции перегонные установки с трубой Либиха. И объяснил заинтересовавшемуся гостю, что это такое. У Василия Фомича загорелись глаза. Расспрашивал, где такую штуковину можно раздобыть.

Расстались они через полчаса дружески. Убрав в шкафчик опустевшие бутылку и закусочную тарелку, стопки и вилки, приободрённый беседой с истинным стихийным творцом – «и малое в натуре есть великое в мышлении», афористически отметил Игорь Васильевич, – он прошёлся по просторному своему кабинету. Вот именно так, размышлял он, это есть чисто русская особенность: надомничество мысли, пусть слабо организованной, незаадминистрированной... а потому, собственно говоря, и вольной в своём приложении! Это ведь не долларолубивый Эдисон – архиталантливый изобретатель, но только с оговорённой таксой. И такие русские надомники творчества не то что были в девяностые годы (ведь Игорь Васильевич из предбудущего века и тысячелетия припожаловал, отщёлкал на верньере машины времени под тридцать щёлк-щёлк-щёлк!), но именно в это сумасбродное десятилетие, особенно в первые его две трети, когда организованная наука, и ранее пестуемая ею техника, и все остальные отрасли практической человеческой деятель-

ности единомоментно ухнули в пропасть, надомники творческой жизни воспряли духом, вышли из полутени домашних кухонь, самостройных мастерских в дворовых сарайчиках, отвлекаясь от рутинной работы инженерами и младшими научными сотрудниками в конструкторских бюро, исследовательских институтах, лабораториях. Именно воспряли, полагая, что только сейчас, в пересменке довлеющей административной заорганизованности, смогут они благодетельствовать свою страну, может и весь мир, выстрадавшими и десятилетиями выношенными великими идеями – всё на пользу, на добро вечно пресмыкающемуся перед сильными мира сего человечеству.

«Да, друг мой Игорь Васильевич, счастливое это русское изобретение – опохмелка, желательно сам-двое с гармонично с тобой настроенным собеседником, – размышлял Скородумов, всё так же по диагонали меряя шагами свой кабинет, – однако пора и мне надомничать. Ишь, хитрован какой! – решил совместить свободу научного творчества и какую-никакую хлебную должность...» – усмехнулся он из двадцать первого века.

К регулярно набегавшим – по пути на рынок и обратно – изобретателям по медико-биологической части Игорь Васильевич очень скоро выработал подход, сводивший до *minimum* *minimum* потери его и посетителя времени, о котором с начала девяностых, сделав кальку с американского, говорили, что оно деньги. Понятно дело, что любое время, размерное и безразмерное, всё одно ни Скородумову, ни надомникам никаких денег не обещало. Это так, присказка для красного словца. Да Игорь Васильевич особого-то подхода не искал, ибо сам был опытным изобретателем высшей квалификации: до поступления на службу в институт последние два года работы в «Меткости» являлся начальником патентной службы. На солидном оборонном предприятии должность эта значимая, просто так на это место не попадёшь... просто предыдущий начальник Миша Тубиншляк в духе наступившего времени устремился на просторы забурлившего в стране *business'a*,

а Игорь Васильевич, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, сам известный изобретатель, попал в патентное кресло случайно, по принципу того рака на безрыбье... Словом, изобретателей он щёлкал, фигурально конечно, как белка орешки. И те тотчас переставали лапшу на уши ему вешать, с первых минут общения поняв, с кем имеют дело.

Более того, беседы с изобретателями-надомниками скоро стали душевно расслаблять, веселить и даже радовать Игоря Васильевича, ибо стали чем-то навроде школьных перемен: школьники во время них отдыхают от нудных уроков, особенно по математике и литературе, Игорь же Васильевич на эти четверть-половину часа выбрасывал из головы всю безалаберность, неразбериху, полный административный идиотизм, что обычно наваливаются на руководство вновь созданного учреждения в первые год-другой становления.

Ничего нового, полезного для себя Игорь Васильевич, знамо дело, от домодельных эдисонов не узнавал: сам с усам, сам доктор наук и патентный специалист! Однако же физику, химию и биологию в школе, что есть главный источник знаний на всю жизнь, даже если академиком станешь, он хорошо и со вниманием изучал. Но нравилось, прямо-таки душевно захватывало общение как с бесхитростными изобретателями перегонных аппаратов, велотренажёров и озонаторов воздуха по методу профессора А. Л. Чижевского, так и с хитрованами из числа матёрых инженеров на пенсии, которые всё норовили убедить зама по науке, что лучшей кандидатуры на должность главного инженера или главного же конструктора, чем его визави, руководству института не найти. И для подтверждения своей компетенции пододвигали к Игорю Васильевичу по столешнице пяток дипломов на авторские свидетельства. Учитывая историческую милитаристскую направленность городской промышленности, все эти изобретения касались орудийных откатов, спусковых механизмов пулемётов, способов штамповки ракетных закрылков и пр. Опять же хитрецы били на логику: если он проявил себя изобретателем по военно-технической части (при этом горделиво вздёргивал подбородок), то что

нам стоит дом построить! Неужто не совладает с новой конструкцией хирургического скальпеля или аэрозольной пшикалки для астматиков? Логика Игоря Васильевич уважал, сам продумывал теорию нового её раздела – аналогового, но рассуждения просителей о возможном сотрудничестве в рамках штатного расписания института как-то ловко и необидно отклонял.

Редко, но и в гнев впадал, когда проситель должности не ниже главного конструктора вёл себя хамовато, дескать, вы обязаны развивать передовую медицинскую технику, её науку и промышленность. И в качестве доказательства своей профпригодности доставал из сумки пустой кожух от лазерной установки – дескать, я её проектировал. А почему один кожух только принёс? А чтобы у вас здесь не подсмотрели техническое решение и не воспользовались им. Узрев этот кожух, явно на городской свалке металлических отходов (она до начала девяностых ещё сохранялась в Косолучье – до массового воровства цветмета на сдачу в пунктах приёма) подобранный, Игорь Васильевич встыл. Именно этот микромощный лазер он ещё недавно, в «Меткости», патентовал в качестве «товара широкого потребления» (конверсия!) – для медицинских надобностей. Понятно, наглый проситель должности в числе авторов конструкции не значился. Через свою секретаршу вызвал охранника и велел вывести просителя и более в институт не впускать.

Но вот в беседах с кем Игорь Васильевич полностью душой отдыхал, словно участвуя актёром в постановке психологически нарочито запутанных пьес Эжена Ионеско, Августа Стриндберга, Юджина О'Нила, опять же «Жизнь есть сон» Кальдерона (наш герой и литературой не манкировал), так это с теми вышедшими из подполья и новонародившимися адептами ранее неизвестного простодушному советскому человеку, что Игорь Васильевич обобщённо называл экстрасенсами. Это как общепринято называть вороньём вкуче всех городских птиц: собственно ворон и воронов, галок и сорок, грачей и наиболее противных из них – голубей. Так и здесь: этот своеобразный класс надомников дробился на экстрасенсов-парапсихологов, то есть тео-

ретиков; экстрасенсов-практиков, конкурентов знахарок и гадалок из цыганок; «рамочников» – искателей геопатогенных зон и полезных ископаемых; исследователей ауры человека с патологией – тож конкурентов, но уже собратьев по ремеслу из разряда сугубых экстрасенсов. Бесконечно дробясь и конкурируя друг с другом, список этот продлевался ещё на десяток специализированных позиций. Человек чисто русский, несколько безалаберный в душе, Игорь Васильевич тем не менее в научной своей ипостаси не хуже дисциплинированного немца склонялся к строгой классификации. Это как старинный русский купец из старообрядцев (образ друга Николая Андреяновича тотчас всплыл в голове Скородумова), неизменный герой Островского, Лескова... да и почти всех наших сочинителей девятнадцатого века: в разгуле громит зеркала в «Яру» и «Славянском базаре», пляшет с цыганками, веером осыпая радужными «катеньками», но в трезвости, в купеческих своих делах суть «государственный стяжатель» – лишней копейки с грошом, не говоря уже о семишнике и алтыне¹, мимо пальцев не упустит, всё в точности сочтёт и оприходуется в конторкорректной книге.

Не только изощрённая классификация ещё совсем недавно предосудительного рода занятий надомников восхищала Игоря Васильевича. Но главное – их беспредельная увлечённость избранным жизненным кредо. Уже в общении с ними Скородумов выделил некоторые объединяющие их обстоятельства. Как примеченное странное совпадение: увлечённые психогуманитарии, большинство из них имели степени кандидатов технических наук, но главное – много чего по жизни повидали. Потому-то Игорь Васильевич и получал истинное, без намёка на натянутость и интеллигентское лицемерие, удовольствие в беседах с этой категорией надомников.

Если, как говорится, мир тесен, то что говорить о не очень-то великом провинциальном городе! Потому замдиректора по науке новосозданного института не очень и удивился, когда

на другой же день после визита изобретателя медико-самогонного аппарата из набора алюминиевых кастрюль в кабинет воспитанно-вежливой поступью вошёл бывший преподаватель студента местного политеха Скородумова, доцент по курсу надёжности радиоэлектронных устройств и систем, да не просто доцент, а носивший звание «лучшего методиста института», лекции которого посещали стопроцентно все студенты – столь великолепно он их преподносил обычно скучающему на занятиях юношеству. Радостно поприветствовали друг друга. Сожалея, что Галик (имя чудное, но был он чистым русаком) Леонидович, как человек абсолютной позитивности, ни капли в рот от рождения не берёт, предлагать освежиться с морозца не стал. Сразу выяснилось: доцент на пенсии стал главным городским «рамочником», что тотчас и продемонстрировал, вынув из внутреннего кармана пиджака любовно самолично изготовленную складную рамку из алюминия (отогнал Игорь Васильевич неуместное воспоминание о вчерашних кастрюлях из алюминия...), взял её в вытянутую правую руку и за считанные минуты по различным маршрутам обследовал весь кабинет, поясняя прихотливое вращение рамки сложным наложением физических и биологических полей в объёме. Прощаясь после обстоятельной беседы, в которой воспоминания давних политеховских лет умело перемежались Галиком Леонидовичем с уникальными возможностями рамок, отставной доцент презентовал своему бывшему студенту, кстати отличнику и старосте группы, только что изданную на кровные пенсионные книжку «Опытное руководство по локациям геопатогенных зон в городских районах плотной застройки». Как человек глубоко воспитанный, Галик Леонидович даже и не помышлял «на счёт местечка». Пенсий им с супругой хватало, сын служил водителем в милиции, оказавшись малолетним к наукам, так что экс-доцент был счастлив возможности заниматься научными изысканиями, не отвлекаясь на иные дела.

Из прошедшей через кабинет Игоря Васильевича внушительной когорты экстрасенсов, в широком их определении, в числе которых был и отставной офицер, защитивший диссертацию

¹ То есть двух- и трёхкопеечные медные монеты; время единой мировой криптовалюты на носу, потому не грех и напомнить уже сейчас позабытые названия этих монет (прим. авт.).

по танкам, и также кандидат технических наук, отсидевший в лагере четыре года за незаконное занятие целительством, а сейчас издавший книгу воспоминаний «Экстрасенс за колючей проволокой», и дипломированный врач, искавший в институте «крышу» для открытия первой в городе частной лечебницы по фрейдовской психоаналитике... Наконец, пару раз заходил несколько обтекаемый молодой человек – судя по манерам и вопросам, явно стажёр-лейтенант из Кленового переулка; так в городе называлась в обиходе «самая компетентная служба». Так просто приходил, для отчётности. Наиболее яркой личностью оказался бывший начальник шахты, неизменный кандидат технических наук. А бывший – по причине упразднения в начале девяностых всей угольной отрасли в Мосбассе, то есть подмосковном угольном бассейне, что на территории нашей славной области. Плотный, коренастый, с чисто русским лицом, каковых уже мало на свете и осталось, но вот светло-голубые его глаза светились такой чертовщинкой, что не по себе собеседнику его становилось. Подружившись с Игорем Васильевичем, тот часто наезжал. Про экстрасенсорику и парапсихологию, как люди оба разумные, они почти сразу и позабыли. Бывший шахтёр всё более красочную и диковинную свою биографию рассказывал. Как в детстве его, круглого деревенского сироту, взял на личное воспитание барон Фёдор, чей цыганский табор кочевал по их району. Подрощи, научившись читать и писать самостоятельно, «купил» аттестат за среднюю школу, отработав два сельхозсезона на личном огороде её директора. Примерно так же получил и диплом выпускника горного факультета местного политеха. То есть вещи в советские шестидесятые-семидесятые годы немыслимые. Но природный стихийный и хваткий ум, воспитанное в таборе барона Фёдора доскональное знание психики человека – всё это позволило ему полтора десятка лет держать шахту передовой в своём угольном тресте... На момент знакомства с Игорем Васильевичем он разрабатывал и на себе опробовал новую практику медитации и лечения пациентов со средней степенью невроза – посредством демонстрации танцев народов

мира, с каковой целью он полгода занимался ими в своём районном Доме культуры.

Чтобы учёный собеседник не сомневался, хлопнув с ним пару стопок «для разогрева», экс-директор с полчаса плясал в кабинете Игоря Васильевича, особо налегая на лезгинку и краковяк...

«...Экономически активные россияне, несмотря на третью волну пандемии в Европе и Азии, отправились путешествовать за границу». Что за чёрт? «А-а-а, – сообразил Игорь Васильевич, – экономически активные – это принятое в “эс-эм-и” политкорректное название прослойки граждан, умеющих зашибить деньгу на спекуляциях, перекупке, взятках по мелочи (с крупными сейчас опасно стало), компьютерном хакерстве, пресловутом предпринимательстве и пр. А к чему эти “экономические активные” привязались? Значит, я, слушая занимательные рассказы воспитанника барона Фёдора, а затем любуясь лечебной лезгинкой в его исполнении, ненароком задел ручку верньера личной машины времени и попал невесть куда – аж в начало пятой пятилетки воспоследующего века! Это надо же», – ошарашенно размышлял Игорь Васильевич из «лихих девяностых», но, приняв стопку-другую, переродился-перетёк в Игоря Васильевича в этой самой пятилетке, где нет уже места надомникам стихийной творческой мысли; табор барона Фёдора давно осел на окраине областного города и переквалифицировался, перезагрузился – на нынешней американо-нижегородской мове – на розничную торговлю наркотой. «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной тревоги», – сфальшивил дважды – по тексту и по мелодии – Игорь Васильевич, расхаживая по своему профессорскому кабинету-закутку. «Нет, надо позвонить Николаю Андреевичу; питьё в одиночку всё одно что цифровое траханье с предохранением от электронных сперматозоидов, говоря на той же мове... или фене?»

Алексей ЯШИН

РОЖДЕНИЕ ФЛОТА

Сергей БЕЛОВ

ГЛАВА II

В НИКИТСКОМ МОНАСТЫРЕ

*И понеже сие дело необходимо
нужное есть государству.
Из Указа Петра Великого
о введении Морского устава*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Взяв с вдохновеньем авторучку,
В стихах я показать хотел,
Что вычитал в статьях научных –
Картину славных давних дел:
Руси петровской пробужденье,
Рожденье первых кораблей –
Петра Великого творенье –
В поэме опишу своей.

ГЛАВА I

ПЛЕЩЕЕВО ОЗЕРО

Веськово, близ горы Гремячей.
Стояла страдная пора.
Пётр I в юности горячей
Вдали от царского двора.
Крестьянка, баба молодая,
В то время жала рожь серпом.
Царя Петра не узнавая,
В сердцах грозила кулаком.
За то, что спелыми полями
К воде озёрной поскакал,
Царь был обложен матюками,
Каких с рожденья не слышал.
Открыто радуясь свободе,
Вдыхая сердцем благодать,
Велел он срочно воеводе
Рыбачьи лодки показать.
Песчаный берег, ветер свежий...
Манила водная краса.
Царь с удовольствием, прилежно
Учился ставить паруса.

Игумен, радуясь, любезно
Встречая юного царя,
Накрыл дощатый стол в трапезной
Старинного монастыря.
Здесь вобла, жареная рыба,
В большом потире свежий мёд.
«Святой обители спасибо», –
Погладил Меншиков живот.
Давно уже пропало солнце
В оконце, стянутом слюдой.
Слегка поскрипывали сосны
За монастырскою стеной.
Волной вливался запах пряный.
Такой бывает в сенокос.
Тут книгу толстую в сафьяне
Священник из угла принёс.
«И путь был из варяг здесь в греки...» –
Читал Петру святой старик.
Представил царь моря и реки,
Олега Вещего в тот миг.
Сквозь канувшие в Лету годы
Прошла сердец живая связь.
Пётр видел Игоря походы.
Да, многого добился князь...
Не ошибался старец в людях.
Впервые говоря с царём,
Толк, Дионисий понял, будет,
Коль вспыхнул государь огнём.

ГЛАВА III

ДУМЫ ЦАРЯ

«Имея длинные границы
Своих обширнейших земель,
Русь, испеклась ты без водицы,
Как выловленная форель.
Так, зная русскую натуру,
Сдирают гости ближних стран

С купчишек наших по три шкуры,
Идя на подлость и обман.
Юг держат турки, север – шведы,
Там земли русские давно!» –
Пётр понял: надо для победы
В Европу прорубать окно.
Заслуживают лучшей доли
Сегодня правнуки славян.
Была нужна державе воля –
Пути, открытые к морям.
Чтоб радовать своим товаром
И пошлину взимать с гостей,
Царь, времени не тратя даром,
Постройку начал кораблей.

ГЛАВА IV

ПОДЕЛЬ

Недолго выбирали место:
На всё хватало здесь земли.
Сперва изладили навесы,
Чтоб строить яхты, корабли.
Ближайший лес пустили в дело.
А для постройки прочных днищ
Дубовый ствол, саженой в десять,
Был привезён из-под Мытищ.
Недели, месяцы летели.
Никто без дела не скучал.
Сам царь с азартом на подели
Рубил, пилил, тесал, строгал.
Работал в жаркой кузне ловко –
Умело якоря ковал.
Везде показывал сноровку,
Во все дела легко вникал.
И нравилось ему всё это.
Он, приглашая мастеров,
Учился, спрашивал совета,
Звал думу думать мужиков.
Ведь Пётр надеялся и верил,
Что будет сильным русский флот.
Корветы, яхты и галеры
Сошли на гладь озёрных вод.
Царь Пётр в период эпохальный
Своей рукой направил Русь.
И нёс народ многострадальный
Нововведений царских груз.

ГЛАВА V

КРЕЩЕНИЕ ФЛОТИЛИИ

Командуют Лефорт и Гордон.
Под троекратное «Ура!»
Затрепетал на марсе гордо
Трёхцветный флаг царя Петра.
В снастях упругих ветра пенье.
Мачт светлых стройные ряды.
Проплыли лодки по теченью
К двум церквам Рыбной слободы.
Потом обедню отслужили
И, завершая крестный ход,
К флотилии Петра подплыли
Под мерный плеск озёрных вод.
Свой крест серебряный священник
Три раза в воду погружал.
В прозрачной тишине весенней
Вдруг грохнул орудийный залп:
Палили пушки и пищали
На берегу и кораблях.
Рожденье флота отмечали
Так, чтобы помнили в веках.
Испуганно кричали чайки,
Над гладью голубой паря...
«Матросам выдать по две чарки!» –
Приказ был юного царя.

ЭПИЛОГ

Пять лет здесь строили фрегаты.
Бои потешные прошли.
Царь понял: места маловато,
Чтоб плавать корабли могли.
В бою известном под Азовом
Удача первая пришла.
Флот был готов к сраженьям новым:
Победам славным несть числа!
На море прадеды и деды
Россию защищали, дом.
Но о других морских победах
Я расскажу в стихах потом.

ПОБЕДА НАД СОПРОТИВЛЕНИЕМ

Н. В. НИКИТИН (1907–1973)

Татьяна СОЛОДОВА (МАТИКАНСКАЯ)

Рассказ о гениальном инженере, архитекторе и конструкторе Николае Васильевиче Никитине можно было бы назвать по-разному: «Великий инженер и мыслитель», «Конструктор, опередивший своё время», «Отец» первого в стране высотного великана», «Высота Николая Никитина»... Каждое из этих названий прекрасно раскрывало бы суть его деятельности. Почему же «Победа над сопротивлением»? На наш взгляд, всё, чего достиг в жизни Николай Васильевич, далось ему ценой преодоления огромного сопротивления сложным житейским обстоятельствам, консерватизму технического мышления, бюрократическим препонам, боязни нового. Все свои открытия в области строительства он сделал, не страшась сопромата – сопротивления материала – в виде природных и физических явлений: ветра, грунта, высоты, температуры, качеств бетона, металла, дерева... и даже болезней.

Три сибирских города считают себя причастными к судьбе Н. В. Никитина. Tobolsk, где

он родился и жил до четырёхлетнего возраста, Ишим, куда затем переехала семья Никитиных, и Новосибирск (бывший Новониколаевск), где Николай Васильевич окончил школу. Среди них Tobolsk имеет право «первородства». Каждый город по-своему увековечил память замечательного земляка. В Tobolske по инициативе общественного фонда «Возрождение Tobolska» в честь Николая Васильевича Никитина создана памятная медаль из серии «Славен город Tobolsk» (художник Г. И. Правоторов). В Новосибирске имеется площадь, которой присвоено имя Н. В. Никитина; она находится перед спорткомплексом «Динамо», в строительстве которого принимал участие в 30-е годы прошлого века молодой Никитин. В Ишиме в 2013 году открыт памятник этому выдающемуся учёному и зодчему.

Николай Васильевич родился в Tobolske в 1907 году. Отец его, Василий Васильевич, коренной тоболяк, в молодости служил в губернском суде писцом. В 1902 году он уехал в Читу, искать счастья в Восточной Сибири.

Там устроился метранпажем в типографию. Типографские рабочие, в силу своей профессии, отличались начитанностью, и часто именно из их среды формировались будущие революционеры. Василий Васильевич был не чужд революционных веяний. В 1905 году его вместе с молодой женой, Ольгой Николаевной, уроженкой Читы, как «неблагонадёжных» отправили в Тобольск под гласный надзор полиции. Здесь у них и родился сын Коля, а через два года – дочь Валентина.

В Тобольске семья не прижилась и в 1911 году решила переехать в Ишим, где Василию Васильевичу было обещано «хорошее место» присяжного поверенного. Коле тогда исполнилось всего четыре года. Позже он часто приезжал на летние каникулы к бабушке Ане в Тобольск. И, наверное, этот город остался жить в его воспоминаниях, когда он повзрослел.

Умная и энергичная Ольга Николаевна открыла в Ишиме фотографию; горожане охотно шли по воскресеньям и в именинные дни запечатлеть себя, детей и внуков. В 1917 году, окончив три класса церковно-приходского училища, Коля поступает в гимназию.

В гимназии мальчику удалось проучиться только год. С таким трудом налаженная материальная стабильность семьи разрушилась с приходом революционных событий в Сибирь. И хотя Василий Васильевич в молодости тяготел к революционным взглядам, под влиянием разговоров о зверствах приближающейся к Ишиму Красной армии он решил, что семья должна отправиться на восток вместе с отступавшими колчаковскими войсками.

В 1919 году Никитины в спешном порядке, оставив почти всё своё имущество, уезжают в Новониколаевск. Голод, разруха, эпидемии – неотъемлемые спутники общественно-политических потрясений в государстве – охватили всю Сибирь. Василий Васильевич и Валя заболевают тифом. Коля становится главным добытчиком в семье. Подросток не растерялся. Он придумал сложить в заброшенном сарае печь и варить там паточку из мёрзлой картошки, её потом продавала на базаре за определённую мзду хозяйка дома, в котором жили Никитины.

Мальчик рос крепким, рослым; он не боялся тяжёлого труда. Коля придумал не только особую печь для варки патоки, но и станок для растирания картофеля. Это были первые его изобретения.

Гражданская война закончилась. Постепенно жизнь стала налаживаться. Выздоровевший отец устроился на работу, дети пошли в советскую школу. Коля много занимался спортом, особенно баскетболом. Рост – 186 сантиметров – помогал ему в этом. Он легко мог переплыть Обь, хорошо учился, особенно по математике, которую преподавал талантливый учитель Ливанов. Ливанов был не просто математиком, а математиком-поэтом. Он умел вдохновенно говорить о могуществе этой науки как царицы среди других наук в настоящем, но ещё более возвышенно – о том, какую роль сыграет математика в отдалённом будущем. На её языке можно будет говорить со звёздами. Он сравнивал математику с музыкой и утверждал, что с помощью этой науки «человек получит возможность расширить степень своей свободы, избавиться от унижающих человеческое достоинство тягот».

В августе 1924 года, когда Николаю было семнадцать лет, он вместе с хозяйкой дома, в котором жили Никитины, отправился в дальнюю тайгу за смородиной. Плыли по Оби на пароходе до деревни, где жили родственники хозяйки; оттуда пошли за ягодой. Год стоял урожайный. Быстро набрали полные корзины и возвращались обратно. В лесу наткнулись на большое упавшее дерево. Женщина обошла его стороной, а Коля запрыгнул на ствол, прошёлся по нему и соскочил на землю. Внезапная боль в ноге страшной пеленой закрыла весь мир. Он упал. Это потревоженная его прыжком змея ужалила паренька в ногу. Когда Коля пришёл в себя и осознал, что с ним произошло, то попытался высосать яд, но не смог дотянуться ртом до ранки. Испуганная женщина ничем не смогла ему помочь. Кое-как добрались до деревни, в которой, конечно, не было никакого медицинского пункта. Пароход пришёл только на третьи сутки. В Новосибирске Николая срочно госпитализировали. Врачи, увидев опасность

распространения начавшейся гангрены, хотели ампутировать ногу. Но молодой и здоровый организм справился с болезнью, хотя почти полгода юноша провёл в больнице. Нога была сохранена, но ощущалась ограниченность в движении, и Коле пришлось оставить занятия спортом.

Несколько месяцев на больничной кровати – нешуточное испытание на стойкость для молодого человека, не мыслящего своей жизни без активного и постоянного движения. В это время Николай не позволял себе бездельничать и предаваться жалости к себе. Он брал в руки учебники и часами штудировал их. Впоследствии оказалось, что он даже обогнал в изученном материале своих одноклассников. Переключив свои способности на учёбу, Коля сумел прекрасно окончить школу.

Молодой человек, увлечённый математикой и мечтающий при помощи неё приближать прекрасное будущее, едет в Томск, чтобы поступить на механико-математический факультет технологического института.

Когда он пришёл с документами в институт, то оказалось, что приём на механико-математический факультет уже закончен.

– Куда же вас определить? – спросили Николая в приёмной комиссии.

– В таком случае зачисляйте куда хотите, – ответил огорчённый абитуриент.

Его приняли на самое популярное в институте архитектурное отделение инженерно-строительного факультета. Коля хотел заниматься математикой, а на архитектурном отделении приходилось много рисовать и чертить. Нельзя сказать, чтобы ему это не нравилось: он и в детстве любил рисовать, да и получаться вскоре у него стало неплохо. Его рисунки как одни из лучших участвовали в выставках и висели на стенах кабинета архитектуры. Но молодому человеку казалось всё это каким-то несерьёзным делом. Окончив второй курс, он снова попытался поступить на мехмат, но декан факультета отказал ему, узнав, что Николай учится на архитектурном отделении: «Математика – наука серьёзная, а вы рисовать привыкли. Нет, не по силам вам будет матанализ!»

Скрепя сердце Николай продолжал ходить на занятия. И вдруг он случайно попал на лекцию, которую читал новичкам профессор Н. И. Молотиллов. Его курс назывался «Технология железобетона». То время – конец 20-х годов XX века – было временем начала большой стройки в стране. Молотиллов ярко и выразительно рассказывал студентам, что это за прекрасный материал – железобетон, но, к сожалению, им пока ещё не умеют пользоваться, и потому построенные из железобетона корабли и самолёты оказываются неудачными. Надо научиться строить из бетона дома, фабрики, заводы, это материал будущего. Профессор призывал будущих строителей приближать это время.

Убеждённость преподавателя произвела на Николая огромное впечатление. Неуклюжее слово «железобетон» зазвучало музыкой в его ушах. Он был покорён этим «пластичным и красивым», как называл его профессор, материалом. Первая курсовая работа, которая была написана Николаем после этой лекции, называлась «Раскрытие конструктивных возможностей железобетона».

Профессор Молотиллов являлся не только прекрасным педагогом, но и талантливым учёным. Фанатично преданный идее железобетонного строительства, он много знал об этом, в ту пору ещё только внедрявшемся в производство материале.

Под влиянием профессора Молотилова и всё углубляющихся знаний в области будущей профессии Николай стал работать в студенческом конструкторском бюро. Эта работа расширяла его профессиональные знания и давала возможность быть спокойным за своё материальное положение. На каникулах, приехав домой в Новосибирск, Николай подрабатывал на стройках. Он не только обеспечивал себя сам, но и мог помогать родителям, чем по праву гордился.

В 1930 году Никитин окончил технологический институт и получил направление в Новосибирск. Он стал работать в архитектурном бюро новосибирского крайкомхоза – организации, которая занималась разработкой проектов промышленного и гражданского строительства.

Первой работой молодого специалиста явился техникум-общежитие (до нашего времени не сохранился). Наконец воплотилась студенческая мечта Николая – широко использовать при строительстве здания железобетон. По его замыслу, техникум-общежитие создавался на монолитном фундаменте. Его четырёхэтажные стены имели сборный железобетонный каркас. А поскольку производство железобетона в строительных целях в то время налажено не было, Никитин практически стал первым, кто широко задействовал этот материал. Он переоборудовал старый заброшенный кирпичный завод, и под его руководством там стали изготавливать железобетонные детали в том порядке, в каком они требовались для строительства здания, а потом сразу отправлялись на стройку.

Техникум-общежитие стал первым в стране зданием из сборного железобетона. Однако первенство Никитина в советском сборном строительстве будет официально признано только через 25 лет.

Через год Никитин переходит на конструкторскую работу. Он как ведущий специалист участвует в проектировании нескольких зданий, созданных в стиле популярного тогда конструктивизма. Интересен жилой комплекс из трёх зданий – «Дом Динамо». Его многофункциональность характерна для эпохи 30-х годов XX века. «Дом Динамо» включает в себя гостиницу на 250 мест, механизированную столовую, магазин, контору общества «Динамо», 56 квартир без кухонь (а зачем они, если удобнее питаться в общей столовой? – отзвук идеи коммуны начала 20-х годов) и детский сектор – детсад, где дети жильцов будут находиться в дневное время, пока их родители на работе. Детсад, по мысли идеологов социализма, решает две задачи: первая – осуществляет общественное воспитание детей в духе марксизма-ленинизма, вторая – освобождает их родителей для строительства коммунистического общества.

Никитин, молодой, двадцатичетырёхлетний выпускник института, в самом начале 30-х годов прозорливо предугадал эру массового жилищного строительства в нашей стране, ко-

торая начнётся только после XX съезда КПСС, в 1956 году, и понял, что для её осуществления необходим новый строительный материал, отвечающий требованиям времени и запросам общества, – это железобетон.

Проект спортивного клуба «Динамо» был интересен предложенной Никитиным дощато-арочной конструкцией для игрового зала. Несмотря на огромные размеры, арки были так легки, что их устанавливали вручную всего несколько рабочих. Вскоре описание этого творения как образцового вошло во все вузовские учебники будущих инженеров-строителей. К сожалению, здание сгорело во время случайного пожара.

В 30-е годы в Новосибирске возникла необходимость построить новый железнодорожный вокзал. Старый, сооружённый ещё в XIX веке, стал тесен и неудобен. Проект нового вокзала был прислан из Москвы, и в задачу Никитина входило наблюдение за тем, чтобы этот проект выполнялся при строительстве досконально точно. Проект отвечал стандартам строительства вокзалов ещё в дореволюционной России: громоздкое приземистое здание, чрезмерно украшенное лепниной, оно отличалось купеческой пышностью и должно было обойтись в крупную денежную сумму.

Никитин предложил свой вариант проекта, характерными особенностями которого были арки с большими пролётами, выполненные из монолитного железобетона, отказ от лепнины и излишней громоздкости. Благодаря этому здание приобретало большую высоту, изящество, наполненность воздухом и светом; и стоять оно стало гораздо дешевле. Местное руководство одобрило этот проект, и Никитин возглавил сооружение вокзала.

Когда строительство уже было успешно завершено, из Москвы прибыла авторитетная комиссия. Она очень возмутилась тем, что Никитин посмел изменить проект. Не помогли и его аргументы о красоте, современности и экономичности нового здания.

Так Никитин впервые серьёзно столкнулся с сопротивлением материала. Не того физического, о котором им, будущим строителям,

читали в институте лекции по предмету «Сопромат», а с сопротивлением, которое имело гораздо бо́льшую инертную силу, – это неприятие и непонимание нового, бюрократизм, авторитарность.

Однако дело было сделано. Новый, изящный, современный вокзал стал украшением Новосибирска, и до сих пор люди, приезжающие в этот город на поезде, имеют возможность по достоинству оценить красоту и функциональность здания, построенного в далёкие 30-е годы прошлого века группой строителей: архитекторов, инженеров, прорабов, мастеров и рабочих, возглавляемых двадцатипятилетним Никитиным. Он стал известен как талантливый и смелый специалист. К нему обращались с просьбами придать тому или иному проекту современные формы, включить в строительный объект современные конструкции.

В то время в Кузбассе шло грандиозное промышленное и гражданское строительство, к которому был привлечён и Никитин. Именно тогда окончательно прояснилось, что современность не может обойтись без железобетона, и даже появился лозунг: «Бетон – хлеб индустрии». Никитин работает в нескольких местах, консультирует, экспертирует, проектирует, читает лекции для техников-строителей. Но основное место его работы – проектная организация по застройке промышленных зон Кузбасса.

В 1937 году Никитин поступил на работу в проектную мастерскую строительства Дворца Советов (г. Москва). Созидание Дворца Советов являлось грандиозным по своим масштабам замыслом. Здание должно было подняться до высоты в 315 метров в виде ступенчатой башни с широким основанием, которое суживалось с каждым уступом-ступенью. А вверху планировалось поставить стометровую статую В. И. Ленина. Зал заседаний рассчитывался на более чем 20 тысяч человек. Никитину поручили расчёт здания на динамичное действие ветровой нагрузки. Был выкопан гигантский котлован, некоторые считают, что именно он описан в повести А. Платонова «Котлован». Заложено металлический каркас. Однако началась Великая Отечественная война, и металл

вытащили из котлована, чтобы переплавить в броню танков.

На фронт Николая Васильевича из-за травмированной ноги не взяли. Первый год войны он был в эвакуации в Новосибирске. В 1942 году возвратился в Москву. Работал в Московском институте «Промстройпроект»: разрабатывал опытную серию типовых железобетонных деталей для промышленных зданий и сооружений, чтобы из них построить цехи эвакуированных заводов. Над дверью технического отдела, который он возглавлял, висел лозунг: «Работать как на фронте».

В послевоенные годы (1949–1953) Никитин проектирует главное здание МГУ на Ленинских (Воробьёвых) горах и принимает участие в его строительстве. Оно – высотой 240 метров – в то время являлось самым высоким зданием в Европе. Для повышения надёжности котлован для здания был вырыт такой глубины, что вес вынутого грунта равнялся весу здания. Эта мысль, подсказанная Никитину трактатом одного из выдающихся древнеримских архитекторов, и бетонные короба, положенные в основу фундамента, позволили построить здание, прочно вставшее на слабый, ползучий грунт Ленинских гор. Дом студента – так первоначально называлось строение – очень хорошо вписывался в пейзаж.

Возведение этого здания тоже было связано с башенным строительством. Высокая ступенчатая башня в центре сооружения главенствует в его архитектонике и придаёт устремлённость вверх. Две башни по бокам вытянутого в длину на 220 метров здания, меньшие по высоте, с одной стороны, почти повторяют формой главную, с другой – имеют свой рисунок одного стилового решения со всем объектом.

В 1951 году Никитин был выдвинут на соискание Сталинской премии в связи с его участием в проектировании здания МГУ, но сначала «отклонён», как пишет он в автобиографии. Однако в этом же году он получает её в составе группы конструкторов «за разработку большепролётного шедового покрытия и способа его возведения» (из его автобиографии). Шедовое покрытие – это один из видов

В 1959 году было начато возведение памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане в Волгограде. Работу над проектом возглавлял известный скульптор Е. В. Вучетич. Центральный образ монумента – женская фигура с мечом в руке, символизирующая Родину-мать. Высота фигуры – 52 метра. Монумент был закончен в 1966 году. Н. В. Никитин имел прямое отношение к этому грандиозному памятнику. В 1967 году,

покрытия здания, который состоит из сборных железобетонных элементов.

В 50-е годы Никитин принимает активное участие в проектировании Центрального стадиона в Лужниках, Дворца культуры и науки в Варшаве, там же – здания посольства СССР, 12-этажного жилого дома в Москве, на Большой Ордынке. В то время такие дома являлись редкостью. До массового возведения жилых домов 60-х годов ещё около десяти лет, но Никитин был глубоко убеждён, что жилищное строительство в больших городах должно идти по пути увеличения высоты объектов и создания готовых железобетонных конструкций, из которых можно быстро и качественно «собирать» дом.

Многие коллеги Николая Васильевича высоко ценили его талант, исключительную работоспособность и разносторонность. Советский учёный в области железобетонных конструкций и теории сооружений профессор П. Л. Пастернак называл Никитина «инженером Божьей милостью». Николай Васильевич был одинаково эрудирован в области стальных, железобетонных и деревянных конструкций, в строительстве промышленных и гражданских сооружений, наземных, подземных и высотных. Большинству его конструкторских работ присущи основательность и надёжность, лёгкость и эстетичность, самобытность и оригинальность.

Его участие в создании памятника «Родина-мать» – подтверждение этому.

когда ансамбль был торжественно открыт, Е. В. Вучетич собственноручно укрепил на боку постамента памятника «Родина-мать» бронзовую доску со словами: «Конструкция разработана под руководством доктора технических наук Н. В. Никитина».

Статуя «Родина-мать» на момент создания была самым высоким в мире памятником и даже попала в Книгу рекордов Гиннесса. Как же удалось Никитину сконструировать такой высокий монумент, прочно и надёжно стоящий уже несколько десятков лет? Он писал: «В результате длительных поисков... в статую, совершенно не считаясь с её формой, вписывается регулярная конструкция из пересекающихся под прямым углом вертикальных стенок...» Эти стенки образуют отдельные ячейки. Жёсткость каркаса поддерживается изнутри 99 металлическими тросами, постоянно находящимися в напряжении.

Руки и голову статуи, а также шарф сначала сделали на земле, а потом подняли краном и укрепили в нужном положении. Памятник установлен на бетонном фундаменте высотой 16 метров, 14 из которых находятся под землёй. Меч длиной в 33 метра и весом в 14 тонн сначала был сделан из нержавеющей стали и обшит листами титана. Но в результате воздействия ветра меч сильно раскачивался и деформировался, поэтому в 1972 году лезвие заменили другим, состоящим из фторированной стали, а в верхней части меча сделали отверстия, чтобы

уменьшить его вес. В 1986 году железобетонная конструкция скульптуры была укреплена.

Монумент в Волгограде был торжественно открыт 15 октября 1967 года, а через три недели начались телевизионные передачи с Останкинской башни. Полное её название при пуске было «Общесоюзная радиотелевизионная передающая станция им. 50-летия СССР». В зоне действия её передач в то время – около 10 млн человек, в настоящее время – свыше 15 млн человек.

Гениальным созданием Н. В. Никитина явилась Останкинская телевизионная башня. Она почти в два раза превысила самую высокую до неё Эйфелеву башню. Её высота в момент окончания строительства составила 533,3 метра. Вес её фундамента – 5 000 тонн, а допустимое отклонение вершины под действием ветра – 11,65 метра.

Целых десять лет прошло от первого эскиза этого сооружения до первого телесигнала, направленного из неё в эфир. Все эти годы Никитину и другим создателям башни приходилось преодолевать сопротивление разного рода, начиная от ветра, высоты и заканчивая недоверием экспертов к их решениям и финансовыми трудностями. Экспертов, прежде всего, пугало отсутствие глубокого фундамента, что являлось привычным для высотного сооружения (вспомним фундамент здания МГУ). Никитин разработал проект, по которому фундамент имел глубину всего 3,5 метра.

Вокруг гениального проекта началась самая настоящая война, которая длилась почти десять лет... Обычно тихий и неконфликтный Никитин на этот раз встал стеной: или так, или никак.

«Он обладал поразительным качеством, – вспоминал его ученик, ныне академик, один из создателей комплекса «Сити» в Москве В. И. Травуш, – умел проникать в суть предмета. Он посмотрел своим “третьим глазом” на эту конструкцию и понял, что не надо её закапывать на сорок метров, достаточно всего трёх с половиной. Но у других-то такого глаза не было. И они не верили. Испугались. Сочли за авантюризм. Пытались отменить не только идею, но и строительство, которое уже шло

полным ходом. Гению всегда нелегко среди обычных людей, пусть даже и талантливых. А Николай Васильевич был ГЕНИАЛЬНЫМ конструктором».

Годы споров, перерасчётов, разносов, надежд и разочарований. Лишь осенью 1960 года в фундамент башни был заложен первый кубометр бетона. В 1961 году было приказано стройку заморозить, а Никитина отдать под суд за напрасно истраченные государственные средства. Суда удалось избежать, но здоровье архитектора очень пострадало: Николай Васильевич стал страдать нервным заболеванием, которое проявлялось в виде экзем и язв на теле. К этому прибавились проблемы с больной ногой, которые привели к её частичной ампутации. Протез, костыли...

В автобиографии Николай Васильевич пишет: «С мая 1962 г. до апреля 1966 г. – трофическая язва на стопе. Три пересадки кожи. В общей сложности год в больнице.

12 апреля 1966 г. ампутация – голень. На протезе с сентября 1967 г.

Февраль, март 1967 г. Мелкоочаговый некроз миокарда.

С 1968 г. экзема (лицо, руки)».

В письме к родным 1 января 1963 года Николай Васильевич сообщает: «С башней новые сложности. Стоимость её по новой смете стала в 2,5 раза больше... Предвещаю неприятности...»

Но он не сдался, собрал вокруг башни группу соратников-единомышленников, добился приёма у Косыгина и победил.

Наконец в 1963 году совещание Московского городского комитета КПСС приняло резолюцию: «Прекратить всякие дискуссии о башне. Развернуть строительство полным ходом».

Сколько сопротивления ему надо было выдержать, чтобы в конце концов с радостью сказать журналистам, появившимся на строительстве башни, когда все трудности остались позади: «Я не хвастун, не честолюбец, но, ей-богу, хорошо при жизни увидеть эту постройку... Я и сам себе немного завидую!..»

Соавтор Никитина по проекту Останкинской башни архитектор В. В. Милашевский вспоминал: «После сдачи башни в эксплуата-

цию он так измотался, что не пришёл на работу в день своего юбилея – 60-летия. Его ждали, искали, но он не появился. Не любил купаться в лучах славы...»

Из автобиографии Н. В. Никитина: «4 ноября 1967 г. началась трансляция телевидения.

15 октября 1968 г. открылось платное посещение ресторана.

18 февраля 1970 г. «Проект Останкинской телевизионной башни» допущен к конкурсу на соискание Ленинской премии 1970 г...»

Комиссия, которая выдвигала коллектив соискателей, подчёркивала, что башня «является уникальным, выходящим за рамки мировых достижений сооружением, единственным в Советском Союзе».

Ленинская премия явилась заслуженной наградой строителям телебашни, и прежде всего Николаю Васильевичу Никитину. Заслуженный строитель России А. В. Юрин писал: «По официальным документам известно, что в разработке проекта Останкинской телевизионной башни принимали участие 28 проектных, научно-исследовательских организаций и конструкторских бюро, а в строительстве более 10 тысяч инженерно-технического персонала, рабочих, монтажников и специалистов других профессий, без Никитина этого гениального сооружения не было бы. Только его дар предвидения, уникальный опыт и многогранные знания позволили создателям не утонуть в океане сомнений, споров и доказательств. Без всякого сомнения, мы считали Николая Васильевича отцом первого в стране высотного великана и звали будущую рекордсменку Николаевной».

Уже после смерти Никитина президент Союза архитекторов России Ю. П. Гнедовский говорил: «Николай Васильевич Никитин – слава нашего Отечества. <...> его башня не должна быть безымянной. Она должна носить имя Никитина!» К сожалению, башню так и не назвали именем её главного создателя...

Десятки радиотелевизионных башен в разных городах СССР запроектированы и построены по примеру этой первой, которая является гениальной конструкцией Н. В. Никитина.

Останкинская башня – удивительное, уникальное сооружение. Она выполняла не только свои прямые функции – обеспечение теле- и радиовещания, – но и использовалась в качестве метеорологической станции и центрального радиотелефонного узла, осуществляющего связь с подвижными объектами. Кроме того, она являлась объектом культуры. Приезжающие со всех концов СССР в Москву люди считали престижным и очень любопытным посетить известнейший ресторан «Седьмое небо», расположенный на трёх этажах башни, и полюбоваться на столицу со смотровых останкинских площадок. Внутренние помещения башни, предназначенные для посетителей, были красиво оформлены: вестибюль отделан чёрным лабрадором и красным гранитом, видовая площадка и ресторан – редкими сортами мрамора. Изящные лестницы, пол, устланный шерстяными коврами... Так было до 2000 года.

27 августа 2000 года случилось несчастье: в башне произошёл сильный пожар. Очаг возгорания находился на высоте 460 метров. Полностью выгорели три этажа, погибли трое людей. Во время пожара от высокой температуры лопнули 120 из 149 тросов, обеспечивающих крепость башни, но она устояла.

В настоящее время смотровые площадки Останкинской телебашни вновь открыты для посещения после плановой реконструкции и замены инженерных сетей. Кроме прямого предназначения, телебашня используется как современный культурно-развлекательный и туристический комплекс.

В конце 60-х годов Никитин работает над новыми проектами.

Один из корреспондентов, которые осаждали Никитина после получения Ленинской премии, спросил, в чём секрет его таланта. Николай Васильевич на это ответил так: «Если срабатывали какие-то мои личные качества, то... осознание важности своей работы для страны, для народа, а затем – труд и труд, любовь к результатам труда, к тому совершенству, о котором мечтаешь».

Никитин обогнал своё время: его работы открыли большие перспективы перед инженерной мыслью.

Эрудиция, высокая инженерная культура, большой опыт, строгий научный подход, художественная интуиция и создали тот сплав, который стал основой профессиональных решений Никитина. У него было много учеников, которые стали ведущими инженерами и проектировщиками.

Николай Васильевич имел правительственные награды. Однако большую часть орденов, медалей и званий он получил только после смерти Сталина. Т. Тарновская пишет в статье, посвящённой Никитину: «Несмотря на знаменитые проекты и признание во всём мире, сам он долгое время не был отмечен ни наградами, ни званиями (отец Николая Васильевича, сельский счетовод, видимо, представлял большую угрозу для советской власти, за что и был репрессирован)».

Очень поздно Никитину дали возможность получить научную степень. В автобиографии он рассказывает: «9 октября 1963 г. ВАК разрешил защиту степени кандидата, доктора по совокупности работ». Это лишь через 33 года после окончания института. Несмотря на то, что к этому времени Николай Васильевич не только проявил себя в практике и теории непосредственного строительства, но и написал ряд научных книг по актуальным вопросам современного строительства и несколько десятков статей в газетах и журналах; имел более десяти авторских свидетельств. А защитился он ещё через два года, в мае 1965-го, правда, сразу на степень доктора технических наук. И опять почти год ждал утверждения, которое получил в марте 1966 года.

Большинство биографов либо совсем не упоминают, либо пишут вскользь о том, что отец Никитина был репрессирован. Сам он сообщает об отце в автобиографии, составленной в 1970 году: «В начале 1942 г. был арестован органами НКВД. Умер в 1943 г.». Как умер? Семье сообщили, что Василий Васильевич скончался в лагере от кровоизлияния в мозг. На самом деле он был расстрелян. Из документов архивного управления ФСБ по Новосибирской области можно узнать, что В. В. Никитин был без всяких оснований обвинён в проведении «антисоветской агитации».

Николаю Васильевичу в то время было уже 36 лет. Жил он давно в Москве, и, наверное, это спасло его от обвинения в сговоре с «преступным» отцом. Но какая трагедия для всей семьи скрывается за лаконичными строчками автобиографии! Как переживали её они, родственники «врага народа»? Как отразилась она на их жизни и здоровье? Не оттуда ли идёт кожное заболевание Николая Васильевича, выражающееся в язвах и экземе? Так могли передаться телу тщательно скрываемые за внешним спокойствием и обычным ритмом жизни потрясения души, боязнь за свою судьбу и судьбы своих близких...

Умер Николай Васильевич Никитин 3 марта 1973 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище... Сколько осталось нереализованного! Крымская ветроэлектростанция, павильон Постоянной строительной выставки в Москве, большепролётные конструкции типа «АБВ», большепролётные деревянные клеёные конструкции, жилой комплекс Тропарёво в Москве... «Сколько не прошло его конкурсных работ! Он не умел их “проталкивать”. Были и сотни врагов, завистников, может быть. Дёргали его по пустякам, мотали нервы. Одна останкинская эпопея чего стоит!» – вспоминал архитектор В. В. Милашевский.

Как подумаешь, сколько пользы могли бы принести эти нереализованные проекты и строительные идеи Никитина, становится обидно за людей, чья работа и быт были бы облегчены ими... Обидно за Николая Васильевича – сколько сил, энергии, бессонных ночей и нервов стоили ему эти труды... Обидно за страну, которая отказывается от замыслов, способствующих её экономическому и политическому успеху. А они, эти замыслы, при их реализации, несомненно, повысили бы её международный авторитет как родины новых уникальных открытий и свершений.

Маяковский мечтал о том, «чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела». Николай Васильевич Никитин воплотился в свои архитектурные сооружения, и прежде всего в Останкинскую башню, которая продолжает светить над всей Москвой, а значит, и над всей Россией.

Александр БАЛТИН

Калужская земля наэлектризована прошлым: хотя нынешний город и разрастается, но в центральной своей части тих, веет стариной, и около Торговых рядов останавливаешься непроизвольно, представляя извозчиков, проносящихся мимо...

Русские классики любили Калугу, и кто только тут не бывал, кто только не был связан с городом...

А вот и современность подоспела, хотя непонятно порой, что считать ею. Тридцать лет назад – это современность или уже нет?

...Владимир Кобликов писал в основном для детей, и, хоть Константин Паустовский называл его «творцом деревенских характеров», произведения его адресовались нежной ранней

аудитории, с которой необходимо быть чутким вдвойне.

Сын художника, Кобликов особенно внимателен был к пейзажу: на фоне родного среднерусского разворачивается действие его книг; и пейзаж, одухотворённый словом, не носит статического характера, но является дополнительным персонажем повествования.

Первая книга его – «Открытые окна» – вышла в 1961 году, последняя – «Топорок и его друзья» – в 1970-м. Книги Кобликова отличались необыкновенной открытостью миру, что вкупе с индивидуальностью стиля и острым глазом делало их превосходным чтением для поколений, вступающих во взрослые пространства. Думается, на книгах писателя вырастали хорошие люди.

...Со смотровой площадки калужского парка открывается восхитительный вид на Оку, чьё плавное течение настраивает на спокойный лад даже самую мятущуюся душу; а правобережье, простёртое за рекой, разрастается постепенно, превращаясь в полноценное продолжение Калуги.

Юрий Убогий – прозаик, получивший премию имени Леонида Леонова, – знает жизнь до прожилка, до изнаночной её стороны, ибо долгие годы работал психиатром в областной больнице.

Он автор 12 книг прозы, и премия имени Леонова – беспрецедентного стилиста – не зря досталась ему: есть в манере письма Убогого крепость, вещность. Нет, разговора о подражании не может быть, но отблеск классика двадцатого века порою ощутишь.

«Мальчик издалека» – чудесная книга детства, где каждый эпизод (а повесть оригинально составлена именно из чередования оных) то отликает перламутром мечты, то даёт вкус подлинности человеческого хлеба.

Повести Убогого рассматривают повседневность такую, какая есть, они погружают в мир семейных отношений, где выскерки счастья бывают столь же часто, как случаются траурные полосы; и могучим реквиемом достойной жизни звучит (если не гудит набатно!) повесть «Порог»...

...Осенью в Калуге особенно хорошо: по какой из улиц ни пройти, в какой переулок ни свернуть – всюду оттенки элегичности подчёркиваются огромным пространством многоцветья; а если постоять на Каменном мосту, голова закужится от глубины Березуйского оврага.

...Песня – явление и ширь... Безоглядность и чёткое всматривание в определённые пласты яви.

Многое мешается в разных понятиях, они становятся амбивалентными, потом количество значений увеличивается, бликует оттенками, расходуется ассоциативными рядами, но то, как увидела песню калужская поэтесса **Нина Смирнова**, заставляет задуматься:

*Неожиданно и откровенно
Заблудился сентябрь в поднебесье
И оттуда нам в кровь внутривенно
Разливает осенние песни.*

*Он поёт о простуженных даях,
Что теплом не насытились вдоволь,
Он на солнечных неба педалях
Так распрыгался – истинный щёголь!*

...Ибо песня – в нас, она заложена изначально, являясь своеобразным свойством мира, но расшифровать сугубую специфику этого свойства способен только поэт – поставщик песен ко двору реальности. Что ж... Это неплохая миссия.

Нина Смирнова чувствовала природу, как чувствуют собственную жизнь, вместе идя на ощупь, зная, что щедрость её может в любой момент обернуться бездной.

Есть бездна стихотворчества, есть бездна небес – вечно мерцающих и столь роскошных, что, начни вглядываться, поймёшь, сколь ничтожны игрушки денег и славы.

Вечный костёр виделся Смирновой – и вечное же, Фениксу подобное, превращение:

*Дни былые сжаты временем,
Напитали их ветра.
Лягут дни созревшим семенем
В золы вечного костра.*

Ибо:

*Здесь стоят полки Отечества –
Полыхай, заря, гори!
Здесь на страже человечества
Русские богатыри.*

Чеканные строки, формула надежды, яркость яви грядущей – подразумевающейся.

...А калужское, родное, провинциально-уютное, не теряющее хорошей патриархальности, наполняло стихи Смирновой с избытком: и радостно, как подарить игрушку ребёнку, и горестно, как пить отвар из полыни:

*Какая царственная Осень
Гуляет нынче по дворам!
Она как будто снова просит
Довериться её коврам,*

*И небу, и прозрачной дали,
И выйти из дому на свет,
И убедиться, что печали
Здесь места нет, здесь места нет!*

Царственность, своеобразное византийство были присущи стихам Смирновой!

Нет, смерть, отменяя тело, не отменяет стихов: актуальны и сейчас, будут актуальны и в гипотетической, никому не известной вечности.

...Тем не менее поэты всегда апеллируют к оной, и **Марина Улыбышева**, видя мир как сочетание кристаллов волшебства, трактует его по-своему, сильно и нежно:

*Среди бледных комнатных растений
Сон твой так спокоен и глубок.
Я уйду сквозь каменные стены,
Как вода уходит сквозь песок.*

Её поэзия точно пронизана вибрацией сплошной серебряной струны, сконцентрировавшей в себе столько грусти и счастья, что получается музыка, которая завораживает.

Уплотнённая поэтическая ткань Улыбышевой красиво разворачивает предметность мира – но предметность одухотворённую, точно пронизанную токами неизвестного пространства, следствием которого является наш мир.

...Любо пройти по улице Набережной – криво изогнутой, тихой, – минуя старые, очень старые, ветхие домишки за заборами, из-за которых видны купы яблонь и вишен...

Михаил Лохвицкий был сильным прозаиком; первая книга рассказов вышла в 1955 году и называлась «Встреча в пути».

Сергеев-Ценский, сыгравший большую роль в жизни писателя, предска-

зал ему успех в жанре романа; и первый роман Лохвицкого «Неизвестный» был посвящён старшему мастеру.

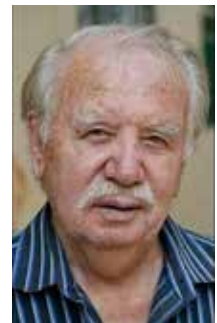
Густая фактура отличала прозаические тексты Лохвицкого, что – в сочетании с умением выделить характер, изъясв его из плазмы житейской, – превращало чтение его книг в удовольствие, способствуя при этом росту души...

Паустовский называл Лохвицкого очень светлым человеком, говорил, что от его улыбки становится легче жить.

Тем не менее одна из основных повестей писателя была посвящена Кавказской войне, и изнанка мира, вечно претендующая на лицевою, солнечную часть, была показана жёстко и сильно.

Арсентий Струк

был не только русским, но и украинским поэтом; биография его носила подлинный размах, ибо был он морским штурманом и офицером-зенитчиком, инженером-теплоэнергетиком и участником строительства советских заводов, помощником губернатора и редактором...

Избыточность жизни вливалась звёздным потоком в его стихи, звучавшие, казалось, разноголосом, при том что авторская неповторимость чувствовалась всегда – именно она и не позволяла бросать чтение на полдороге, требовала финального преодоления пути.

...Прогулки по Калуге отливают литературным колоритом, сочетая и объём прошлого, и современность, которая, хотя и слишком противоречит поэзии и серьёзной, вдумчивой прозе, едва ли обойдётся без них...

Падают осенние листья, покрывают землю, создают великолепные орнаменты на асфальте; падают, но не могут пасть в бездну пустоты таланты, так щедро и ярко проявившие себя в пределах древней русской Калужской земли...

Как понять мир людей?

Юрий МАРТИШИН

ЛЮДИ-МЫШИ

В лучах весенних улицы и крыши,
В кустах играет тёплый ветерок.
Из нор в домах вылазят люди-мыши,
Их манит запах будничных дорог.

Они садятся в грязные машины
И едут по знакомым адресам.
Пронзают даль колёса из резины,
Шурша: «Привет весёлым небесам».

Мышей везёт водитель-поросёнок,
Он возит их, наверно, тыщу лет.
Ему в кабину солнечный слонёнок
Пролил, играя, желтоватый свет.

На остановках двери раскрывает
Автобус ржавый – старый добрый пёс.
Он всем удачи и добра желает
И снова продолжает скучный кросс.

В лучах весенних улицы и крыши.
В кустах играет тёплый ветерок.
Дома пусты. Придут под вечер мыши,
Чтобы отдохнуть от будничных дорог.

СЕКРЕТ

Осень жалобно играет на печальной скрипке.
Листья счастья умирают на асфальте липком.
Ветер-мальчик дует нежно, стоя на пригорке.
Чёрный дождик рыщет всюду
ненасытным волком.

Люди серые, как крысы, разбрелись
по норкам.
Хмурый день, погладив крыши, растворился
в ёлках.

Ночь справляет день рождения,
радуясь подаркам.
Месяц, словно люстра, светит во дворах
и парках.

Время тёмными ночами холода приводит.
Жизнь за тёплыми вещами на базары ходит.
Скоро осени не станет, но печаль не в этом.
Кто всё это сочиняет? Бьюсь я над секретом.

ОЩУЩЕНИЯ

Я – заложник тени одиночества.
Я – творенье страждущей души.
Нет богатства, только имя-отчество
И борьба за ласки и гроши.

Я блуждаю странными дорогами,
Чтоб найти мечты своих утех.
Я терзаюсь мрачными тревогами,
Чтоб познать оседлости успех.

Раздирают страсти на сомнения.
Гасит красноречие печаль.
Где мне взять для счастья вдохновения?
Как порой себя бывает жаль!

Я иду по чёрному и белому.
Не могу понять, чего хочу.
Не всегда надёжному и смелому
Эта жизнь бывает по плечу.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

Как понять мир людей? Невозможно.
В море судеб – обломки страстей.
Все запутанно, нервно и сложно
В череде городских новостей.

Местный рынок – людская окрошка,
Словно шумный огромный вокзал.

Вот грустит у палатки торгашка,
Муж ей жизнь, словно прутик, сломал.

Искалечил, убил её веру
В доброту и надёжность мужчин.
И ушел по осеннему скверу,
А ведь с нею остался их сын.

Скис супруг, как вино «Изабелла»,
Раздражался нытьём и бельём.
Как она эти муки терпела,
Как хотела остаться втроем!

Он же бросил! Шагал без оглядки
Очень сильный в плечах исполин.
Но на этом не кончились пытки:
Был второй, симпатичный блондин.

И как нравился парень с завода,
Величавый, характер прямой.
Кто же думал, что будет зануда,
Очень желчный, надменный, скупой?

И обратно всё снова-здорово –
Полетела судьба кувырком.
Убежал, не сказав ей ни слова,
Взял товар – и к другой прямиком.

Больше замуж она не хотела.
Сын подрос, помогал торговать.
Раскрутилась на рынке, есть дело,
Появились сноровка и статья.

Ночью ласки в угаре хмельного,
Мужики ходят к ней табуном.
Принимает, а что здесь плохого?
Нет семьи – хоть поспать с мужиком.

ПРОЩАНИЕ С МОЛОДОСТЬЮ

Во мне печаль, в тебе усталость,
А быт распилен пополам.
Как долго вместе? Скоро старость,
А кажется, что двадцать нам.

Женились будто бы вчера мы.
Судьба нам указала путь.

И вот попали в лапы драмы.
Никак не можем ускользнуть.

Где наши лица молодые?
Где жизнь – гудящая юла?
Мы не совсем ещё седые.
Но молодость, увы, прошла.

Пусты глаза, хандра на марше.
Сошли на нет задор и прыть.
А впрочем, просто стали старше
И снова учимся любить.

В ПОЛЁТЕ БЕЗУМИЙ

Позабыта зима и метели.
Свежий день манит тёплой весной.
А ещё меня губы согрели,
Твоя радость и взгляд озорной.

Я тебя, открывая, желаю.
Запах тела, залиvistый смех.
Восхищаясь волшебному маю,
Предвкушаю полуночный грех.

Ты как будто чужая планета,
Непонятна, но так хороша,
Что мне хочется ласки и света.
Я смотрю на тебя не дыша.

С твоих глаз непонятных раздумий
Отлетает любовь в небеса,
Обнажая в полёте безумий
Мои чувства, как душу слеза.

УСТАЛОСТЬ

Как трудно мне понять твою усталость.
Печальный взор наполнен тишиной.
Быть может, потому что в двери старость
Стучится к нам с табличкой «На покой».
Ненастье дум, волос бывшая нежность
В моей душе подняли ураган.
Пылает взгляд и юной розы внешность.
Чуть тронешь – зыбь, феерия, обман.
Нас осень жизни в пляске листопада
Скрепила судьбоносным ветерком.
Единство душ – за поиски награда.
А зрелость, что ж, пусть блещет серебром!

Дмитрий АНИКИН

Родился в 1972 году в Москве. Живёт в Москве.

По образованию – математик. Предприниматель.

Публикации в печатных изданиях на настоящий момент: цикл стихотворений (написанный в соавторстве с В. Романовым) в журнале Magazine в 90-х годах; циклы стихов в журналах и альманахах Prosodia, «Нижний Новгород», «Семь искусств», «Русский колокол», «Русский Альбион», «Современные записки», «Золотое руно», «Новая Литература», «Зарубежные задворки», «Великороссь», «Камертон», «Тропы», «Новый Енисейский литератор», «Фантастическая среда», «Айсберги подсознания», «Русское вымя», «Фабрика Литературы», «Точка зрения», «9 муз», «Арина», Littera-Online, «Поэтоград», «Вторник», P.S.

Автор книги «Разные сказки».

НАША ЭНЕИДА

1

Кто самый важный поэт для России?
Конечно, Вергилий!
Что актуальней его «Энеиды»? Горит ещё
Троя.
Рыщут враги, но не все наши храмы
разграблены ими.
Есть ещё что защищать. Мы по городу
прячем засады.
Кровью им радость зальём!
Не заметит победное войско,
Как бегемот страховидный сквозь рой
комариных укусов
движась...
Кончена наша война. И всё то, что осталось,
недолго
Будет тревожить, морочить – никчёмные
анахронизмы...
Кончена, и не вчера!
А то, что земля зеленеет
И не засыпана солью пока, – это мёртвой
не важно:
Завтра засыплут! У нас не спросясь,
победитель находит
Время для нужной работы.
Зачем же ещё партизанить,

Жизни на ветер бросать, строить схроны,
молиться всем бывшим,
Нынче бессильным богам!
Никакая молитва отсюда
Вверх не идёт – тяготеет к земле, чтоб
холодным туманом
Лечь, убивая последнее, что ещё может
отсюда!
Кончена Родина, проклято место, и жить
здесь не надо...
Хмурый Эней посмотрел на горящую Трои и
двинул
Флот свой на запад. А мы чего медлим,
что смерть продлеваем?
* * *
Сколь же достойней, умнее не прятать
от правды священной
Сердце и совесть. Давай собирайся,
муж благочестивый,
И собирай свой народ.
Забираем пенаты отсюда:
Мы если морем – то морем, а если по суше –
так пёхом,
Боги укажут куда!

Мы из Африки выгоним мавров.
Или Америку с теми разделим,
кто раньше, с Колумбом...

Там, где пенаты поставим, там будет нам
Родина – новой
Уж не упустим возможности.
Станет Империей Вечной.

2

На этой территории
Не будет ничего,
Закончена История
И нас до одного

Закончила, родимая, –
Небесконечный счёт, –
Где пустота, голимая
И зримая, встаёт.

3

По ледяной пустыне шарит ветер,
И нет ему отрады, чтоб продуть –
Чтоб досиня, чтоб до смерти. Лихие
Ходили, вышли люди – никого!
И кто такое поле в пол-Земли
Засыплет солью? Засыпает снегом!

4

Прав старик, поэт, вожатый,
Непременно прав:
От проигранной, проклятой
Мы войны устав,

Заслужили мало-мало
Отдохнуть в плену;
Нашей Родины не стало,
Помним жуть одну,

Посидели – и чего там
Грусть-тоску тянуть,
Ведь не заперты ворота
На далёкий путь.

* * *

Камень мёртвый, спуд лежащий –
Под него вода
Натекла, и можно, значит,
Сдвинуть без труда.

Как кораблик быстрый, смелый,
Глыба многих лет
Понесётся, в свете белом
Быстрокрылей нет!

И чего мы не достигнем?!
Новая у нас
Будет Родина, как вынем
Жребий в добрый час.

5

И как-то так, поневоле
И не понимая, в чём
Вся она, русская доля,
И для чего несём, –

Взяли. На что нет силы,
Сползает с покатых плеч:
Груз славы, тоски, служилой
Веры – ведётся речь

Бог весть о чём, но это
Главное – сохранить
Если не слог поэта,
То матерную сучить
нить.

6

Нам остаётся наш язык,
Всё остальное – тлен и прах,
Он бьётся, вьётся, не привык
Рассказывать про новый страх,

Про новый мир, он – русский бог,
Не выдаст нас, чтоб преклонить
Никто чужой нас (чёрт) не смог,
Никто благой не стал хранить...

7

Поотстанут на большом пути
Многие, не хуже, не слабее –
Преданнее, что ли?.. Ты прости,
Ждать нельзя, помочь я не умею

И не обернусь. И никакой
Жалости, нам всем бы в эти сроки
К трупу труп лечь. Если я живой –
Значит, что чужой, уже далёкий.

8

Наш путь ведёт через царство мёртвых,
Прощаться с ними заново и уже навсегда,
Ибо больше и не родня нам, и о них
 не вспомним,
Там, где они похоронены,
 чужая теперь земля.

Наш путь ведёт через много гостеприимных
Стран богатых, изнывающих от любви,
Но и этих мимо, казалось бы... но старинных
Полным там полно богов,
куда поместим своих?

Наш путь ведёт, как будто так изначально
Решено, а всё, что было да сплыло,
только пролог!
Сейчас начинается история Родины
нашей дальней,
Наконец-то русским поможет, не сдаст нас Бог!

9

Где-то будет новая Отчизна,
Встанут будто вкопаны пенаты,
Безопасной, честной, долгой жизни
Время, вечность; первые этапы
Мы увидим: из междоусобиц
Выйдем, люди, молодым народом,
Сбросит имя всякий инородец,
Календарь начнётся первым годом.

10

Так всё и будет. Русская судьба
Здесь решена, а в общем, на просторе
Сильна, свободна, многие народы
Ей покорятся.

Где нас остановят?
Кто остановит?

Из книги «Город Увчи»

Александр ШЕСТУНИН

* * *

*Мы жизнью обязаны нашей страны
участникам этой последней войны.*

А. Шас

Майский праздник, гром салюта,
Ветки яблонь у окна,
Людам радость, а кому-то
Снова вспомнилась война.

И погибший под Берлином
Муж ли, брат, отец иль сын
Был единственным, любимым,
В целом свете был один.

В битве первой у Смоленска
Вражий дот закрыв собой,
Парень этот деревенский
Гибель встретил как герой.

Или там, под Сталинградом,
Он упал в кровавый снег,
Нет его сегодня рядом,
Без него закончен век.

Их самих осталось мало,
Кто запомнил тех солдат.
Как порой не доставало
Юным девушкам ребят,

Матерям – своих сыночков,
Жизнь отдавших за страну,
И нельзя поставить точку,
И нельзя забыть войну!

Майский праздник, гром салюта,
Ветки яблонь у окна,
Людам радость, а кому-то
Снова вспомнилась война...

М. А. Дудин

В. С. Жуков

*Поэтам-фронтовикам –
нашим землякам
М. А. Дудину
В. С. Жукову*

Мы воспитаны войною,
Поколение грозных лет.
Мы возвышены войною,
Это наши тьма и свет.

Мы – обычные ребята –
Грудью встали за страну,
Добровольцем каждый пятый
Отправлялся на войну.

И она нас проверяла,
Отбирала не спеша:
Из какого же металла
Отлита у нас душа?

Да, конечно, без сомнений,
Возвращался в мирный век
Из горнил её сражений
Высшей пробы человек.

А с солдатом возвращались
Там рождённые стихи,
В них великое и малость,
Годы, месяцы и дни.

Эта память фронтовая
И сейчас для нас важна,
Ведь сегодня каждый знает,
Чем закончилась война.

Только цену той победы
Забываем мы порой.
Может быть, все наши беды
От забывчивости той?!

* * *

Встану утром рано –
Небо розовеет,
Лёгкою прохладой
Ветерочек веет.

Где-то в поднебесье
Раздаётся звонко
Жаворонка песня
О родной сторонке.

И ведёт тропинка
Через луг цветущий
К роднику в низинке,
К заповедной куще.

На душе – привольно!
Здравствуй, здравствуй, лето,
Родины раздолье,
Мир тепла и света!

* * *

В который раз гляжу на фото деда,
Погибшего в последнюю войну.
Полгода оставалось до Победы
И званья «побывавшего в плену».

А лагерь их освободили наши,
Ушли эсэсовцы без боя, потихоньку,
И особист, пришедший к бабе Даше,
Принёс ей фронтовую похоронку.

Он рассказал, что при попытке к бегству
Убит был узник за стеной наружной,
И потому теперь «дальнейших следствий»
По делу проводить уже не нужно.

Солдат закрыл ошибки и просчёты,
Глухую боль бессмысленных потерь,
Заградотрядов брань и пулемёты,
Штрафбатов героическую смерть...

.....
В который раз гляжу на фото деда,
Могла ли быть судьба его иной?
Нам всё равно досталась бы Победа,
Но, может, не такой большой ценой?!

* * *

В перелеске тихом
Белая берёза,
Вся дождём омыта,
Распустила косы.

Напевают ветки
Песню о России,
Где ветра нередки,
Где снега большие.

Но весною ранней
Солнышка нет ярче,
Лета – долгожданней,
Веселей и жарче.

Нет нигде на свете
Голубее неба,
Мест милее этих
И вкуснее хлеба!

* * *

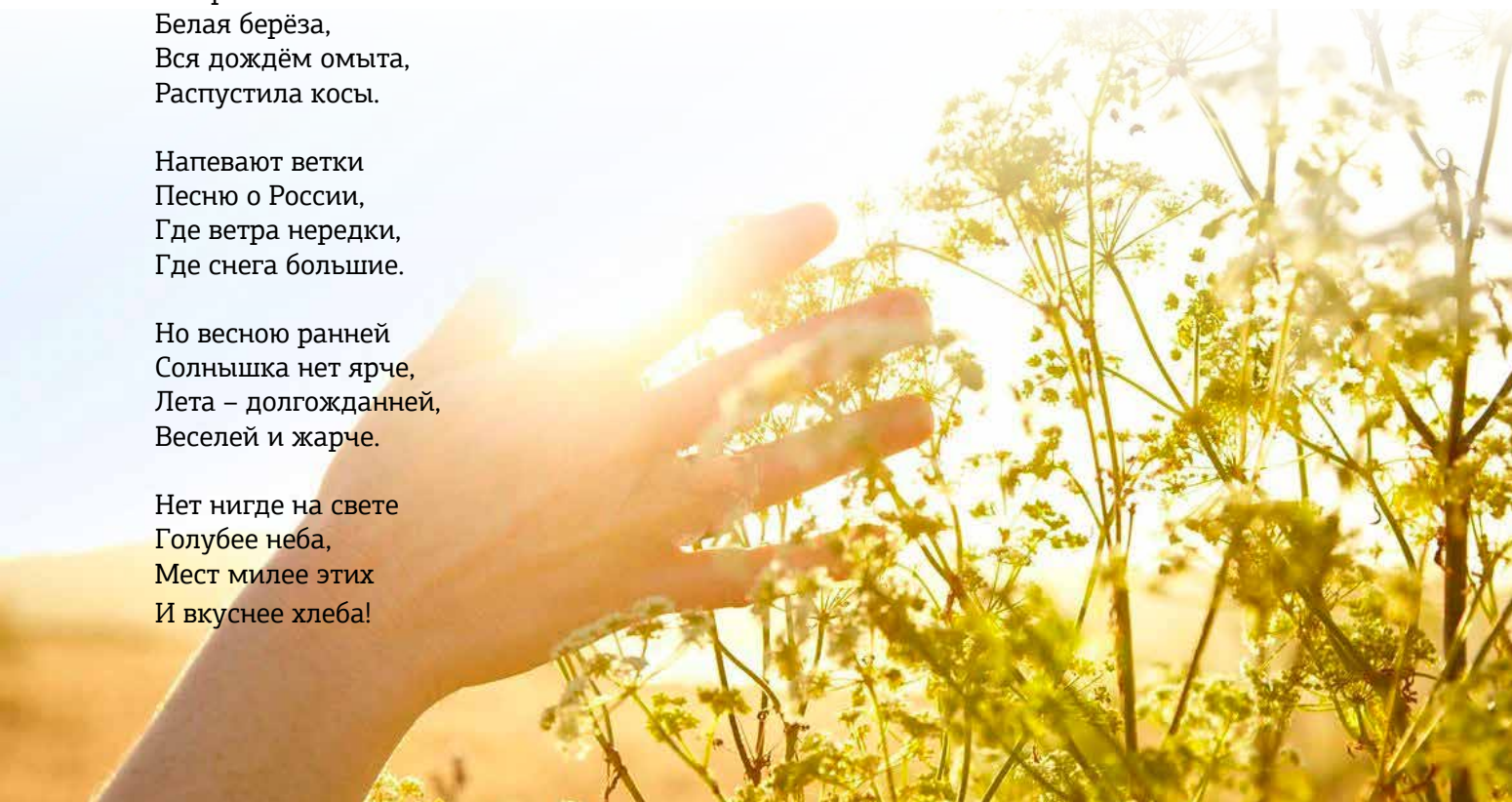
*Каждый день на Земле война,
война без особых причин...*
В. Цой

Последняя война
Четыре года длится,
Казалось, что она
Уже не повторится –

Такую боль и кровь
Не выдержит планета,
Всеобщая любовь
Наступит в мире этом!

Но глубоко в крови,
С инстинктом размножения,
Заложен ген любви
И ген... уничтожения.
Сраженья без конца,
В которых нет причины,
Где каждого бойца
Бессмысленна кончина.

У всех душа болит
От этой круговерти.
«За» – ангел, что хранит,
А «против» – ангел смерти...

* * *

Как хочу я снова
Повидаться с речкой,
Что течёт за Шуей
Средь цветов и трав.
Из груди готово
Выпрыгнуть сердечко –
Здесь любовь большую
Встретил, не узнав.

Над водой прозрачной
Кружатся стрекозы,
И кувшинок нежных
Жёлтые цветы.
Тихий домик дачный,
Дождевые слёзы –
Все мои надежды,
Все твои мечты.

Быстро тает лето,
Словно миг единый,
Солнечные блики
В зеркале реки.
Не вернётся этот
День июньский длинный,
Запах земляники
И тепло руки.

Дважды в ту же реку
Не зайдёшь, конечно,
Не вернётся прошлое
В беге быстрых дней.
Нужно человеку
В этой жизни грешной
Сохранять хорошее
В памяти своей.

* * *

Ах, город, мой город – Иваново,
Ну как же тебя не любить?
С тобой вспоминаю я заново,
Что просто нельзя позабыть:

Известность Советов всемирную,
И праздничный цвет кумачей,
И гордость былую текстильную,
И славу рабочих-ткачей.

Здесь было всегда многолюдно,
Гудки раздавались окрест,
И в детстве казалось подспудно –
Нет лучше ивановских мест,

Где утром в тумане низко
Над речкой склонялись мосты,
А с фабрик, стоящих близко,
Плыл запах горячей шлихты.

Как весело было зимою!
У ёлки плясали и пели,
И с песней сливались порою
Трамваев задорные трели.

С гор «у театра» катались,
С горы «на Крутицкой» – тоже

СТАЯ

СЮЖЕТ РАССКАЗА ВЫМЫШЛЕННЫЙ.

Александр АЛЕКСАНДРОВ

Утром, выйдя на улицу, Джульетта внимательно глянула на небо, потом перевела взгляд на верхушки деревьев и, видимо, таким образом определив направление ветра, прошептала: «Северо-западное – это хороший знак» – и зашла в гараж. Она подошла к машине, тщательно проверила работу стеклоочистителей, надёжность резины и, оставшись довольной, вошла в дом, чтобы перед дальней дорогой выпить кружку крепкого кофе.

– Может, не поедешь? – произнесла мать, обращаясь к дочери. – Расстояние неблизкое,

от Доусона до Норман-Уэлса более пятисот километров. Это безумие – ехать одной, да ещё на последнем месяце беременности. Через два дня вернётся из рейса Алекс, вместе и съездите.

– Мама, ты же знаешь, что я отлично вожу машину, к тому же погода соответствует. Думаю, часа за четыре доберусь, а мужу после длительного рейса требуется отдых, и затем через три дня ему снова в рейс. Такой вот расклад! Так что откладывать поездку никак нельзя – телеграмма срочная: заболел отец Алекса, а у меня как-никак медицинское образование. Считаю, вопрос с поездкой решён и обсуждению не подлежит. Что же касается

беременности – не я первая, не я последняя. По дороге много кемпингов, и даже для водителей есть дома отдыха, при необходимости всегда окажут первую помощь, но, надеюсь, она не понадобится.

– Вчера поздно вечером – ты, дочка, уже спала – синоптики обещали сегодня к середине дня сильный снегопад и ураганный ветер.

– На то, мама, она и зима! Мы живём почти на севере Канады и к капризам погоды привычные.

– Твой отец тоже так рассуждал...

– Отец, мама, в любую погоду ориентировался отлично, а погиб он от встречи один на один с белым медведем.

– Ладно, уговаривать тебя бесполезно, всё равно поедешь. Машину-то хоть проверила?

– Не беспокойся, всё в порядке, бак с бензином под завязку, приборы работают.

– А когда тебя ждать?

– Не знаю! Ведь я даже не знаю, сколько точно километров до Норман-Уэлса, где живут родители Алекса, к тому же многое в дороге зависит не от самого человека.

– Счастливого тебе, дочка, пути!

– Спасибо! Всё будет в порядке, главное – ты здесь не переживай.

* * *

Сев в салон автомобиля, женщина опробовала кресло, нажала на кнопку «Отопление», не спеша пристегнула ремень безопасности и включила зажигание. Машина плавно выкатилась из предназначенного ей помещения и остановилась на пригорке под разлапистой голубой елью. Отрегулировав маршрут навигатора, Джульетта осторожно погладила свой живот и, обращаясь к главному пассажиру, спросила: «Ну как, малыш, готов к дальней поездке?» Почувствовав слабый толчок ножкой, улыбнулась, а вслух произнесла: «Вполне утвердительный ответ» – и тронулась с места.

Машина побежала легко, с каждой пройденной милей набирая скорость. У горизонта вспыхивали сполохи северного сияния, но на привычное явление природы женщина не обращала внимания, её больше всего тревожило за-

метное изменение погоды в худшую сторону, и, чтобы не думать о плохом, она включила радио, но однообразная мелодия вскоре наскучила. Выключив музыку, Джульетта кинула взгляд на спидометр и увеличила скорость. Трасса была почти пустая – она слышала, кажется от мужа, что в этом районе создан крупный природный заказник по сохранению флоры и фауны, поэтому интенсивность движения, особенно грузовых автомобилей, строго ограничена.

«Ну и хорошо! – подумала она. – Это даже лучше: чувствуешь себя первооткрывателем – дорога, твоя машина и бесконечное пространство». И всё же заметное изменение погоды к худшему её тревожило. Проехав ещё пару миль, она на мгновение глянула в боковое стекло и, свернув на обочину, остановилась. А когда вышла из машины, от испуга вскрикнула: «Oh, my God! Nicholas, к добру ли такое видение?!» Прямо на неё, разорвав плазму небесной сферы, почти в упор смотрел огромный сердитый глаз. Его тёмно-свинцовый зрачок величиной с футбольный мяч, окаймлённый ярко-красной радужной оболочкой, вращался по часовой стрелке. Но самой устрашающей деталью небесного ока было глазное яблоко. От редких лучей солнца, процеживающихся сквозь мрачную толщу облаков, оно постоянно менялось: от абсолютно белого, постепенно переходящего в серый, до голубого, по краям с золотистыми проталинами. На веках, вокруг глаза был заметен чуть обвисший ворс – словно нити, похожие на мелкие морщины которые с приближением к бровной границе постепенно увеличивались, становились шире и, меняя цвета, уходили куда-то в бесконечность.

«Боже, надо скорее ехать!» – выкрикнула женщина и правой рукой, словно успокаивая малыша, погладила живот. Спешно, как позволяли ей известные обстоятельства, она села в машину, пристегнулась ремнём и тронулась с места.

«Что же это такое было?» – вернувшись к увиденному, с какой-то внутренней тревогой спросила себя Джульетта. И тут, сделав для себя неожиданное открытие, радостно воскликнула: «Мамочки! Да я же только что к ещё не

родившемуся ребёнку обратилась по имени – Николас! Дома этот вопрос не обсуждался, а тут на тебе – Сам Господь дал моему сыну имя! Спасибо! Вообще-то, я не против, чтобы мой сын был обладателем такого имени! Если мне не изменяет память, имя Николас, кажется, древнегреческого происхождения и означает “победитель”. Ну а как ты, малыш, согласен с мамой?» – и, улыбнувшись, она нежно погладила живот. Ребёнок в знак согласия толкнул ножкой.

Дорога была пустынна, и, погрузившись в размышления, Джульетта подумала: «А может, это было око Всевышнего?»

* * *

Между тем всё предвещало надвигающуюся снежную бурю. Ветер усилился. Спидометр показывал семьдесят миль в час. По прикидкам, до лесного массива оставалось миль сорок, не больше. «Там будет потише», – подумала она и увеличила скорость. Два автомобиля, убегая от непогоды, обогнали её и скрылись за крутым поворотом. Снегопад усилился, стеклоочистители работали на пределе, видимость стала почти нулевая.

Женщина резко сбавила скорость и, возможно от нервного состояния, почувствовала резкую боль внизу живота. Она остановилась, чуть приоткрыла боковое стекло, глубоко вдохнула и, снова погладив живот, тихо произнесла: «Николас, пожалуйста, потерпи, сынок, я понимаю, что ты устал, но скоро прибудем на место». Говоря «скоро», женщина больше успокаивала себя, чем малыша, зная, что при такой погоде дай бог добраться бы к вечеру. А тем временем буря крепчала – похоже, небо всей своей мощью решило обрушиться на редкие машины, проезжающие по этой трассе. Стояв ещё минут пять, она снова погладила живот и, обращаясь к сыну, спросила: «Поедем?» И, получив молчаливое согласие, Джульетта включила рычаг скорости.

* * *

Схватки начались внезапно. Женщина с трудом довела машину до стены леса, где, по её

предположению, должно быть немного потише, и съехала на обочину. Она осторожно вышла из салона автомобиля, прошла несколько метров вперёд и остановилась, в надежде поймать попутку, чтобы доехать до ближайшей больницы. Всматриваясь вдаль сквозь снежную мглу и завывание ветра, женщина не заметила, как, отрезав обратный путь к машине, её окружила стая волков.

– О боже мой! – успела выкрикнуть женщина, и от страха все её внутренности сжались в комок, парализовав волю. Сквозь завывание она лишь успела услышать тихий предостерегающий голос матери: «Доченька, может, сегодня не поедешь?» – и от острой боли в животе потеряла сознание.

Сколько времени находилась в забытии, она не знала, очнувшись от крика младенца и почувствовала, что голова её лежит на теле зверя. Другой, видимо вожак, перекусив пуповину, облизывал появившегося на свет младенца, а остальные своим мехом обогревали тельце новорождённого, всячески защищая его от ветра и снегопада. Джульетта лежала в стороне от дороги, возле разлапистого дерева, окружённого густым кустарником, где было относительно тихо. Вдали, насколько позволяла видимость, лохматые верхушки деревьев раскачивались от ураганного ветра. Крик новорождённого заставил её окончательно прийти в себя, и где-то внутри – то ли от переизбытка чувств, а то ли просто показалось – она услышала ласковый, как зов весны, успокаивающий голос: «Ничего не бойся!»

«Боже, неужели это голос моей души? – мысленно произнесла Джульетта. – Спасибо тебе, родная, хоть ты и недоступна зрению, осязанию, но я всегда ощущала твоё присутствие. Благодарю тебя, что ты не покинула меня в эти трудные минуты! Сейчас твоя поддержка мне, как никогда, кстати!» Она подняла голову, увидела своего ребёнка в окружении стаи волков и испугалась за его жизнь. От безысходности хотела уже было кричать сквозь неистовое пространство, кого-то звать на помощь, как вновь услышала голос: «Здесь волки и вьюга, всё равно тебя никто не услышит!»

От крика ребёнка женщина почувствовала прилив сил, словно в её переохлаждённые кровеносные жилы впрыснули изрядную порцию глюкозы, чтобы тело вновь обрело затраченную энергию, и, теперь уже не боясь, как несколько минут назад, она смело потянулась к ребёнку. Но один из волков, стоявший с подветренной стороны, оскалив пасть, издал грозный предупреждающий рык.

Вожак же, облизав ребёнка, отошёл в сторону, но, услышав рык, одним прыжком оказался напротив того зверя, и две пары серых глаз скрестились в лютой ненависти. Противостояние длилось не больше минуты, и зверь, не выдержав взгляда матёрого, поджал хвост, отступил, а победитель беззлобно глянул на женщину, как бы говоря: «Ребёнок твой – бери и уходи».

Успокоив не в меру ретивого собрата, вождь вновь отошёл в сторону от стаи и стал внимательно наблюдать за гостьей с ребёнком, одновременно не выпуская из поля зрения дорогу. Матёрый обладал совершенной зрительной, слуховой и обонятельной памятью. Сейчас он был в ответе за женщину-самку и её детёныша ещё и потому, что хорошо помнил, как три года назад, рано по весне, в смертельной схватке с голодным медведем, защищая свой выводок, погибла его мать-волчица. Из пяти его братьев и сестёр в живых чудом остались только двое, впоследствии один из них стал вожаком этой самой стаи. И сейчас, нападая на женщину, он не задумываясь стал бы один сражаться с целой сворой своих собратьев, как когда-то его волчица-мать не побоялась вступить в смертельную схватку с грозным противником.

* * *

Джульетта спокойно взяла малыша на руки, тщательно укутала его полрой своей одежды, села в сугроб и дала грудь. Захлебываясь, ребёнок впервые ощутил вкус материнской пищи. Женщина почувствовала, как тёплая струйка не полностью выпитого им молока течёт по её телу, и она, с благодарностью глядя на окруживших её волков, впервые улыбнулась.

Волк же, что играл роль подушки, боясь за роженицу, чтобы она не упала, постоянно находился у неё за спиной и, похоже, в любой момент был готов прийти ей на помощь.

Остальные волки, скучившись плотнее, продолжали защищать роженицу и ребёнка от ветра. Не успел малыш после вкусного обеда заснуть, как на дороге остановилась машина. Увидев женщину с ребёнком в окружении стаи волков, водитель выскочил из машины и, размахивая руками, криками стал отпугивать хищников. Через некоторое время подъехала ещё одна, и водитель второй машины, взяв ружьё, стал целиться в крайнего волка.

Женщина быстро поднялась на ноги и, насколько хватило сил, закричала:

– Не стреляй-а-ай!

Но от слабости закружилась голова, и уже тихо, скорее сама себе, прошептала:

– А если будешь стрелять, сначала убей меня. – И с ребёнком упала на колени.

От крика стоявших на дороге мужчин и от оружейного запаха, принесённого ветром со стороны дороги, волки отбежали в сторону, оставив ребёнка и женщину.

– Скорее иди сюда! – орал что есть мочи водитель первой машины, увидев, что волки отбежали.

Но, что самое удивительное, ей уходить не хотелось. Более того, у неё не повернулся бы сейчас язык назвать этих умных зверей волками, и уж тем более хищниками. Крепче прижав ребёнка к груди, женщина, продолжая стоять на коленях, в знак благодарности к своим спасителям повернулась к стае и ощутила на своих губах привкус солёности. Ничего не понимая, волки с одной стороны, а два мужика с другой молча наблюдали за происходящим. Звери, наверное, думали: «Почему она не спешит от нас уходить, когда другие спасаются бегством?» Водители поведением женщины были озадачены не меньше, чем звери.

Наконец Джульетта медленно встала на ноги – от слабости ещё кружилась голова – и, видимо, от нервного перенапряжения зарыдала. Держа народившегося человечка на руках, она в последний раз сделала поясной поклон

стражам леса и не спеша направилась к дороге.

Белый, никем не тронутый девственный снег перед глазами идущей искрился мириадами сверкающих серебряных блёсток. Вдали, где-то у горизонта, прячась за лохматыми папахами дремучего леса, чуть заметными огненными косами высветилась рыжая борода неба. Когда же женщина подошла к водителям, ей предложили сесть в просторный салон первой машины, водитель которой в дорогу предусмотрительно взял тёплое одеяло и подушку. Но прежде чем сесть, она оглянулась – волков уже не было.

– Они спасли жизнь мне и моему ребёнку, – сев в машину, тихо произнесла женщина и заснула крепким сном.

Водитель понял, кого она имела в виду под словом «они», но поверил с трудом.

* * *

– К-хы... – с едкой иронией в голосе произнёс муж, когда после больницы Джульетта вернулась с ребёнком домой. – Просто фантастика: стая волков приняла у неё роды и со всеми почестями отпустила домой! Ты хоть сама-то в эту чушь веришь?!

Последнее время Джульетта с мужем часто ссорились. Более того, она чувствовала, что сейчас в жизни её наступил тот самый душевный перелом, когда взгляды на жизнь кардинально поменялись.

У неё было такое ощущение, что она вернулась из другого мира, пока непонятного не только её близким, но даже ей самой, не говоря уже о посторонних людях. Может, поэтому убеждать домочадцев в очевидном у неё не было никакого желания, и скорее сама для себя, чем для кого-либо, рассудила философски: «Вера – явление случайное, а методы её познания разные и целиком зависят от выбора самого человека. Одни возносят молитвы Иисусу, другие отправляются в Мекку, а третьи изучают окружающий мир, в котором им приходится жить. Словом, все мы заняты поиском истины, только более масштабной, чем

мы сами. Следовательно, необычных вопросов всегда хватает, а вот ответов на них мало или вообще нет, – рассуждала она, оставаясь наедине со своими мыслями. – Мы живём в малоизученном мире, где всё живое находится во власти инстинктов, включая и волков, в которых человек привык видеть жестокого врага, забывая о том, что их образ жизни создан самой природой. В себе же человек не замечает главного: совершенствуя орудия убийства, он сам превращается в жестокого убийцу, а порою бывает хуже самого лютого зверя, но, как существо, наделённое разумом, своим поступкам всегда находит оправдание. Если люди посредством слова овладели пространством и временем, волки же в своей повседневной жизни используют “язык” собственных тел, который кажется человеку опасным и пока непонятным».

Может, поэтому каждый раз, беря сына на руки, женщина вновь вспоминала своих друзей, которым была обязана жизнью. И однажды, когда Николасу исполнился ровно год, в холодное, морозное утро, удобно уложив его в салоне автомобиля, она поехала туда, где он родился. Как и в прошлый раз, она оставила машину на обочине. Пробираясь по глубокому снегу, они пришли на то самое место и стали дожидаться стаи. Но пришёл один вожак. Он вышел из густого леса и остановился метрах в двадцати от женщины с ребёнком.

– Смотри, это он! – радостно воскликнула женщина, указывая сыну на волка, и, как год назад, встав на колени, слёзно стала упрашивать зверя, чтобы тот подошёл ближе. И он подошёл. Женщина положила руку ему на холку, а сын рукою дотронулся до морды зверя.

Волк лизнул малыша в щёку, этим дав обобщим понять, что он их не забывал, и отбежал к ближайшему разлапистому дереву. Перед тем как покинуть место встречи, волк на прощание оглянулся, а затем скрылся в густом чапыжнике, где, видимо, его ожидала стая.

Сладость восторженных слёз

ПРИТЧА

Раиса ГАЙДАРОВА

Родилась в семье военнослужащего в г. Ташкенте, где окончила школу и литературный факультет педагогического института. На всю жизнь избрала себе путь служения журналистике. Работала корреспондентом в газетах, на радио, на телевидении и в Республике Узбекистан, и в России (в Смоленске).

Книги: «Судьба скульптора», «Художник – человек мира», «Поёт Ирина Нецина», «Неизбежное прими с достоинством», «Если б не было тебя».

...Как же он неистовствовал – Океан – с самого заката и всю-то ночь! Точно в первые дни творения. Может, всё дело было в наступившей полной луне? Хотя и не только в ней... Она, лукавая, хищно вытягивала к себе с самого десятикилометрового дна его душу. В ответ он выплёвывал на берега мелких особей и всякий водоплавающий мусор. Его живую, чистой слезы голубую плоть перекручивали в шторма

и цунами вихри невиданной энергетической мощи. Океан знал: ужаса в наступивший апокалипсис добавляет она, та самая жажда «быть» у океанических обитателей – от моллюсков и черепах до дельфинов и китов, – беременных будущей Жизнью. Вот-вот с муками и взрывной, космического масштаба силой завтрашние новорождённые перейдут красную черту – от Небытия к Бытию...

Тяжко, тяжело Океану...

...А утро принесло штиль. Океан задышал освобождённо и ровно. Вот тогда и двинулись на песочные пляжи полчища морских черепах, отягощённых драгоценной ношей – яйцами будущих черепахат. Необозримое береговое пространство застонало под тенью и тяжестью озабоченных особей. Вечность, осевшая на песчаных дюнах, забыла о тишине. Окрест – хруст и только хруст сухого песка от этого когтистого шершавого шествия.

Туда, туда! Подальше от Океана! Заложить яйца в вырытые в песке ямки – раз. Засыпать и притоптать всей плоскостью и грузом панциря – два. И забыть! Забыть! Не вспоминать до следующей, через несколько лет, кладки этот ритуальный танец во имя будущего потомства. Как же лёгок и быстр обратный путь в голубую лагуну! И что за дело до тех, которые должны вылезти на Божий свет через две полные луны? В добрый, как говорится, путь! Правда, если на этом пути к месту их трёхсотлетнего обитания, к Океану, их не склюёт цапля, не проглотит змея. Ну и что родителям до этого? Кто решил, что материнский инстинкт – не столько великая милость, сколько обязанность матушки Природы? Ну не сработало. Кому упрёк-то? Создателю? Однако факт: «изуродовал» Он черепаху, наделив своё создание не только безобразием. Может, по недогляду или задумавшись, забыл (по нашему глупому разумению) вдохнуть в неё важный компонент – заботу о потомстве. А спохватившись, оплошность решил исправить: «Хватит вам, убогие, двухсот – ну ладно, трёхсот лет для жизни? А? В довесок – мудрость... Неплохо? Правда, чего не могу исключить, так это угроз, исходящих от человеческой алчности. Остерегайтесь... Пока. До встречи...»

(Прозорливо. Не одно поколение черепах погибло в желудках ненасытных людей. В трудные военные вёсны мясом среднеазиатских черепах – их тоннами привозили на грузовиках из Голодной степи – подкармливали оголодавших жителей Ташкента. Панцири сваливали под стены пристройки к Ташкентской консерватории. Из её окон мог бы выливаться трауром по жизни мудрых созданий Природы реквием... Но жизнерадостно лились звуки произведений юного Моцарта, Чайковского, Штрауса... Музыканты самозабвенно погружались в божественный мир вселенской гармонии. А этот натюрморт (т. е. «мёртвая природа») у стены? Нет, он не отвращал ничьего взгляда, не смущал, увы, ничьей души. Какая удача – не правда ли? – что человеку не дано видеть тень смерти – ни своей, ни братьев наших меньших?!)

...Однако к делу. Почти прошли, затерявшись в паутине Вечности, две полные луны. По-

томство морских черепах, досиживая последние часы в песчаных ямках, готовилось к первому дню жизни. Вот-вот... Раньше всех почему-то вылезла лишь одна уродливая, как, впрочем, и все остальные, черепашка. Видно, родительница своим животворящим панцирем плохо притоптала песок с края ямы – спешила, милая, в голубую лагуну. В итоге миру явилась она, недоношенная, недогретая, недосиженная – по имени Недо. А раз уж явилась, надо было куда-то двигаться. Куда? Вокруг знойная пустынная необозримость. И ничто, даже спасительные инстинкты, не подсказывали черепашке направление. Видно, что-то в Недо ещё не вызрело, не успело ороговеть. Нежность к будущему потомству? Но ведь этого не было в планах Создателя. Охота к перемене мест? Оказалось – ориентация в пространстве. Ничтоже сумняшеся она двинулась в обратную от Океана сторону.

Недо отважно, не ведая страха, где-то проваливаясь в ямы, ошпаренная знойным маревом, когисто преодолевала пустынные километры – под ленивым взглядом обездвиженных от жары змей и ящериц.

...Что интересно: в наше время, которое, возможно, потомки грустно назовут «эпохой децивилизации», кто-то склонен думать, что отвага несмышлёных, как и мудрость стариков, – материя эфемерная, едва ли не противоположенная... А жизнь с немереной мощью несёт в своих артериях не что иное, как только кровь и токи природных инстинктов. Но так ли это?

Остановилась путешественница, только уткнувшись в заросли травы. Раздвинув их, оказалась в ином мире – понизу стелился плотный шум – шуршащий, писклявый, натруженный. Здесь кто-то нелениво жил... Над черепашкой сияли золотые переливы живого малахитового света. А высоко над головой возникло чудо чудное – летящее многоцветье.

– Ты кто? – вдруг спросило оно.

– Так черепаха я. Морская.

– А! Вспомнила. Уродливая и безобразная. Ну и встреча... Двух миров. «Рождённый ползать летать не может». Так ведь? Это о тебе. Ползаешь, всякую дрянь жрёшь. А я вкушаю боже-

ственный нектар цветущих цветов. Поняла, кто я? Бабочка, самое красивое на земле насекомое, убогая ты наша.

– «Убогая»? Не знаю, разве себя видишь? Но почему – «дрянь жрёшь»? Я родом из морских глубин, там всякой черепахе на её трёхсотлетнюю жизнь неплохой еды хватает.

– Триста лет?! Ну и что... – бабочка нервно скрестила изящные усики. – Пусть мой век три дня (если повезёт, то и четыре). Зато ты никогда не увидишь, как прекрасна земля с моей высоты. Горы, леса, водопады... Это мой мир. Я купаюсь в красоте.

– А что толку – увидеть и почти тотчас умереть?! Сравни – мои три века и твои 72 часа жизни!

– Триста лет однообразия. Скучища! Ну вот ты и на вершине холма. Не умри от счастья...

Взгляд Недо радостно пробежал до самого горизонта, вобрав в маленькую душу всю красоту Творения. Бабочка забеспокоилась.

– Ты... плачешь? От восторга?

– Да. Да! Да! Я, оказывается, умею плакать!

В следующее мгновение, вспорхнув радугой красок, бабочка села на её кожистый нос и разом выпила черепашьи слёзы.

– Что? Что ты сделала?! Как ты могла?! Мне... плохо. Ничего, ничего не вижу, кроме серого тумана! Ты! Ты украла красоту!

– Ну, я... Твои слёзы восторга, только они, могут продлить ещё на один день мою жизнь. Как всякой бабочке. Можешь ли ты это понять?! Не три, а четыре... Из четырёх возможных! Только твои, а не слёзы крокодила помогают. Те водянистые, притворные, бесполезные. Я летала к Океану, знаю...

И медленно, отягощённая, отползла. Счастье надо было пережить...

...Минули 100 первых лет жизни Недо. Они были прекрасны, эти годы! Каждый из прошедших 36 тысяч дней Океан, едва солнце оказывалось в зените, начинал качать на своей голубой глади эту несуразную панцирную блаженствующую братию. С утра они подпитывались планктоном, затем ныряли на приличную глубину за десертом, медузами. И конечно, самозабвенно отдавались брачным играм. Самцы вожделенно

гладили когтисто морды своим возлюбленным, эксклюзивно понравившейся подруге исполняли тягучие гимны. Даже этот шершавый поход самок по песчаному пляжу к местам кладки яиц очень разнообразил их трёхсотлетнюю жизнь.

Однако Недо тяготила память. О другом, земном мире. Как может тяготить одиночку вряд ли понятное окружающим, ненужное им знание? В очередной раз пришло время материнства. После всех тягот пустыни, притоптав песок над последней кладкой будущих детёнышей, она, двинувшись от Океана, оказалась перед этим миром. Ничего не забыто! Через зелёную чащу к знакомой тропе! Вверх к горизонту с его потрясающими тайнами! Однако не одна, а стая бабочек облепили её панцирь. Нет, не тяжело, но зачем?! Ждут её слёз восторга, чтобы... хищно выпить?! Значит, они, потомки той, первой, всё... знают про их сладость?! И ждали целых сто лет?!

– Что медлишь, убогая? Ты, считай, уже на вершине, – ворчали хором пассажирки, нервно скрещивая изящные усики.

Но вдруг... Как всё, чего не ждёшь, происходит вдруг... Над этой компашкой появилась тень Орла:

– Не туда торопишься, черепаха... Не то празднуешь! Твоих черепашат, «наследных принцев», змея доживает. Если уже не съела. Ползи, убогая... Хотя вряд ли успеешь...

Распластавшись на вершине холма, Недо заплакала. Чудом не ороговевшая нежность к потомству переливалась в горечь отчаяния. А бабочки, прильнув, пили и пили её теперь уже не сладкие, а горькие слёзы. Уж очень хотелось им ещё один, четвёртый день попраздновать на этой изумительной планете. Увы! Слёзы горя и отчаяния дают обратный ход жизни. В Ничто они растворяют солнечные мгновения Бытия.

...И потому, увы, самым прекрасным созданиям земного мира оставалось жить лишь одну минуту и разъединственную секунду...

Википедия: «Некоторые разновидности хищных бабочек пьют слёзы черепах и крокодилов».

Раиса ГАЙДАРОВА

Журавль

РАССКАЗ

Меня, как молодого сотрудника администрации городского округа Н., расположенного в центральной России, ближе к Украине, направили в село, которые нынче называются сельскими поселениями, разобраться с водяным вопросом.

Село располагалось на краю городского округа, и добраться туда не очень просто. Собственного авто я ещё не приобрёл, и пришлось просить товарища подбросить меня к назначенному пункту.

Подъезжая к селу, мы проехали мост через небольшую речушку, он был не первой свежести. Мой товарищ сказал:

– Какой может быть водяной вопрос, если село расположено на реке?

Я ему ответил:

– Посмотрим. Раз люди жалуются, надо разобраться.

Последовал ответ:

– Твоё дело – разбираться, а уговор остаётся в силе, подброшу тебя в центр села, а там ты уж сам. У меня в городе работы полно.

– Не возражаю, – сказал я, – и на этом спасибо. Отсюда выберусь сам, попадают же жители села как-то в город.

На том и договорились.

На площади, в центре села, стояло странное сооружение, которое я видел только на картинках. Даже памятник В. И. Ленину с протянутой рукой стоял поодаль от центра площади.

Я разыскал здание бывшего правления колхоза. Когда-то это было самое красивое строение села, судя по окружающим его неприглядным домам, на которые старость уже наложила свой отпечаток. На входе ещё сохранилась табличка «Правление колхоза “Путь Ильича”». Там никого не было, и, похоже, давно.

Направился к ближайшему дому. Постучал в калитку колотушкой, которая висела рядом. На крыльцо дома вышла пожилая женщина, которая спросила:

– Вы ко мне?

– Нет, – ответил я, – но хотел спросить вас, где находится главный товарищ в вашем селе.

– Да есть какой-то представитель администрации, но мы даже толком не знаем кто. У нас давно нет никакой власти, с тех пор как реформировали местное самоуправление. Вся власть в городе, и мы её не знаем, а она не интересуется нами. Вот только когда назревают выборы... – Женщина явно была подкована в вопросах управления и спросила меня: – А вы, собственно, кто и по какому вопросу в село?

– Из городской администрации, послан разобраться с водоснабжением в селе, уж очень много жалоб из вашего села на то, что нет воды не только для полива, но и питья.

– Дошло наконец-то! – с жаром сказала она. – Но что, милоч, ты можешь сделать один? Тут нужна целая организация, чтобы решить этот вопрос. Обратись вон в тот дом, – она указала на дом, отличающийся своей ухоженностью от других.

– Спасибо, – сказал я и отправился к указанному дому.

В огороде перед ним копошилась женщина средних лет. Окликнув её, я спросил:

– Хозяин дома?

– А вы кто такой?

– Я из администрации города.

– А хозяин-то как раз поехал туда. А вы по какому вопросу?

– По вопросу водоснабжения.

– Давно нужно. А то его замучили этим вопросом, а что он может сделать, если ни денег, ни людей нет? Значит, вы с ним разминулись. Но думаю, что сегодня к вечеру он вернётся, тогда и решите все вопросы. Остановиться можете у нас...

Выслушав её, решил прогуляться по селу и поговорить с местными жителями. Погода была летняя, но на улицах пустынно, и пришлось стучаться в калитки, но не везде были люди. А где были, то женщины преклонных лет, которые жаловались на свою судьбу и вспоминали, как когда-то жизнь в селе была ключом, а сегодня пустота и что-то непонятное. Дети сбежали в город, остался только пожилой люд. Есть в селе несколько фермеров, но они не делают погоды, завязли в своих делах...

Я поблагодарил жителей за подробные беседы и пошёл искать фермеров, на которых ещё держалось село. По пути заглянул в поселковый магазин, который, по словам продавщицы лет сорока, держал один из фермеров. Она кое-что поведала:

– Спасибо Петру Фёдоровичу, что он дал мне работу. Уезжать из села мне нельзя, мама больная, и оставлять её никак не могу, а тут он предложил мне эту работу. Зарплата небольшая, но на хлеб и молоко хватает. Мы люди не гордые, выдюжим. По словам мамы, и не такое переживали. Пережили послевоенный голод 1947 года, ели лепёшки из желудей, выжили же. А сейчас хлеб есть...

Ассортимент в магазине и правда был небогатый. Но «сети» в сёла не идут, даже филиалы не открывают. Какая прибыль – а это их главная задача – с бедных стариков?

Продавщица показала, как найти её хозяйина – фермера Петра Фёдоровича, и я отправился по указанному адресу.

Пётр Фёдорович оказался мужчиной лет пятидесяти, и у нас с ним получился интересный разговор:

– Меня больше по старинке называют кулаком, а не фермером. У меня три работника пожилого возраста, которым уже некуда податься. Я их не обижаю, и они стараются меня не подвести.

Раньше я специализировался на кабачках. Наше село Петренково издревле славилось овощной продукцией. Заключил договор с консервным заводом, а он меня кинул. Сейчас занимаюсь сахарной свёклой, но всё боюсь, чтобы сахарный завод меня тоже не кинул. Помощи от властей в соблюдении договоров между нами и заводами никакой. И у нас больше прав у того, кто сильнее. А то, что по телевизору говорят о большой помощи сельскому производителю, больше от лукавого...

Все его горести были понятны мне, но меня конкретно интересовал вопрос о воде. Спросил его:

– Как вы выходите из положения, ведь ваши плантации требуют полива?

Он сказал, что для нужд хозяйства использует скважину, а для полива берёт воду из реки, есть специальный насос.

– Но поймите, не могу запросто так обеспечить всё село водой. Ведь обслуживание скважин требует денег, а их ещё надо пробурить... А в селе денег нет. Раньше колхоз занимался этим делом, а теперь – кому это нужно? В селе остались в основном старики и старухи, городской администрации, хотя село и входит в городской округ, они не нужны. Вот вы приехали, убедились, что дела с водой в селе плохи, доложите, может, и выслушают вас внимательно, но всё останется по-прежнему. Это уже не первый год. Вот если вопрос дойдёт до президента, тогда, может, всё и сдвинется с мёртвой точки. А пока основной источник питьевой воды – колодец...

Поблагодарив Петра Фёдоровича за содержательную беседу, договорился с ним, что завтра он подбросит меня до города. Он предложил на ночь остановиться у него, но я сказал, что переночую у «смотрящего» и заодно поговорю с ним о делах.

Я опять пошёл на площадь. День переключился на вечер, и на улицах стали появляться люди с ведрами, направлявшиеся к колодцу, который в народе назывался «журавль» (есть и другие колодцы, например с воротом, но журавль, пожалуй, более раннего происхождения и часто упоминается в древних преданиях).

У колодца седовласый старик помогал женщинам доставать воду. Он обратился ко мне:

– Вы, я вижу, приезжий? Не изволите ли испить нашей святой водицы?

Мы познакомились. Старика звали Степан, и жил он в Петренково со дня рождения, считай, старожил-абориген. У нас завязался непринуждённый разговор. Степан шутливо называл себя волонтером.

– Говорят, что сегодня модно молодым называть себя волонтерами. Но и мы, старики, ещё на что-то годимся. Не каждая старуха в силах достать воду из колодца. Вот я каждый вечер и прихожу сюда, к родному журавушке, чтобы помочь сирым набрать ведро воды на вечерний чай...

– А когда был сооружён этот колодец? – спросил я.

– Давно. Когда я родился – а это было более девяноста лет назад, – он уже радовал людей холодной и чистой водой. Пережил он и оккупацию, а вот теперь стал единственной радостью и достопримечательностью села.

Почитай, памятником стал. А теперь, когда наша водяная система захирела, и единственным поильцем. Ведь сегодня из реки воды не попьёшь, как ранее было, отрав...

– А что за водяная система у вас была? – поинтересовался я.

– Так водопровод не во всех домах был, а вот колонки стояли через каждые 50–70 метров. Был узел, где речная вода очищалась и поступала в эту систему. Но пришли лихие девяностые, и начался беспредел. Не стало ни сельсовета, ни колхоза. Никакой власти. Лихие люди стали ломать колонки, сдавая на металлолом, – одним словом, наступила смута, от которой не оправиться до сих пор...

Многое с тех пор изменилось, один журавль устоял, правда, и ему досталось. Дважды утаскивали противовес и ведро с цепью, но общими усилиями всё восстанавливали. Вот и теперь за ним смотрим бдительно, в ремонте и чистке помогают местные фермеры, молодцы, хотя у них и своих забот хватает.

От властей помощи никакой с тех пор, как власть убежала в район, подальше от людей.

Остался один «смотрящий», а что он может? Кроме воды на селе куча других проблем. Возьми культуру. Раньше был Дом культуры, правда, он и сегодня есть, но в заброшенном состоянии. Школу закрыли. Светоч всей культуры – это церковь, куда каждый день стекаются пожилые и старые прихожане, которые ещё верят в чудо, что кто-то из святых сделает их жизнь лучше. Да что там говорить, – вздохнул горестно Степан. – Как говорил Виктор Черномырдин, который к этому тоже руку приложил, «хотели как лучше, а получилось как всегда!»

После интересной беседы со Степаном у журавля я направился к дому старшего по селу. Хозяин был уже дома и встретил меня словами: «Так это вы уполномоченный из района?» Жители села по старинке называли город районом.

Терентий Силыч в свои пятьдесят с хвостиком выглядел бодро и пригласил меня к ужину, сказав:

– Потолкуем о делах за столом.

Я ответил, что согласен, но предупредил:

– Меня конкретно интересует вопрос водоснабжения села.

На что он сказал, что не будет меня загружать другими, потому что даже в администрации городского округа отказываются от их обсуждения.

За столом получился длительный и интересный разговор, конечно, не только о воде. Как уйти от других проблем села, если столько накопилось? Не буду на них останавливаться. По воде мы с хозяином пришли к единодушному мнению, что систему водоснабжения нужно восстанавливать, ибо без неё не возродить село. Без воды не поможет и частичная газификация. Нет гарантии, что люди зимой не замёрзнут. Всё равно нужно заготавливать дрова для отопления, а это пожилому населению уже не под силу, а молодёжь к такому житью-бытью не привлечёт.

Я пообещал хозяину, что обо всём честно доложу в администрации, на что он ответил:

– Верю. Но, знаете, этот вопрос сдвинется, возможно, тогда, когда мы отсюда уйдём... По телевизору и в местной прессе всё получается хорошо, а на деле... Нужна воля и хороший хозя-

ин в масштабе страны, контроль за чиновником, чтобы сдвинуть такую махину, как наша страна, с мёртвой точки.

Мы проговорили с Терентием Силычем далеко за полночь. А утром меня уже ждал Пётр Фёдорович, чтобы довезти до города. Гостеприимные хозяева снабдили меня десятком яиц от домашних кур и хорошим пучком моркови из собственного огорода. Попрощавшись с ними, я сел в машину местного фермера, и мы тронулись в путь, который пролегал через площадь села.

Проезжая через неё, я попросил Петра Фёдоровича притормозить, чтобы взглянуть на колодец с журавлём. Он, конечно, понял мои чувства и сказал:

– Любуйтесь, это настоящий памятник уходящему прошлому и пока не состоявшемуся настоящему.

– Это точно! – ответил я.

Шея журавля, так называемое коромысло, гордо устремилась ввысь, как будто вместе с протянутой рукой Ильича говорила: «Верной дорогой идёте, товарищи!» Но где эта дорога, за столетия не мог определить никто.

По дороге в город мы разговорились с Петром Фёдоровичем, и он высказал ряд своих мыслей и по поводу села, и по поводу нашего народа:

– Народ наш работающий, но только ему нужен хороший руководитель, а его-то и нет. Чиновник, не в укор тебе скажу, сидит в кабинете, дальше носа своего ничего не видит. Пугать его некому. А народ наш тоже привык уже к тому, чтобы его не трогали, и верит и надеется только на чудо. А ведь чудес не бывает. Надо работать, а заставить работать его может только хороший хозяин. Но таковых мало. И получается так, что нельзя построить социализм в отдельно взятой стране. В это должен поверить весь мир.

За столь интересной беседой мы незаметно доехали до города, хотя дороги и не были хорошего качества. Я поблагодарил Петра Фёдоровича за хлопоты, он отмахнулся и сказал:

– Поеду на рынок сдавать перекупщикам продукцию своего труда... Такова жизнь.

Вадим КУЛИНЧЕНКО

МАРКА К ЮБИЛЕЮ НАРОДНОГО ПОЭТА

7 июня в почтовое обращение вышла марка, посвящённая 100-летию со дня рождения поэта Расула Гамзатовича Гамзатова.

Расул Гамзатович Гамзатов (1923–2003) – выдающийся поэт, прозаик, публицист, общественный и политический деятель, переводчик. Герой Социалистического Труда (1974). Народный поэт Дагестанской АССР (1959). В 1939 году окончил Аварское педучилище и до 1941 года работал школьным учителем, затем – помощником режиссёра в театре, журналистом в газетах и на радио. В 1945–1950 годах учился в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. С 1951 года и до конца жизни возглавлял писательскую организацию Дагестана.

Произведения Р. Г. Гамзатова переведены на десятки языков народов России и мира. Множество стихотворений Гамзатова стали песнями, например «Журавли», «Исчезли солнечные дни». С Гамзатовым тесно работали многие композиторы, в том числе Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова; среди исполнителей песен на его стихи – Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев,

Марк Бернес, Дмитрий Хворостовский, Лев Лещенко и др.

В 2021 году Союз писателей России направил ходатайство руководству АО «Марка» с просьбой о выпуске знака почтовой оплаты с изображением народного писателя. Эта просьба была удовлетворена. Утром 7 июня в здании Главпочтамта состоялось гашение штемпелем специального гашения конверта первого дня, в этом мероприятии принял участие рабочий секретарь СПР Анатолий Труба.

На почтовой марке изображены Р. Г. Гамзатов на фоне гор и летящие журавли. Характеристики марки: художник-дизайнер – М. Подобед; номинал – 63 рубля; размер марки 50×37 мм, размер листа 178×177 мм; форма выпуска – лист из 12 (3×4) марок. Тираж – 120 тысяч марок (10 тысяч листов).

Кроме этого, правление Союза писателей России обратилось в ФНЦ Садоводства (г. Москва) с просьбой увековечить память Расула Гамзатова в названиях новых сортов плодово-ягодных деревьев. Эта просьба была удовлетворена, и в ближайшее время появится сорт косточковых растений «Белые журавли».

Александр СЕРГЕЕВ

ЛИТФИЛ-2023

18 мая в Москве состоялось торжественное открытие Всероссийской выставки филателистической литературы «ЛИТФИЛ-2023». Выставка, посвящённая 165-летию первой почтовой марки России и 100-летию первой марки СССР, продемонстрировала достижения филателистов в области литературы, электронных изданий и веб-сайтов. В конкурсном отборе приняло участие более 60 авторов, было представлено более 80 экспонатов из семи стран мира: России, Беларуси, Израиля, Молдовы, Монголии, Германии и Чехии. От России принимали участие филателисты из 19 городов. Каждый участник выставки получил диплом и медаль. Лучшие издания были отмечены специальными призами.

В мероприятии приняли участие президент Союза филателистов России Алексей Бородин, генеральный директор АО «Марка» Артём Адибеков, руководитель департамента корпоративной социальной ответственности АО «Почта России» Раиса Ирз и главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ», секретарь Союза писателей России, прозаик, публицист Анатолий Труба, который от лица правления Союза писателей России поздравил участников мероприятия и вручил почётные грамоты СПР организаторам.

На выставке были представлены печатные и электронные издания – каталоги, книги, монографии, исследования, сборники исследовательских статей, действующие некоммерческие веб-сайты, а также тематические экспонаты.

Кроме того, в рамках открытия выставки состоялась церемония памятного гашения маркированной карточки, посвящённой Всероссийской выставке филателистической литературы «ЛИТФИЛ-2023». На карточке изображены каталоги знаков почтовой оплаты, издания по истории почты и филателии, а также памятная медаль, разработанная к выставке. Тираж карточки – 1,2 тыс. экземпляров. Карточка вышла в почтовое обращение и поступила в продажу в отделениях почтовой связи по всей стране и сети салонов «Коллекционер».

Главный приз – «Большая позолоченная медаль» – был вручён Анатолию Трубе за книгу «Лауреаты Нобелевской премии по литературе, 1901–2019: судьбы писателей и почтовые миниатюры» (авторы – Александр Семин и Анатолий Труба). В дальнейшем это издание будет представлять Российскую Федерацию на Международной филателистической выставке «Таиланд-2023», которая пройдёт в Бангкоке с 27 ноября по 2 декабря 2023 года.

Александр СЕРГЕЕВ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД РОССИИ

Ярко, громозвучно и возвышенно прошли в Татарстане торжества по случаю 280-летия Гавриила Романовича Державина, выдающегося поэта и государственного деятеля, который писал о себе: «...И слава возрастёт моя, не увядая, / Доколь славянов род вселенна будет чтить». Утверждая эти строки, утром 14 июля в увенчанном тайнами Лядском саду собрались ценители великорусского слова, чтобы возложить цветы и почтить память того, кто стал литературным маяком для Пушкина, Лермонтова и всех последующих поколений, продолжающих традиции державинской мысли и слова. В мероприятии приняли участие министр культуры республики Татарстан Ирада Аюпова, прокурор республики Илдус Нафиков, председатель Союза писателей Татарстана Ркаил Зайдулла, народный поэт Татарстана Ренат Харис, заместитель председателя Совета Ассамблеи народов Татарстана Ирина Александровская.

Почётными гостями праздника стала делегация Союза писателей России – член правления СПР, главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ» Анатолий Труба,

помощник председателя СПР по международным связям Сергей Гловюк, секретарь СПР, гл. редактор литературно-художественного журнала «Пять стихий» Елизавета Хагланова. В своих выступлениях они отметили, что именно отсюда, с благодатной земли Татарстана, начал Державин свой большой путь по России, до нынешних дней объединяя людей разных возрастов, взглядов и вероисповеданий, объединяя русский и татарский народы. Гости также передали приветствие и добрые пожелания от председателя правления Союза писателей России Николая Иванова, который в эти дни находится на территории одного из новых регионов страны для создания регионального отделения СПР.

В этот же день делегация из Москвы приняла участие в праздничном концерте, который состоялся в Лаишево. Особенно значимым событием мероприятия стала торжественная передача Анатолием Трубой саженца нового сорта вишни под названием «Державинская», который по инициативе Союза писателей России и благодаря усилиям учёных Федерального научного центра им. И. В. Мичурина был выведен

специально к юбилею выдающегося просветителя. С целью прославления имен великих русских писателей в рамках действующего проекта «Дадим деревьям наши имена» ранее были выведены вишня Тургеневская, яблони Шолоховская, Гумилёвская, Цветаевская и др. Анатолий Сергеевич выразил уверенность, что саженец Державинской вишни приживётся на земле Татарстана, продолжая и через столетие хранить память о великом потомке Багрим-мурзы.

...Центральным моментом вечера стало объявление имени победителя ежегодной Республиканской премии имени Г. Р. Державина, которая вручается писателям – за произведения, популяризирующие творчество Г. Р. Державина, и юристам – за научные исследования в сфере юриспруденции. В этом году победителем стал писатель Айрат Бик-Булатов за книгу «Очерки истории казанской журналистики (1758–1918)». Награду вручила вице-премьер Республики Татарстан Лейла Фазлеева. Добрым символом продолжения державинских языковых традиций было и вручение наград победителям детского конкурса «Старик Державин нас заметил...», в котором приняли участие дети разных возрастных категорий, сочиняющие стихи на русском и татарском языках. Изюминкой праздника стали театрализованные и костюмированные инсценировки, восхитительные танцевальные номера, исполне-

ние академических вокальных произведений, народных песен, романсов на стихи Гавриила Романовича и, конечно, поэзия современников. Во всём чувствовался дух эпохи Просвещения и та самая «река времён в своём стремлении»...

Следующий день стал особенно плодотворным. Писатели из Москвы и Казани провели совместный круглый стол «Творчество Державина в контексте диалога литератур и культур». Обсуждение актуальных и наиболее волнующих вопросов состоялось в стенах Союза писателей Татарстана. Открывая заседание, председатель СП РТ Ркаил Зайдулла отметил важность этой встречи и выразил готовность к активному взаимодействию с Союзом писателей России, и в частности с региональным отделением в Казани. Руководитель московской делегации Анатолий Труба рассказал об основных направлениях деятельности СПР, о многочисленных возможностях для совместной работы, а также представил участникам встречи литературно-исторический журнал «Александръ». Сергей Гловюк остановился на вопросах национальной литературы, которые, безусловно, волнуют казанских авторов. Сергей Николаевич подарил татарским писателям литературный альманах «Небожители подвала». Елизавета Хапланова выразила уверенность, что в свете нынешних событий Г. Р. Державин написал бы не одну оду во славу героев специальной военной операции. Она рассказала о патриотическом фронте Союза писателей России, а также представила книги серии «Воины России» и «Библиотека Донбасса» (издательство «Вече»), пригласив к совместной работе в данном направлении. Патриотические сборники «Оберег» и «Мы с вами, братья», где опубликованы в том числе стихи казанских авторов, были вручены председателю СП Татарстана. В знак дальнейшей дружбы Р. Зайдулла вручил СП России «Антологию современного татарского рассказа» с дарственной надписью.

...В беседе также приняли участие руководитель Татарстанского РО СПР Татьяна Сушенцова, член правления РО СПР Светлана Мингазова, организатор Державинских фестивалей в Татарстане, член правления Союза переводчиков России Альфия Галимуллина, казанские писатели

Ринат Ахметзянов, Айрат Бик-Булатов, Наиля Ахунова, Валерий Орлов, Дина Мухаметзянова и другие. Общее настроение встречи воодушевило участников на новые идеи, был выдвинут ряд предложений и форм сотрудничества. Закономерным и символичным стало и коллективное фото у картины, где изображены классики татарской литературы.

В этот же день был организован мастер-класс для казанских авторов, который провели Сергей Гловюк и Елизавета Хапланова. А вечером все собрались на творческую встречу, где своими стихами и мыслями делились не только гости из столицы, но и местные поэты...

Состоявшиеся мероприятия ещё раз напомнили о том, что, сохраняя в памяти, в своей крови все даты и события нашей истории, мы храним и генетический код высокого слога Державина. Памятник, который воздвиг себе поэт, воистину «металлов твёрже и выше пирамид». Этот памятник виден из любой точки мира, созвучен любой строке русских поэтов, зрим в каждом нашем деле во благо России...

Елизавета ХАПЛАНОВА

«Дней Александровых прекрасное начало»

2 июня на Красной площади состоялось открытие книжного фестиваля с таким названием. В канун Пушкинского дня встретились поэты, писатели, переводчики и журналисты со всей России – от Калининграда до Владивостока. А на площадке «История Отечества» в кругу друзей и покровителей прошла презентация литературно-исторического журнала «Александръ». Среди приглашённых гостей: председатель Союза писателей Николай Иванов, Герой России космонавт Олег Артемьев, а также выдающийся биатлонист, четырёхкратный олимпийский чемпион Александр Тихонов.

В истории России было немало выдающихся Александров. Это имя носили императоры, полководцы, писатели, композиторы, купцы, артисты, спортсмены и многие другие, но олицетворением названия издания, по словам его главного редактора Анатолия Трубы, стали три вполне конкретных человека. «Александр Невский – это православие, Александр Суворов – история. Но первостепенен в этом названии всё же Александр Пушкин – путеводная звезда, благодаря которой было открыто множество писательских талантов. Собственно, даже логотип журнала представляет собой профиль великого писателя». Достоинейший триумвират!

После приветственной речи главного редактора слово взял Николай Иванов: «Войти с новым журналом в наш литературный процесс, заявить о себе – для этого нужна и отвага, и мудрость, даже безрассудство, но зато сегодня мы выступаем в первом шатре на Красной площади, прямо в сердце столицы». И правда,

изданию в этом году исполняется семь лет – приличный срок в наше время. Это значит, что «Александръ» нашёл отклик, нащупал необходимый читательский нерв. К слову, 30 экземпляров, которые были припасены для слушателей, закончились через несколько минут после начала презентации – слова тут излишни.

Слово взял Олег Артемьев, сразу же передав один из выпусков журнала Анатолию Трубе. Может показаться странным, что главному редактору дарят его же журнал, но этот номер был особенным – ведь он побывал в космосе, на Международной космической станции, с 18 марта до 29 сентября 2022 года.

Заканчивал презентацию тёзка журнала Александр Тихонов: «Я благодарен судьбе, что стал членом Союза писателей России. Я рад общаться с этими людьми. Грамотными, интересными, скромными. Настоящими тружениками. В моей жизни происходило очень много. Но я не отошёл от правды. Не отошёл от той правды, которая была заложена моим отцом, который прошёл Великую Отечественную войну. Я вырос на рассказах людей, односельчан, которые прошли войну. У нас мало прессы, в которой печатается и говорится правда. И наш журнал – один из таких».

«Александръ» выходит один раз в месяц, а все выпуски бесплатно выкладываются в электронном виде на сайте издания. А учитывая, что редакция открыта к сотрудничеству, любой читатель может превратиться в автора.

Валерия МОРОЗОВА

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru